

Анни Безант БЕЗАНТ

БРАТСТВО РЕЛИГИИ

«ДРУЖИМЕ ЧУДИТЕЛ»

- « Единство Бога
- « Величайше чудо
- « Астрология сфера
- « Перерождения
- « Зодиак Хартия
- « Секретната страна религия

LITRU.RU

Продолжая рассмотрение мистерий познания, мы останемся верными достойному и чтимому правилу традиции, начав с происхождения вселенной, установив те главные черты физического исследования, которые необходимо предпослать, и, устраняя все, что может послужить препятствием на нашем пути; так чтобы ухо приготовилось к восприятию традиции гнозиса, и почва была бы расчищена от сорных трав, став пригодной для насаждения виноградника; ибо столкновение предшествует столкновению, и мистерии предшествуют мистериям.

Св. Климент Александрийский

Да будет этот образец достаточен для тех, кто имеет уши. Ибо не требуется раскрывать мистерию, но лишь указывать на то, что достаточно.

Св. Климент Александрийский

Кто имеет уши чтобы слышать, да слышит!

Св. Матвей

Предисловие

Цель этой книги – предложить читателям ряд мыслей относительно глубоких истин, лежащих в основе христианства, истин, которые или принимаются слишком поверхностно или даже совсем отрицаются. Великодушное желание разделить со всеми наиболее драгоценное, широко распространить бесценные истины, не лишать никого света истинного познания имело последствием усердие без разбора, которое упростило христианство до того, что его учения приняли такую форму, которая и возмущает сердце, и не принимается разумом. Заповедь «проповедовать Евангелие всей твари»,^[1] которую едва ли можно признать за подлинную заповедь, – была истолкована как запрещение передавать гнозис немногим, и она же вытеснила иное, менее распространенное изречение того же великого Учителя: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями».^[2]

Эта неразумная сентиментальность, отказывающаяся признать явное интеллектуальное и моральное неравенство людей и, благодаря этому, стремящаяся свести к уровню понимания наименее развитых людей учения, доступные лишь для высокоразвитого ума, жертвующая таким образом высшее на пользу низшему к обоюдному вреду, – такая сентиментальность была чужда мужественному здравомыслию ранних христиан.

Св. Климент Александрийский говорит совершенно определенно: «И даже ныне, как сказано, не нужно метать бисера перед свиньями, да не попрут его ногами и, обратившись, не растерзают вас. Ибо трудно изложить чистые и прозрачные слова, касающиеся истинного Света, свинским и неподготовленным слушателям».^[3]

Если бы гнозис, это истинное познание, возродившись, составило снова часть христианских учений, – подобное возрождение оказалось бы возможным только при условии прежних ограничений, только тогда, когда самая мысль о нивелировке религиозного учения до уровня наименее развитых, будет оставлена решительно и навсегда. Лишь повышая уровень религиозных истин, можно открыть путь к восстановлению сокровенного знания и к научению малых мистерий, которое должно предшествовать научению великих мистерий. Последние никогда не появятся в печати; они могут быть передаваемы ученику только «лицом к лицу» Учителем. Но малые мистерии, т. е. частичное раскрытие глубоких истин, могут быть восстановлены и в наши дни, и предлагаемый труд имеет целью дать их краткий очерк и показать *природу* того сокровенного учения, которым следует овладеть. Там, где даются лишь намеки, сосредоточенной медитацией над затронутыми истинами возможно едва заметные очертания сделать ясно видимыми и, продолжая медитацию, углубляться все более в понимание этих истин. Ибо медитация приводит к успокоению низший разум, вечно занятый внешними предметами, и, когда он затихнет, тогда только возможно воспринять духовное просветление. Познание духовных истин может быть приобретаемо только изнутри, а не извне, не от внешнего учителя, а лишь от божественного Духа, построившего свой Храм внутри нас.^[4] Эти истины «познаются духовно» тем пребывающим внутри божественным Духом, тем «умом Христовым», о котором говорит апостол,^[5] и этот внутренний свет изливается на наш низший разум.

Это есть путь Божественной Мудрости, истинной теософии. Теософия не есть, как некоторые думают, слабая версия индуизма или буддизма, или даосизма, или иной определенной религии; она есть эзотерическое христианство, как есть и эзотерический буддизм, и принадлежит она одинаково каждой религии, исключительно же – ни одной. В ней – источник указаний, которые даются в этой книге для помощи тем, кто ищет Свет, – тот «истинный свет», который просвещает каждого человека, проходящего «в мир»,^[6] хотя бы у большинства еще и не раскрылись глаза, чтобы видеть его. Теософия не приносит Свет, она лишь говорит: «откройте

глаза, и смотрите – вот Свет!». Ибо так слышали мы. Теософия призывает лишь тех, которые жаждут получить более того, что могут дать им внешние учения. Для тех, кто вполне удовлетворяется внешними учениями, она не предназначена, ибо зачем насильно предлагать хлеб не голодному?

Для тех же, кто голоден, да будет она хлебом, а не камнем.

Глава I. Сокровенная сторона религии

Многие, может быть, большинство, прочитав заглавие этой книги, отнесутся к ней отрицательно, и будут оспаривать существование какого бы то ни было учения, заслуживающего названия «Сокровенного христианства». Существует широко распространенная уверенность, что в связи с христианством совсем не имеется того, что можно назвать оккультным учением и что «мистерии», как малые, так и великие, были чисто языческим учреждением. Самое название «Мистерии Иисуса», которое было так дорого для христиан первых веков, не вызвало бы ничего, кроме изумления среди современных христиан; если же заговорить о «мистериях» как об определенном учреждении древней церкви, скорее всего можно вызвать лишь улыбку недоверия. Более того, для христиан является предметом гордости, что в их религии нет никаких тайн, что все, что христианство имеет сказать, оно говорит всем, что все, чему оно учит, предназначено для всех без исключения. Предполагается, что его истины так просты, что самый обыкновенный человек, будь он даже малоумный, не может заблуждаться в них, и «простота» евангелия сделалась ходячей фразой.

Ввиду этого особенно важно доказать, что христианство в своем раннем периоде ничуть не отставало от других великих религий, которые все обладали сокровенными учениями, доказать, что и оно обладало своими мистериями и охраняло их как бесценное сокровище, тайны, раскрывавшиеся только для немногих избранных, которые участвовали в мистериях.

Но прежде чем приступить к таким доказательствам, следует рассмотреть вопрос о сокровенной стороне религии вообще, и отдать себе отчет, *почему* такая сторона должна существовать, чтобы придать религии силу и устойчивость; если мы выясним этот вопрос, все последующие ссылки на Отцов Церкви, доказывающие существование сокровенной стороны в христианстве, покажутся естественными и перестанут вызывать недоумение. Как исторический факт, существование эзотеризма в древнем христианстве может быть доказано, но оно может быть подтверждено и внутренней необходимостью.

Первый вопрос, на который нужно ответить, следующий: *какова цель религий?* Религии даются миру их Основателями, несравненно более мудрыми, чем те народы, для которых они назначаются, и цель их – ускорить человеческую эволюцию. Чтобы успешно достигнуть этой цели, религиозные истины должны достигать до сознания всех отдельных людей и влиять на это сознание. Но мы прекрасно знаем, что не все люди стоят на одном и том же уровне развития; мы знаем, что эволюцию можно изобразить как постепенный подъем, на каждой точке которого находятся различные люди. Наиболее развитые стоят гораздо выше, чем менее развитые, как в смысле ума, так и в смысле характера; и способность понимать и правильно действовать меняется на каждой восходящей ступени. Поэтому совершенно бесполезно давать всем одно и то же религиозное учение: то, которое поможет интеллектуально развитому человеку, останется совершенно непонятным для человека первобытного, а то, что способно поднять святого до экстаза, оставит преступника вполне равнодушным. С другой стороны, если учение способно оказать благое влияние на человека неинтеллигентного, оно покажется младенческим для философа, и то, что несет в себе спасение для преступника, окажется совершенно бесполезным для святого. А между тем, все люди нуждаются в религии, для всех необходим идеал, к которому можно было бы стремиться, и ни одна из ступеней развития не должна быть пожертвована ради другой. Религия должна быть так же постепенна, как и эволюция, иначе она не будет достигать своей цели.

Затем возникает вопрос: *каким образом религии могут ускорить человеческую эволюцию?*

Религии стремятся развивать моральные и интеллектуальные стороны людей и помогать раскрытию их духовной природы. Рассматривая человека как сложное существо, они стремятся помочь всем сторонам его бытия – дают учения, соответствующие всем разнообразным нуждам человека. Следовательно, религиозные учения должны давать ответ каждому уму и сердцу, к которому они обращены. Если религия недоступна для сознания человека, если она не овладевает им, если она не очищает и не вдохновляет его эмоцией, в таком случае она для него не достигла своей цели.

Но религия не ограничивается влиянием на мысли и эмоции; она стремится, как уже сказано, повлиять на духовное развитие людей. Она отвечает тому внутреннему побуждению, которое присуще всему человечеству и которое непрестанно толкает его вперед. Ибо глубоко внутри каждого сердца – часто отягченного преходящими затруднениями или заполненной неотступными заботами и тревогами – существует постоянное искание Бога.

«Тебя от ранней зари ищу я, Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле безводной...»^[7] Так жаждет человечество Бога. Искание это иногда как бы прекращается, жажда по временам исчезает. Бывают периоды в цивилизации и в сознании, когда этот крик человеческого духа, ищущего свой божественный источник – как вода, по выражению Джордано Бруно, ищет свой уровень – когда это томление человеческого духа по сродному началу, это устремление частицы к целому кажется на время угасшим; и, тем не менее, стремление это возрождается снова, и снова раздаётся тот же крик духа, ищущего Бога.

Заглушенная временно, с виду уничтоженная, жажда эта возникает снова и снова с непреодолимым упорством, она вновь возрождается, сколько бы раз ни заглушали ее; это доказывает, что жажда Бога – врожденное свойство человеческой природы, неискоренимая составная часть ее. Бывает, что люди говорят: «видите, она умерла!», но торжество их непродолжительно и они убеждаются, что она снова возникла с неуменьшенной жизненностью. Все, кто строят, не принимая ее в расчет, убеждаются, как их тщательно возведенные здания разрушаются словно от землетрясения. Все, убежденные, что их эпоха переросла эту жажду, видят, как самые дикие суеверия возникают, когда для нее нет удовлетворения.

И до того присуща нам эта жажда Бога, что человек не может обойтись без ответа на свои вопросы: он хочет во что бы то ни стало ответа, хотя бы это был и ложный ответ. Если он не может найти религиозной истины, он предпочтет заблуждение полному отсутствию религии. Он воспримет скорее самый несовершенный идеал, чем помирится с тем, что совсем не существует идеала.

Религия идет навстречу этой жажде и, овладевая той частью человеческой природы, которой присуща эта жажда, воспитывает ее, укрепляет, очищает и направляет к ее истинному завершению – к соединению человеческого духа с божественным, чтобы Бог «мог быть всем и во всем».^[8]

Следующий вопрос, который возникает из пути нашего исследования, таков: где искать источник религий? На этот вопрос в наши дни имеется два ответа, один, даваемый сравнительной мифологией, другой – сравнительным изучением религий. Оба утверждают свои ответы на общей основе признанных фактов. Исследования доказали неоспоримо, что все мировые религии сходны в своих главных учениях и в том, что все они имели Основателей, являвших сверхчеловеческие силы и величайшую нравственную высоту; что они схожи в своих этических заповедях, в средствах для достижения соприкосновения с невидимыми мирами и в символах, посредством которых они выражали свои руководящие верования. Это сходство, доходящее во многих случаях до тождества, доказывает – по выводам и той и другой научной школы – общее происхождение религий.

Но относительно природы этого общего происхождения обе школы расходятся между

собой. Представители сравнительной мифологии утверждают, что это общее происхождение есть общее невежество, и что самые возвышенные религиозные доктрины не более как утонченное выражение грубых представлений дикарей, выражающих их понятия о себе и об окружающем их мире. Анимизм, фетишизм, поклонение природе, поклонение солнцу – вот составные части того первобытного ила, из которого выросла великолепная лилия религии. Кришна, Будда, Лао-цзы, Иисус – все это по их мнению хотя и высокоразвитые, но все же нисходящие по прямой линии потомки вертящихся знахарей диких племен. Бог есть как бы составная фотография бесчисленных богов, олицетворяющих силы природы. И так далее, все в этом роде. Вся суть этой школы обобщается в одной фразе: религии – ветви одного общего ствола: *человеческого невежества*.

Представители сравнительного богословия утверждают со своей стороны, что все религии получают свое начало в учениях тех Бого-человеков, которые, появляясь от времени до времени, предлагают различным народам такие части из основных религиозных истин, какие данный народ способен воспринять; которые провозглашают одну и ту же нравственность, предлагают применение одних и тех же средств, употребляют однозначные символы. Религии дикарей – анимизм и остальные – не более, как вырождения, результаты упадка, искаленные отголоски истинных религиозных верований. Поклонение солнцу и чистые формы поклонения природе были в свое время благородными религиями, высокоаллегорическими и полными глубокой истины и значения. Великие Учителя, по мнению индусов, буддистов и некоторых представителей «сравнительного изучения религий», каковы теософы, образуют Великое Братство, члены которого высоко поднялись над обыкновенным человечеством, служат ему как его духовные Охранители и от времени до времени появляются среди людей, чтобы дать им новый духовный толчок. Эта точка зрения может быть выражена в нескольких словах: «религии – ветви одного общего ствола: *Божественной Мудрости*».

Эта Божественная Мудрость называлась в различные века гнозисом, Мудростью, теософией и некоторые представители религиозного сознания, стремившиеся в различные века подчеркнуть свою веру в единство религий, предпочитали эклектическое имя теософа всякому другому, более узкому обозначению.

Об относительной ценности доводов, выставляемых двумя названными школами, можно судить по тому, насколько убедительны те доказательства, которые выставляются каждой из них. Выродившаяся форма благородной идеи может быть с виду вполне сходной с утонченным выражением грубой идеи, и единственный способ решить, имеем ли мы дело с вырождением или эволюцией, это – исследовать ее промежуточные фазы и ее отдаленный источник. Доказательства, которые выставляются сторонниками происхождения религии из источника Мудрости, такого рода: они утверждают, что Основатели религий, судя по записям их учений, стояли несравненно выше уровня современного им человечества; что св. Писания содержат нравственные правила, возвышенные идеалы, поэтические вдохновения, глубокие философские положения, которые по красоте и вдохновению несравненно выше, чем все позднейшие Писания тех же религий; иными словами, что не новое выше старого, а наоборот, старое выше нового. Далее, они утверждают, что нельзя указать ни на один случай усовершенствования первоначального религиозного источника, тогда как можно привести не мало противоположных случаев – вырождения самых возвышенных учений; и кроме того, если внимательно рассматривать религии дикарей, и в них можно найти следы возвышенных идей, которые с полной очевидностью превышают творческие способности самих дикарей.

Эта последняя мысль была разработана ученым Эндрю Ланг, который, судя по его книге «The Making of Religion» («Образование религий»), принадлежит скорее к представителям «Сравнительного изучения религий», чем к сторонникам «Сравнительной мифологии». Он

указывает на существование общей традиции, которая – утверждает он – не могла возникнуть среди самих дикарей, обычные верования которых так грубы и мысль которых стоит на таком низком уровне. Он указывает, что под их грубыми верованиями кроются возвышенные традиции, касающиеся природы божественного Существа и Его отношения к людям. Обогащаемые ими божества обладают по большей части свойствами самых настоящих дьяволов, но за ними, над всем этим несовершенством, чувствуется неясное, но полное света осеняющее Присутствие, редко или совсем не называемое, упоминаемое с благоговением как источник всего, как сила любви и добра, слишком нежная, чтобы возбуждать ужас и слишком благая, чтобы требовать умиротворения. Такие идеи очевидно не могли возникнуть среди дикарей, и они остаются красноречивыми свидетелями откровения, данного одним из великих Учителей – смутное предание о котором существует почти повсеместно, – который был Сыном Мудрости и сообщал некоторые из своих учений в давно прошедшие века.

Причина, а также и оправдание взглядов, разделяемых представителями сравнительной мифологии, совершенно ясна. Они всюду находили грубые формы религиозных верований, когда их исследования касались диких племен. Формы эти всегда сопровождали общий недостаток цивилизации. Утверждая, что цивилизованные люди произошли от дикарей, не естественно ли смотреть на их религии как на продукт, развившийся из религий низшего типа? Этот вывод совершенно естествен. Только дальнейшее и более глубокое изучение этого вопроса может доказать, что дикари нашего времени не представляют собой типа наших предков, что они – лишь выродившиеся отпрыски великого культурного ствола далекого прошлого, и что человек в период своего младенчества – не был предоставлен самому себе, но был руководим Старшими Братьями человеческой расы, которые направляли его первые шаги как в религии, так и в цивилизации. Эта точка зрения подтверждается всеми фактами, приводимыми в книге Ланга, и она неизбежно вызывает вопрос: «Кто же были эти старшие, относительно которых всюду имеются предания?»

Продолжая далее наши исследования, мы приходим к следующему вопросу: какого рода людям давались религии?

Здесь мы сразу подходим к той трудности, с которой каждый Основатель религии должен был считаться; мы знаем, что закон человеческой эволюции вызывает неизбежный факт одновременного существования людей на различных ступенях развития, вследствие чего Основателю религии приходилось неизбежно иметь дело и с высокоразвитыми людьми, и с людьми первобытными; в одной местности Он встречал сложную высоко развитую цивилизацию, а в другой – совсем простой, первобытный строй. Но даже и в пределах каждой данной цивилизации находятся самые разнообразные типы людей, и невежественные, и воспитанные, и вдумчивые и очень поверхностные, и высоко духовные и чрезвычайно грубые; и тем не менее, влияние религии должно достигать до каждого из них, каждому должна быть дана помощь на той ступени, где он стоит. Если эволюция существует, подобные затруднения неизбежны, и с ними божественный Учитель должен считаться, иначе дело Его не может быть успешно. Если человек действительно развивается, как развивается все вокруг него, – эти разнообразные ступени сознательности должны быть присущи человечеству везде и всегда, и они должны быть приняты в соображение всеми мировыми религиями.

Таким образом, мы подошли лицом к лицу к основному положению: не может быть одного и того же религиозного учения даже для одной народности, а тем более для целой цивилизации или для всего мира. Если бы было только одно учение – большая часть людей, к которым оно обращено, осталась бы вне его влияния. Если бы оно было доступно для наиболее ограниченных людей с элементарной нравственностью, с темными представлениями и могло успешно действовать на их эволюцию, – в таком случае оно было бы совершенно неподходящим для тех

представителей той же нации, которые отличаются тонкими нравственными понятиями, развитым умом и ясно выраженной духовностью. Если же данная религия давалась только для этих последних, если бы ее философия должна была служить светочем только для их развитого сознания и только для их утонченных нравственных представлений и для их опередившей духовности давала возвышенный идеал, – такая религия не могла бы затронуть мысль неразвитых людей и не могла бы подействовать на их сердца; она осталась бы для них набором незначущих фраз, не способных возбудить их дремлющие силы и дать мотив для поведения, поднимающий их нравственность на высшую ступень.

Рассматривая таким образом цель религии, ее средства, ее происхождение, и разнообразные потребности народа, к которому она обращена; признавая эволюцию духовных, умственных и нравственных способностей человека и нужду каждого в таком воздействии, которое соответствовало бы его ступени развития, – мы приходим к абсолютной необходимости различия и постепенности в религиозных учениях, чтобы последние могли отвечать духовным нуждам всех людей и помогать каждому человеку в отдельности.

Есть еще другая причина, почему необходимо эзотерическое или сокровенное учение, когда дело касается известного разряда истин. К этому разряду относится изречение, что «знание есть сила». Открытое обнародование такой философии, которая обращается исключительно к высокоразвитому интеллекту, не может повредить никому. Она может быть распространяема безопасно, ибо она не привлечет к себе невежественного человека, и он не исказит ее. Но существуют учения, которые касаются строения природы, которые объясняют скрытые законы и бросают свет на сокровенные процессы, знание которых дает власть над естественными энергиями и делает обладателя такого знания способным направлять эти энергии к определенным целям совершенно так, как химик действует с продуктами химических соединений.

Такое знание может быть очень полезно для высокоразвитых людей и может увеличить силу их служения миру, но если бы такое знание было обнародовано перед всеми, оно повело бы к злоупотреблениям вроде того, как знание тонких ядов в средние века было направлено во зло Борджиями и другими. Оно могло бы попасть в руки людей с сильным умом, но недисциплинированными желаниями, людей,двигаемых эгоистическими инстинктами, ищущих пользы только для себя и не интересующихся общим благом. Их привлекала бы надежда развить в себе силы, которые поставили бы их выше общего уровня и отдали бы в их власть обыкновенное человечество. Такие люди устремились бы к приобретению знаний, которые действительно способны поднимать на сверхчеловеческую высоту, и оно сделало бы их еще более эгоистичными, усилило бы их самоутверждение, их гордость получила бы новую пищу, чувство обособления укрепилось бы до чрезвычайности, и их неизбежно потянуло бы по наклонной плоскости, которая ведет к «Левому Пути», служащему разъединению, а не единству. И не только они сами пострадали бы в глубине своей природы, но они сделались бы угрозой для общества, и без того уже достаточно страдающего от людей, интеллектуальное развитие которых опередило развитие совести. Вот откуда возникает необходимость охранять известные учения от нравственно неподготовленных людей, и эта необходимость обязательна для каждого Учителя, который способен давать подобные знания. Поэтому вполне естественно его желание давать такие знания только тем, которые имеют в виду прежде всего общее благо, которые готовы работать для всеобщей эволюции, и так же естественно его желание оградить эти знания от людей, стремящихся к собственному возвеличению в ущерб всем остальным.

Все сказанное не есть только теория. Оккультные летописи дают много указаний на факты, на которые имеются намеки и в книге Бытия в главе VI и в последующих. Знания эти были распространены в древние времена на затонувшем континенте Атлантиды, где они давались без

строгости соотношения с нравственной высотой, чистотой и бескорыстием получавших эти знания. Они давались приблизительно так же, как в наше время преподается обыкновенная наука. Доступность для всех, которая так повелительно требуется в наше время, привела в Атлантиде к тому, что некоторые люди становились гигантами в знании, но точно так же гигантами и в зле; и это длилось до тех пор, пока земля не застонала под игом угнетателей, пока крик о помощи попоранного человечества не пронесся по всем мирам. Тогда последовало уничтожение Атлантиды, погружение этого обширного материка на дно океана; намеки на это событие даются Библией в повествовании о Ноевом Ковчеге, а в индусских Священных Писаниях далекого Востока – в Истории Вайвасваты Ману.

Со времени этого опыта, доказавшего, как велика опасность, когда нечистые люди допускаются к знанию, которое есть сила, – великие Учителя установили строжайшие условия в смысле чистоты, бескорыстия и самообладания для всех, ищущих оккультного обучения. Они безусловно отказываются сообщать подобные знания ученикам, которые не согласны подчиниться строгой дисциплине, имеющей целью уничтожить эгоистическую обособленность их чувств и интересов. Они имеют в виду нравственную силу ученика даже более, чем его интеллектуальное развитие, ибо такое обучение само по себе развивает интеллект и оно же подвергает большому напряжению нравственную природу человека. Не удивительно, что хранители мудрости предпочитали скорее переносить упреки невежественных людей, чем рисковать вызвать новую катастрофу для всего мира.

Все это касается теории, указывающей на необходимость сокровенной стороны во всех религиях. Но когда мы переходим от теории к фактам, естественно является вопрос: существовала ли такая скрытая сторона в прошлом, и действительно ли она составляла часть мировых религий? Ответ на этот вопрос может быть только утвердительный. Каждая великая религия обладала таким сокровенным учением, которое было хранилищем мистических знаний, а также практической мистики или оккультного знания. Мистическое толкование популярных учений было всенародно и оно объясняло последние как аллегории, придавая неразумным с виду утверждениям и рассказам приемлемое для разума значение. За этим теоретическим мистицизмом существовали и практические указания, сокровенное духовное обучение, сообщавшееся лишь под известными условиями, которым должен был подчиниться каждый, желавший приобщиться к такому знанию. Св. Климент Александрийский упоминает о таком разделении мистерий: «После очищения, – говорит он, – следуют малые мистерии, в которых даются некоторые основы правил и предварительного приготовления к тому, что должно последовать, а затем великие мистерии, после которых нет ничего непознанного во всей вселенной и остается лишь созерцать и понимать природу вещей».^[9]

Это положение не может быть опровергнуто, насколько оно касается древних религий. Мистерии Египта были гордостью этой древней страны и наиболее благородные сыны Греции, как Платон, отправлялись в Саис и Фивы, чтобы получить посвящение у египетских Учителей Мудрости. Митраические мистерии персов, орфические и вакхические мистерии и позднейшие элевсинские полу-мистерии греков, мистерии Самофракии, Скифии и Халдеи звучат для нас как нечто знакомое, по крайней мере по имени. Даже и при чрезвычайно пониженном уровне элевсинских мистерий значение их ставилось очень высоко самыми выдающимися людьми Греции, каковы Пиндар, Софокл, Исократ, Плутарх и Платон. В особенности они считались полезными по отношению к *посмертному* существованию, так как Посвященный узнавал из них то, что обеспечивало за ним потустороннее блаженство.

Сопатр утверждал также, что Посвящение устанавливало сродство души с божественной Природой и в обнародованном гимне к Деметре делаются замаскированные намеки на святое дитя Якха, на его смерть и воскресение, как они представлялись в мистериях.^[10]

Ямвлих, великий теург третьего и четвертого века по Р. Х., дает много сведений относительно мистерий. Теургия была магической, «последняя часть жреческой науки»,^[111] и применялась она в великих мистериях с целью вызвать появление высших Существ. Теория, на которой основывались эти мистерии, может быть изложена в коротких словах: существует Единое, предшествующее всякому существованию. Недвижное, Пребывающее в одиночестве Своего собственного единства. Из Него возникает верховное Божество, Самозачатое, Благо, Источник всех вещей, Корень всего, Бог богов, Первая Причина, раскрывающая Себя как Свет.^[121] От него происходит Постижимый Мир, или идеальная вселенная. Мировой Разум, *Nous*, и бестелесные боги относятся сюда же. От Мирового Разума происходит Мировая Душа, к которой принадлежат «божественные разумные формы, каковые присущи видимым телам богов».^[131] Затем следуют различные Иерархии сверхчеловеческих существ: архангелов, архонов (правителей) или космократов, ангелов, демонов и т. д. Человек есть существо низшего порядка, но он связан с упомянутыми Иерархиями своей природой и способен познать их; это знание приобреталось им в мистериях, и оно вело к соединению с Богом.^[141] В мистериях излагались эти учения, «происхождение и возвращение всех вещей от Единого и к Единому и полное господство Единого»^[151] и кроме того вызывались различные Духовные Существа, которые появлялись иногда для того, чтобы учить, иногда для того, чтобы одним своим присутствием возвышать и очищать. «Боги, – говорит Ямвлих, – будучи благожелательны и милостивы, сообщают свой свет теургам в безмерном изобилии, призывая их души к себе, создавая для них связь с собою и приучая их, пока они еще в теле, отделяться от своих тел и соединяться со своим вечным духовным началом».^[161] Ибо «душа имеет двойную жизнь, одну, соединенную с телом, а другую – отделенную от всего телесного»,^[171] ввиду чего необходимо научиться отделять ее от тела, чтобы она могла соединяться с богами посредством своей разумной и божественной части и познавать подлинные основы знания и истины духовного мира.^[181] «Присутствие богов придает здоровье нашему телу, праведность нашей душе, чистоту нашему уму, и, одним словом, поднимает в нас все до своей истинной природы. Оно представляет то, что нетелесно, как телесное для очей души, через посредство телесного зрения».^[191] Когда появляются боги, душа получает «освобождение от страстей, трансцендентное совершенство и всепревышающую энергию, и она участвует в божественной любви и в безмерной радости».^[201] «Таким путем мы достигаем божественной жизни и становимся действительно божественными».^[211]

Высочайшая точка мистерий достигалась тогда, когда Посвящаемый становился богоподобным или вследствие соединения с божественным Существом, или вследствие осуществления божественного Я внутри себя. Это и называлось экстазом и было состоянием, которому индусские йоги дали бы название высочайшего самадхи; физическое тело находилось при этом в трансе, а освобожденная душа совершала свое собственное единение с Великим Единым. Подобный «экстаз» не есть в строгом смысле способность. Это есть состояние души, которое преобразует последнюю в такой степени, что она начинает видеть то, что ранее было сокрыто от нее. Состояние это не может быть постоянным, пока наше соединение с Богом не станет неизменным. Здесь, в земной жизни, экстаз может быть лишь временной вспышкой... Человек может перестать быть человеком и стать Богом; но человек не может быть Богом и человеком в одно и то же время.^[221] Плотин утверждает, что он достигал такого состояния «лишь три раза».

И Прокл учил так же, что единственное спасение для души есть возврат к своей духовной форме, что позволит ей избежать «круга рождений и обильных странствований» и достигнуть истинного Бытия, «единообразной и простой энергии периода тождества, вместо обильного страннического движения того периода, который характеризуется различием». Это и есть та

жизнь; которую искали посвящаемые Орфеем в мистерии Вакха и Прозерпины, и она есть результат упражнения в очищающих, или «катарсических» добродетелях.^[23]

Эти добродетели были необходимы для великих мистерий, так как они влияли на очищение тонкого тела, в котором душа действовала, когда она была вне физического тела. «Политические» или практические добродетели принадлежали к обыкновенной жизни человека и достижение их до известной степени требовалось для вступления даже в такую школу, какая описана ниже. Затем следовали «катарсические» добродетели, посредством которых тонкое тело, проводник эмоций и низшего разума, было очищено; затем – «интеллектуальные» добродетели, относящиеся до *αυοειδης* или светлого тела, служащего проводником для интеллекта; и наконец – созерцательные или «парадигматические» добродетели, благодаря которым осуществлялось единение души с Богом. Порфирий пишет: «тот, кто действует сообразно с практическими добродетелями, есть достойный человек, но тот, который действует сообразно с очищающими добродетелями, есть ангелоподобный человек или добрый гений (*δαμων*). Тот, кто действует сообразно с интеллектуальными добродетелями, есть Бог; тот же, кто действует сообразно с парадигматическими добродетелями, есть Отец Богов».^[24]

Многие поучения давались в мистериях высшими Иерархиями, и Пифагор, великий Наставник, получивший свое посвящение в Индии и дававший своим ученикам «истинное познание вещей», обладал, как утверждают, таким знанием музыки, что он мог посредством нее господствовать над самыми дикими страстями людей и просветлять их разум. Примеры такого господства даются Ямвлихом в его «Жизни Пифагора». Нужно думать, что титул Теодидакта, данный Аммонию Саккасу, учителю Плотина, относится не столько к возвышенности его учения, сколько к этим божественным знаниям, полученным им в мистериях.

Некоторые из употреблявшихся в мистериях символов объясняются Ямвлихом, который велит Порфирию изъять из своей мысли образ символа и достигнуть его внутреннего значения. Так «тина» означало все телесное и материальное; «Бог, сидящий над лотосом», означало, что Бог превышает и тину и разум, символом которого служил лотос и что, будучи неподвижным, он установлен в Самом Себе. Если же Он «плыл в корабле», этим изображалось Его господство над миром и т. д.^[25] Относительно такого употребления символов Прокл замечает, что «орфический метод имел целью раскрытие божественных вещей при помощи символов; этот метод принадлежит всем писавшим о божественном познании».^[26]

Пифагорейская школа в древней Греции была закрыта в конце шестого столетия до Р. Х., преследуемая гражданской властью, но другие общины продолжали существовать, сохраняя священную традицию.^[27] Мид утверждает, что Платон облек последнюю в интеллектуальную форму, чтобы охранить ее от все увеличивавшейся профанации, тогда как элевсинские обряды сохранили некоторые из ее форм, потеряв всю их внутреннюю суть. Неоплатоники продолжали дело Пифагора и Платона, и их произведения следует изучать всем, желающим иметь понятие о величии и красоте, которые сохранялись для мира в древних мистериях.

Пифагорейская школа может служить типом дисциплины, которая требовалась перед посвящением в мистерии. По поводу этого Мид дает много интересных подробностей^[28] и замечает: «Авторы античного мира согласны между собой, что этой дисциплиной удалось вызвать к жизни высочайший человеческий тип, отличавшийся не только чистейшим целомудрием, но также и простотой манер, большой деликатностью и вкусом к серьезным занятиям, равных которым нельзя было найти нигде. Это признается и христианскими писателями».

Пифагорейская школа имела внешних учеников, которые не оставляли семейных и общественных обязанностей, и выше приведенные слова относятся к ним. Что касается

внутренней школы, то в ней было три ступени – первая ступень *слушателей*, которые учились в течение двух лет в полном безмолвии, стремясь овладеть оккультными знаниями; вторая ступень *математиков*, которые изучали геометрию и музыку, природу числа, формы, цвета и звуки; на третьей ступени *физиков* нужно было овладеть космогонией и метафизикой. Эти три ступени вели к истинным мистериям. Вступающие в школу должны были отличаться «незапятнанной репутацией и уравновешенным характером».

Тесное сходство между методами и целями, преследовавшимися в этих различных мистериях, и методами и целями индусской йоги, бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Но нет никакой необходимости предполагать, что античные народности извлекали свои познания из Индии: все они исходят из единого источника, из Великой Ложы центральной Азии, которая высылала своих Посвященных во все страны. Все они учили одним и тем же доктринам и применяли одни и те же методы, ведущие к одинаковым целям; существовали постоянные взаимные отношения между Посвященными всех народов и у них был общий язык и общий символизм. Так, Пифагор путешествовал по Индии и получил там высокое Посвящение, а позднее Аполлоний Тианский следовал по его стопам. Такой же индусский характер носят произнесенные перед смертью слова Плотина: «Ныне стремлюсь я отвести обратно мое Я к Всеобщему Я». ^[29]

Среди индусов разрешение преподавать божественные знания одним только достойным было всегда строго соблюдаемо. «Глубочайшая мистерия конечного знания... не может быть выдана никому, кроме сына или ученика, и никому с беспокойной душой». ^[30] В другом месте, после описания йоги, мы читаем: «Восстань! Пробудись! Найдя Великих Учителей, слушай! Путь столь же труден для следования, как острие бритвы. Так говорят мудрецы». ^[31] Учитель необходим, ибо одних писанных поучений недостаточно. «Цель познания» – познать Бога, а не только верить в Него; стать единым с Богом, а не только поклоняться издали. Человек должен познать реальность божественного Существования и затем узнать, а не только смутно верить и надеяться – что его собственная глубочайшая суть едина с Богом и что цель жизни – осуществить это единство. И если религия не может привести человека к такому осуществлению, она не более как «медь звенящая или кимвал бряцающий». ^[32]

Также было распространено и сознание, что необходимо научиться покидать свое плотное тело: «Да отделит человек с твердостью ее (душу) из своего тела, как стебель отделяется из своего влагалища». ^[33] И было написано: «В золотых высочайших ножнах пребывает беспорочный неизменный Брама. Он есть сияющий белый Свет светов, знакомый знатокам внутренней Сути». ^[34] «Когда ясновидец видит золотоцветного Создателя, Господа, Духа, лоно которого есть Брахман, тогда, отбрасывая одинаково и достоинство и недостаток, беспорочный Мудрец достигает высочайшего соединения». ^[35]

И евреи также не были лишены сокровенного знания, и у них были свои школы Посвящения. Собрание пророков в Навафе, под председательством Самуила, ^[36] являлось такой школой, и в ней производилась устная передача преемственных знаний. Подобные же школы существовали в Вифании и в Иерихоне; ^[37] и в книге Крюдена «Concordance» ^[38] встречается следующее интересное замечание: «Школы или коллегии пророков – первые школы, о которых имеется отчет в Священном Писании, где „дети“ пророков, что означает их учеников, жили в условиях уединенной и суровой жизни, в постоянном обучении и медитации и в чтении Закона Божия... Этим школам или Обществам Пророков пришли на смену Синагоги». Каббала, в которой заключено наполовину раскрытое учение, является «в том виде, в каком она сейчас» современной компиляцией, так как часть ее составлена Раввином Моисеем де-Леон, который умер в 1305 г. по Р. Х. Каббала состоит из пяти книг: Бахир, Зохар, Сефер, Сефирот, Сефер

Иецира и Аш Мецарет; утверждают, что ее происхождение – устная передача, идущая из глубокой древности, если «древность» рассматривать с точки зрения исторического летоисчисления. Доктор Уинн Уэсткотт говорит, что «еврейская традиция приписывает самую древнюю часть Зохара эпохе, предшествовавшей построению второго Храма; а Раввин Симеон бен-Иохай записал одну ее часть в первом столетии христианской эры. Относительно Сефер Иецира Сваджа Гаон, умерший в 940 г. по Р. Х., выражается как об „очень древнем“». [\[39\]](#)

Некоторые части древних устных учений были внесены в Каббалу, каковой она является в наше время, но истинная архаическая мудрость евреев остается в ведении небольшого числа истинных сынов Израиля.

Как ни краток этот очерк, он достаточно ясно указывает на существование сокровенной стороны мировых религий, и теперь мы можем перейти к рассмотрению вопроса, составляет ли христианство исключение из этого всеобщего правила.

1. Свидетельства Писаний

Мы уже видели, что по единогласному утверждению всех древних религий, они обладали сокровенными учениями и были хранительницами «мистерий» – факт, подтвержденный тем, что величайшие люди древности искали посвящения. Теперь нам необходимо решить вопрос: находится ли христианство вне круга этих религий и верно ли, что оно одно не имеет гнозиса и дает миру лишь простую веру, а не глубокое знание. Если бы это было так, мы имели бы перед собой грустный и достойный сожаления факт, доказывающий, что христианство предназначено лишь для невежественных людей, а не для всех, не для представителей всех ступеней развития. Но что это не так, возможно доказать с полной несомненностью. В таком доказательстве христианство нашего времени чрезвычайно нуждается, так как все, что есть лучшего в нем, самый цвет христианства, гибнет от недостатка духовного знания.

Если бы эзотерическое учение было восстановлено и привлекло к себе внимание серьезных исследователей, тогда не замедлило бы и восстановление оккультного знания. Посвященные в малые мистерии сделали бы кандидатами для великих мистерий, а с восстановлением знания вернулся бы и авторитет сокровенного учения. И воистину, нужда в этом слишком велика. Посмотрите кругом и вы увидите, что запад страдает от последствий утерянной духовности; утратив свои мистические и эзотерические учения, христианство утратило вместе с тем свою власть над множеством образованных людей, и если мы замечаем в последнее время некоторое оживление религиозного сознания, то этим мы обязаны частичному возрождению древних мистических учений. Совершенно очевидно для всех, изучавших настроения второй половины истекшего столетия, что многие вдумчивые и нравственно развитые люди ушли из церкви потому, что ее учения противоречили их разуму и не удовлетворяли их нравственного чувства. Невозможно допустить, чтобы вся широко распространившаяся волна безверия возникла только от недостатка нравственности или из-за всеобщей извращенности современных людей. Каждый, внимательно изучавший это явление, согласится, что люди с сильным умом были отторгнуты от христианства, с одной стороны – первобытностью религиозных идей, предлагаемых церковью, с другой – теми противоречиями, которыми изобилуют авторитетные писания и такими взглядами на Бога, человека и вселенную, которые не приемлемы для развитого интеллекта. Точно так же нельзя объяснить и нравственным падением это возмущение против церковных догматов. Возмущившиеся не были людьми недостойными своей религии: наоборот, религия не была достаточно высока для них. Возмущение против ходячего христианства было вызвано ростом совести; и совесть, и интеллект одинаково восстали против учений, унижительных как для Бога, так и для человека, представляющих Бога тираном, а человека – по самой своей природе – злым и могущим спастись только путем рабской покорности.

Отпадение многих образованных людей от церкви объясняется постепенным понижением христианства до уровня такой простоты, которая сделала его учения доступными для наиболее неразвитых людей. Протестантские богословы утверждали во всеуслышание, что не должно быть никаких учений, которые не были бы понятны для каждого человека, что главное достоинство евангелия в его простоте, благодаря которой и ребенок, и человек, не получивший никакого образования, в состоянии понимать и применять его истины в жизни. Это верно, если под этим подразумевать, что существуют религиозные истины, доступные для всех и что несовершенна та религия, которая оставляет самых неразвитых и самых темных людей вне сферы своего возвышающего влияния. Но в высшей степени ложно, если этим хотят сказать, что религия не имеет никаких истин, которые были бы недоступны для необразованных и темных людей, что

она настолько бедна и ограничена, что не может научить ничему, превышающему уровень понятий и нравственности самого неразвитого и темного человека. Если таков смысл этого утверждения, то оно и пагубно, и ложно; ибо по мере того, как подобный взгляд распространяется с церковных кафедр, многие благородные люди оставляют церковь, хотя их сердце обливается кровью, потому что нелегко разрывать нити, которые связывают человеческое сердце с верою его юности; эти люди покидают церковь, а люди невежественные и лицемерные остаются в ней. Покидая церковь, неудовлетворенные впадают в состояние пассивного безверия, или – если они молоды и полны энтузиазма – становятся активными врагами церкви, предпочитая открытое отпадение постепенному отравлению ума и совести по велению авторитета, в котором они не могут признать ничего божественного.

Рассматривая духовные потребности нашего времени с этой точки зрения, мы увидим, что вопрос о сокровенной стороне христианства получает жизненную важность. Должно ли христианство жить как религии Запада? Будет ли продолжаться и в грядущем веке его важная роль как силы, формирующей мысль развивающихся западных народов? Если оно хочет жить, ему необходимо вернуть те знания, которые оно утеряло и возобновить свои мистические и оккультные учения; оно снова должно выступить как авторитетный учитель духовных истин, во всеоружии единственно ценного авторитета – авторитета знания. Если это случится, влияние таких учений скажется благодетельным образом на расширении и углублении религиозного сознания; догматы, которые кажутся не более как шелухой или, еще хуже, путами, сковывающими свободную мысль, снова появятся в своем истинном виде, в виде частичного выражения основных реальностей. Прежде всего, эзотерическое христианство появится вновь в «Святынище» Храма, чтобы каждый, способный воспринять его, мог следовать за его обнародованными учениями; а затем оккультное христианство снова сойдет в адитум, чтобы пребывать позади завесы, охраняющей святая святых, вход в которую открыт только для Посвященных. Тогда оккультное знание будет снова доступно для тех, кто – согласно древним правилам – приготовит себя к его восприятию, кто захочет пойти навстречу древним требованиям, которые ставились всем желающим познать реальность духовных вещей.

Обратимся снова к истории и посмотрим, было ли христианство исключением, не имеющим никакого тайного учения, или же оно, как и все остальные религии, обладало этим скрытым сокровищем. Этот вопрос требует доказательств, а не теорий, и он должен быть решен на основании существующих документов, а не просто *ipse dixit* современных христиан.

В действительности как Новый Завет, так и свидетельства древней церкви одинаково утверждают, что последняя обладала такими учениями. Из этих свидетельств мы узнаем о существовании мистерий, называемых мистериями Иисуса или мистериями Царства, об условиях, налагавшихся на ищущих посвящения, а также нечто об общем характере дававшихся учений, и некоторые другие подробности. Есть места в «Новом Завете», которые остались бы совершенно непонятными, если бы на них не бросали света вполне определенные утверждения Отцов и епископов церкви, благодаря которым они становятся ясными и вразумительными.

Было бы непонятно, имея в виду характер религиозной мысли, влиявшей в ранние дни христианства, если бы таких свидетельств не оказалось. Тесно связанное с еврейскими, персидскими и греческими верованиями, с налетом более древних верований Индии и глубоко окрашенное сирийской и египетской мыслью, христианство – эта позднейшая ветвь общего религиозного ствола – не могла не представить собой нового подтверждения древних преданий и не могла не передать в распоряжение западных народов всю полноту драгоценного древнего учения. «Вера, переданная некогда святым», была бы лишена своей главной ценности, если бы при передаче ее Западу из нее была изъята ее лучшая жемчужина – ее сокровенное учение.

Прежде всего рассмотрим свидетельство «Нового Завета». Для нашей цели вполне

возможно оставить в стороне все спорные вопросы, касающиеся различия в передаче текстов авторитетными авторами; эти вопросы могут быть разрешены только учеными специалистами. Научный Критицизм имеет многое сказать относительно древности манускриптов, подлинности документов и т. д. Но мы можем принять Канонические Писания, как раскрывающие воззрения церкви первых веков на поучения Христа и Его непосредственных последователей, и посмотреть, что они говорят о существовании тайного учения, сообщаемого лишь немногим. Отметив сперва слова, влагаемые в уста самого Христа и признаваемые церковью за высший авторитет, заглянем в писания великого апостола Св. Павла; затем рассмотрим показания тех, которые, унаследовав апостольское предание, руководили церковью в течение первых веков по Р. Х. Путем этого непрерывного ряда преданий и письменных свидетельств может быть вполне установлено, что христианство также имело свое сокровенное учение. Мы увидим далее, что малые мистерии мистического толкования оставили свои следы через все века вплоть до начала XIX столетия и, хотя после исчезновения мистерий, не было мистических школ, приготовлявших к Посвящению, тем не менее великие мистики собственными настойчивыми усилиями – возможно, что при помощи невидимых Учителей – достигали от времени до времени экстатического просветления.

Слова самого Учителя ясны и определены, и они были, как увидим ниже, приведены Оригеном, как относящиеся к тайному учению, сохранившемуся в церкви. «Когда же Он остался без народа, окружающие Его, вместе с двенадцатью, спросили Его о притче. И сказал им: “Вам дано знать тайны Царства Божия, а тем внешним все бывает в притчах”». И дальше: «Таковыми многими притчами проповедовал им слово, сколько они могли слышать; без притчи же не говорил им, а ученикам наедине разъяснял все».^[40] Заметьте эти полные значения слова: «Когда же остался без народа» и выражение «а тем внешним». То же самое и в изложении Ап. Матфея: «Тогда Иисус, отпустив народ, вошел в дом. И приступивши к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах в поле».^[41] Предполагалось, что эти наставления, «данные в доме», объяснявшие сокровенное значение Его учения, были передаваемы непосредственно от учителя к ученику. Следует отметить, что евангелие дает аллегорическое мистическое объяснение, которое мы называем «малыми мистериями», более же глубокое значение, как было сказано, давалось только Посвященным.

И еще. Иисус даже своим апостолам говорит: «Еще много имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить».^[42] Это «многое» было, вероятно, сообщено после Его смерти, когда ученики видели Его «говорящим о Царствии Божием».^[43] Всенародно сообщения эти совсем не давались, но кто поверит, чтобы они были забыты, а не передавались и далее, как бесценное сокровище? В церкви сохранялось предание, что Христос посещал Своих апостолов в течение продолжительного времени после своей смерти с целью дать им наставления; в известном трактате гностиков «Пистис София» мы читаем: «Случилось, что когда Иисус восстал из мертвых, он провел одиннадцать лет, говоря со Своими учениками и поучая их».^[44] Затем есть изречение, которое многие желали бы смягчить и объяснить иначе: «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями».^[45] Это правило имело и общее применение, но церковь первых веков относила его, несомненно, к тайным поучениям.

Необходимо при этом прибавить, что слова эти в древнее время не звучали так грубо, как они звучат теперь; ибо слова «псы», равно как «чернь», «нечестивый» применялись к не принадлежащим к данному кругу, все равно будь это целое общество, или ассоциация, или народ, как это было у евреев относительно всех язычников.^[46]

Слова эти употреблялись также и для обозначения тех, кто был вне круга Посвященных, и мы видим, что их произносили именно в этом смысле в древней церкви; те, которые не были

допущены к мистериям, рассматривались как находящиеся вне «Царства Божия» или «духовного Израиля», прозвище, применявшееся в том же смысле.

Кроме слов «мистерия» или «таинства» употреблялись и другие названия для обозначения священного круга Посвященных или связанных с Посвящением: «Царство», «Царствие Божие», «Царство Небесное», «Тесный Путь», «Узкие Врата», «Совершенный», «Спасенный», «Вечная Жизнь», «Жизнь», «Второе Рождение», «Один из малых сих», «Малое Дитя». Значение этих слов становится ясным по тому смыслу, в каком они употреблялись в ранних христианских Писаниях, а также в некоторых случаях и вне пределов христианства. Так, термин «Совершенный» употреблялся ессеями, имевшими в своих общинах три степени: неофитов, братьев и совершенных. «Совершенными» были Посвященные и слово это употреблялось в древних писаниях по большей части именно в этом смысле. «Малое Дитя» было обычное имя только что посвященного, только что принявшего «второе рождение».

Когда мы узнаем условный смысл этих слов, многие темные и казавшиеся жесткими места становятся понятными. «Некто сказал Ему: Господи! Неужели мало спасающихся? Он же сказал им: „подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут“.^[47] Если эти слова принять в обыкновенном протестантском смысле – спасения от вечного адского пламени, – то изречение это было бы невероятно по своей жестокости. Нельзя допустить, чтобы Спаситель мира мог утверждать, что многие будут стараться избежать ада и войти в небеса, но это не удастся им. Если же слова эти отнести к «тесным вратам» посвящения и к избавлению от нового рождения, то они окажутся верными и естественными. И опять: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».^[48] Следующее – непосредственно за этими словами – предостережение против ложных пророков, учителей и темных мистерий в высшей степени подводит к этому скрытому смыслу. Ни один исследователь не может не заметить тот же оттенок этих слов в других писаниях. «Древний узкий путь» знаком всем: эта стезя, «трудная для ступания по ней, как острое лезвие бритвы».^[49] Хождение «от смерти к смерти» тех, которые следуют по усеянному цветами пути желаний, которые не знают Бога, ибо только те люди становятся бессмертны и избегнут разверстой пасти смерти, вечно возобновляющейся гибели, которые отрешились от всех желаний.^[50] Намек на смерть относится, несомненно, к повторным рождениям души в грубо материальном существовании, которое всегда рассматривалось как «смерть» по сравнению с «жизнью» высших и более духовных миров.

«Тесные Врата» были вратами Посвящения и через них посвящаемый входил в «Царствие». Но всегда было и всегда будет, что только немногие могут войти в эти врата, тогда как мириады, «великое множество людей», которого никто не мог перечесать,^[51] входят в блаженство небесного мира. Другой Великий Учитель за три тысячи лет до Христа говорит: «Среди тысячи людей едва ли один стремится к совершенству; среди успешно стремящихся едва ли один знает Мою сущность».^[52] Ибо Посвященных всегда было немного: это цвет человечества; но это обстоятельство не скрывает в себе никакой угрозы для большинства человеческой расы. «Спасенным» по учению Прокла является тот, кто избежит круга рождений, к которому привязано все человечество.

В связи с этим мы можем напомнить историю о богатом юноше, который пришел к Иисусу и, обращаясь к Нему, как к «Благому Учителю», спросил: как ему приобрести вечную жизнь, иными словами, как освободиться от новых рождений путем познания Бога.^[53] Первым ответом Христа было напоминание о религиозном правиле: «Исполни заповеди». Но когда юноша ответил: «Все это сохранял я от юности моей», тогда этой душе, свободной от сознания какой-

либо вины, был дан ответ истинного Учителя: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной».^[54] «Если хочешь быть совершенным», быть «членом Царствия», тогда необходимо избрать нищету и послушание. И затем Своим собственным ученикам Иисус объяснил, что богатому трудно войти в Царство Небесное; удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши... «Человекам это невозможно, Богу же все возможно».^[55] Только Бог в человеке может перейти эту преграду.

Этот текст объясняли различным образом, так как невозможно принять его в том прямом смысле, что богатый человек не может достигнуть блаженства после смерти. Посмертного блаженства богатый может достигнуть с таким же успехом, как и бедный, и все действия христиан ясно показывают, что они ни на минуту не верят, чтобы богатые рисковали своим блаженством после смерти. Но если принять истинное значение «Царства Небесного», этот текст будет выражать простой и понятный факт. Ибо то познание Бога, которое и есть «Жизнь вечная»,^[56] не может быть приобретено, пока все земное не будет отдано; не может быть достигнуто, пока все не будет принесено в жертву. Человек должен отказаться не только от земного богатства, которое отныне может проходить через его руки только как управителя, но он должен отказаться также и от своего внутреннего богатства, насколько он считает его своим, а не принадлежащим всему миру. Пока он не сбросит с себя всего и не останется «нагим», он не может пройти через «тесные Врата». Таково было условие Посвящения, и «нищета, послушание, целомудрие» были обетом каждого, вступающего на узкий путь.

«Второе рождение» есть другой хорошо известный термин Посвящения; даже в наши дни все, принадлежащие к высшим кастам Индии, называются «дважды рожденными», а церемония, делающая их таковыми, есть церемония Посвящения; и хотя она в наши дни лишь простая формальность – это все же отражение «образов небесного».^[57] Когда Иисус беседовал с Никодимом, он объявил, что «если человек не родится свыше, он не может увидеть Царства Божия» и об этом рождении сказал, что оно от «воды и Духа».^[58] Это и есть первое Посвящение; следующее – от «Святого Духа и Огня»,^[59] крещение Посвященного, когда он войдет в полный возраст, как первое есть крещение при «рождении», когда его приветствуют как «Малое Дитя», входящее в Царство.^[60] Насколько такое представление было распространено среди мистиков Иудеи, показывает удивление, обнаруженное Иисусом, когда Никодим не понял его мистического способа выражения: «Ты – учитель Израилев, и этого ли не знаешь?»^[61]

Другое учение Иисуса, трудно постижимое для Его последователей, гласит: «И так – будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный».^[62] Обыкновенный христианин знает, что не может исполнить этого повеления: исполненный человеческих несовершенств и слабостей, как может он стать совершенным, как совершен Бог? Видя невозможность выполнить поставленную перед ним задачу, он спокойно оставляет ее в стороне и не думает более о ней. Но если задачу эту рассматривать как венчающее усилие многих жизней, направленных на постоянное совершенствование, как победу Бога внутри нас над нашей низшей природой, тоща задача становится возможной. Об этой возможности говорит и Порфирий, утверждающий, что человек, овладевший «парадигматическими добродетелями», есть «Отец Богов» и что эти добродетели приобретались в мистериях.

Апостол Павел следует за своим Учителем и говорит совершенно в том же смысле, но, как и следовало ожидать от организатора церкви, речь его отличается большею ясностью и определенностью. Читателю следовало бы перечитать со вниманием первую и вторую главы и первый стих четвертой главы из первого Послания к Коринфянам, не забывая при этом, что слова апостола обращены к крещеным и принятым членам церкви, полноправным с

современной точки зрения, несмотря на то, что он называет их «младенцами» и «плотскими». Они не были «Катехуменами» (оглашенными) или новообращенными, это были люди в полном обладании всеми привилегиями и всеми ответственностями членов церкви, признанные самим апостолом за отделившихся от мира, от которых можно было ожидать, что они действуют не как мирские. С современной точки зрения они действительно были полноправными членами церкви. Подведем итог словом самого апостола:

«И я пришел к вам возвещать свидетельство Божие не словами человеческой мудрости, но в явлении духа и силы. Воистину мы проповедуем мудрость между совершенными, но это – не человеческая мудрость. Мы проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков и которую никто из властей века сего не познал. Мудрость эта выше человеческого понимания, но Бог нам открыл это Духом Своим... Глубины Божии, которые никто не знает, кроме Духа Божия».^[63] Все эти духовные истины доступны только духовному человеку, в котором живет сознание Христа. «И я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе... ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Как мудрый домостроитель^[64] я заложил основание, и разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Каждый должен разуметь нас как слугителей Христовых и домостроителей Тайн Божиих».

Может ли кто-нибудь, прочтя эти выдержки, не признать, что апостол обладал божественной мудростью, данной ему в мистериях, и что его коринфские последователи не были еще в состоянии овладеть этой мудростью? И заметьте это постоянное повторение технических выражений: «Мудрость», «Мудрость Божия тайная», «сокровенная Мудрость», доступная «духовному человеку», о которой говорится только «совершенным». Мудрость, из которой не «духовные», «младенцы во Христе», «плотские» были исключены и которая была известна «мудрому строителю», «хранителю Тайн Божиих».

Снова и снова ссылается апостол на эти мистерии. Обращаясь к ефесянам, он говорит, что через «откровение», иными словами через раскрытие, было ему дано «разумение Тайн Христовых», чтобы все могли познать, в «чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге».^[65] Об этой тайне он говорит к Колоссянам, что он сделался ее «служителем», «Тайны», сокрытой от родов и веков, ныне же открытой святым Его, заметьте – не миру и даже не христианам, а только одним Святым. Для них было раскрыто «богатство славы в тайне сей». Какое же это было богатство? «Христос в вас» – многозначительная фраза, как мы сейчас увидим, из жизни Посвященного; так каждый человек должен был в конце концов познать мудрость и сделаться «совершенным во Христе Иисусе».^[66] Ап. Павел просит Колоссян, чтобы «Бог отверз нам дверь для слова возвещать тайну Христову»,^[67] место, на которое Св. Климент ссылается, как на изречение, в котором апостол ясно раскрывает, что знание принадлежит не всем.^[68] Так же пишет Ап. Павел к своему возлюбленному Тимофею, прося его выбирать своих дьяконов из «тех», кто хранит «таинство веры в чистой совести», эту «великую благочестия тайну»,^[69] которую он познал, и знание которой было необходимо для учителей церкви.

Следует иметь в виду, что св. Тимофей занимал важное положение как представитель ближайшего поколения христианских учителей. Он был учеником апостола Павла, который передал ему руководство и управление над одной частью христианской церкви. Он был посвящен в мистерии самим апостолом, на что мы находим указания в технических выражениях, которые служат в данном случае ключом.

«Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами»^[70] – это обращение не более как торжественное благословение Посвящающего, когда он принимал

посвящаемого. Но при этом присутствовал не один Посвящающий: «не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук Священства»,^[71] иными словами – Старших Братьев. И он напоминает ему держаться «той вечной жизни, к которой ты и призван и исповедал доброе исповедание между многими свидетелями»,^[72] т. е. напоминает ему обет, произносившийся вновь посвященным в присутствии Старших Братьев и собрания Посвященных. Это знание, даваемое в посвящении, и было тем священным доверием, о котором апостол Павел восклицает с такой силой: «О, Тимофей, храни преданное тебе»^[73] – не то знание, которым владели все христиане и относительно которого не могло лежать особого обязательства на Тимофее, но то священное доверие, врученное на его хранение как Посвященного, которое имело существенное значение для блага всей церкви. Позднее апостол возвращается к тому же, подчеркивая чрезвычайное значение Завета и при том в такой мере, которая была бы совсем не понятна, если бы знание, о котором он говорит, было общей собственностью всех христиан: «Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня.... Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас»,^[74] говорит апостол с серьезной торжественностью, на какую только способна человеческая речь. Далее, он поручает Тимофею заботиться о должной передаче священного завета для будущего, чтобы церковь никогда не оставалась без учителей: «и что слышал от меня при многих свидетелях» – т. е. священное учение, даваемое перед собранием Посвященных, которые служили свидетелями точной передачи его – «то передавай верным людям, которые были бы способны и других научить».^[75]

Знание, или, если хотите, предположение, что церковь обладала этими сокровенными учениями, бросает потоки света на разбросанные замечания, которые Ап. Павел делает относительно самого себя, и если их соединить вместе, мы получим очертание всей эволюции Посвященного. Апостол утверждает, что хотя он и принадлежит к «совершенным» или Посвященным, ибо он говорит: «Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить», – он все же не почитает себя «достигшим», он еще не дошел до полного «совершенства», не овладел вполне Христом, не достиг «вышнего знания Божия во Христе Иисусе», «силы воскресения Его и участия в страданиях Его, сообразуясь смерти Его»; и он стремился, говорит он, «достигнуть воскресения мертвых».^[76] Ибо это и было Посвящением, которое освобождает, которое делает Посвященного Совершенным Учителем, Воскресшим Христом, которое извлекает из числа «мертвых», из человечества, подверженного кругу рождений, из цепей, приковывающих душу к грубой материи. Здесь мы опять имеем ряд технических выражений, и даже поверхностный читатель поймет, что «воскресение из мертвых», о котором говорится здесь, не может быть тем «воскресением» современных христиан, которое неизбежно, по их понятию, для всех людей; несомненно, что *такое* воскресение не требовало никаких новых усилий для своего достижения. Несомненно, что и само слово «достижение» было бы неуместно по отношению ко всеобщему и неизбежному переживанию всего человечества. Апостол не мог избежать *такого* воскресения, по мнению современных христиан. Какое же это было воскресение, для достижения которого он делал такие напряженные усилия? Единственно возможный ответ исходит опять из мистерий. В них приближающийся к тому Посвящению, которое освобождало из круга рождений, назывался «страдающим Христом». Он разделял страдания Спасителя мира, был распинаем мистически «сообразуясь смерти Его», и затем достигал воскресения, участия в славе Христа, и после этого смерть не имела более силы над ним.^[77] Это и была та «награда», к которой апостол так стремился и он умолял не обыкновенных верующих, а только тех, «кто из нас совершен», стремиться к ней с такой же силой; чтобы они не довольствовались тем, чего уже достигли, а стремились бы все к большему достижению.

Это сходство Посвященного с Христом есть основа Великих мистерий, в чем мы и

убедимся, когда перейдем к изучению «Мистического Христа». Посвященный уже не смотрит на Христа как на пребывающего вне его: «Если же и знали Христа во плоти, то ныне уже не знаем».^[78]

Обыкновенный верующий «облекался во Христа»; «все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись».^[79] Они же были «младенцами во Христе», и Христос был Спасителем, которого они призывали на помощь, зная Его «по плоти». Но когда они побеждали свою низшую природу и переставали быть «плотскими», тогда они вступали на высший путь, и стремились сами достигнуть состояния Христа. Апостол пламенно стремился, чтобы последователи его достигли того же, чего достиг он: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос».^[80] Он же был их духовным отцом, «ибо – говорит он – я родил вас во Христе Иисусе благовествованием».^[81] А теперь он «снова» является родителем, как бы «матерью», для вторичного духовного рождения их. И тогда младенец Христос – Святое Дитя – рождался в душе, «сокровенный сердца человек».^[82] Посвященный становился таким образом «Малым Дитятей», и с этих пор он должен был пережить своим собственным внутренним опытом всю жизнь Христа, пока не сделается «совершенным человеком», выросшим в меру полного возраста Христова.^[83] После этого он, по примеру апостола Павла, переживал страдания Христа во плоти своей,^[84] и всегда «носил в теле мертвость Господа Иисуса»,^[85] чтобы он мог сказать: «Я сораспялся Христу и уже не я живу, но живет во мне Христос».^[86] Таким образом страдал сам апостол: так он описывает себя. А когда борьба закончилась, какая разница в этом спокойном тоне победы по сравнению с напряженными усилиями прежних лет! «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды»...^[87] Это был венец, даваемый тому, кто «превозмог», о ком сказано вознесшимся Христом: «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога моего, и он уже не выйдет вон».^[88] Ибо после «Воскресения» Посвященный становился «Совершенным Человеком», Учителем и Он не выходит более из Храма, но оттуда служит и руководит мирами.

Прежде чем закончить эту главу, будет уместно сказать, что сам Ап. Павел одобряет применение мистического учения к объяснению исторических случаев, рассказанных в св. Писаниях. Записанная в них история рассматривается им как простое изложение фактов, происшедших в физическом мире. Как истинный мистик, он видел в физических событиях отражение вселенских истин, раскрывающихся непрестанно в высших и внутренних мирах; он знал, что события, сохраненные в оккультных писаниях, были наиболее типичны, и объяснение их могло послужить для просвещения людей. Так, передавая историю Авраама, Сарры, Агари и Исаака, и говоря, что все это представляет собою «иносказание», он начинает давать их мистическое толкование.^[89] Упомянув о бегстве Израильтян из Египта, он говорит о Красном море как о крещении, о манне и о воде – как о духовной еде и питье, о скале, из которой истекла вода, как о Христе.^[90] Он видит великую мистерию союза Христа с его церковью в человеческой связи между мужем и женою и говорит о христианах, как «от плоти и от костей тела Христова».^[91] В Послании к Евреям апостол изображает всю систему богослужения евреев аллегорически. В Храме он видит копию с небесного Храма, в Первосвященнике – Христа, в жертвоприношении – приношение беспорочного Сына; священники Храма – лишь «примеры и тени небесных вещей», божественного Священства, совершающего богослужение в «истинной скинии». Тщательно разработанной аллегорией являются главы III—X Послания к Евреям, где апостол доказывает, что Св. Дух означает более глубокий смысл; что все это «образ настоящего времени».^[92]

При таком толковании священных Писаний вовсе не следует, что рассказанных событий

совсем не было, но только то, что их физическое осуществление – дело второстепенное. Такие толкования снимают покров с малых мистерий, и делают мистические учения доступными для всех. Это не простая игра воображения, как думают многие, это – результат истинной интуиции, видящей прообразы в небесах, а не только те тени, которые они отбрасывают на экран земных времен.

2. Свидетельство церкви

Если даже и будет признано, что апостолы и их непосредственные преемники обладали более глубоким духовным знанием, чем массы современных им последователей Христа, то признание следующей ступени, мистерий христианской церкви первых веков, как хранительницы священного знания апостолов, будет уже гораздо затруднительнее для христиан наших дней. А между тем, известно, что Ап. Павел заботился о передаче незаписанных учений и сам посвятил Св. Тимофея, требуя от него, чтобы и он в свою очередь посвящал других, которые со своей стороны будут передавать это учение другим. Таким образом, мы видим наличность четырех последовательных поколений учителей, о которых говорится в священных Писаниях, и современников писателей церкви первых веков, которые свидетельствуют о существовании мистерий. Между ними встречаются и ученики самих апостолов, хотя наиболее определенные показания принадлежат учителям, получившим свои знания от учеников апостолов. Как только мы начинаем изучать церковных писателей первых веков, мы встречаемся с намеками, которые могут быть поняты только при наличности мистерий, а затем встречаемся и с положительными утверждениями, что мистерии действительно существовали. Этого, конечно, и следовало ожидать в виду всех указаний, разбросанных в Новом Завете; тем не менее, такое подтверждение приносит большое удовлетворение.

Первыми свидетелями являются Отцы Церкви, ученики апостолов; но очень немногое из их писаний, притом еще оспариваемых, сохранилось до нашего времени. Написанные не в духе полемики, утверждения их не столь категоричны, как свидетельства позднейших писателей. Их письма имеют целью главным образом ободрение верующих. Поликарп, епископ Смирнский, поучавшийся совместно с Игнатием у самого ап. Иоанна,^[93] выражает надежду, что его корреспонденты «хорошо знакомы со священными Писаниями и что ничего не скрыто от вас; но мне это преимущество еще не даровано»;^[94] очевидно, письмо это было написано до полного посвящения. Варнава упоминает о сообщении «некоторой части того, что я сам получил»,^[95] и затем, объяснив Закон мистически, объявляет, что «мы, правильно понимая Его заповеди, объясняем их, как назначил Господь».^[96] Игнатий, епископ Антиохийский, ученик св. Иоанна,^[97] говорит о себе, как еще «несовершенном во Иисусе Христе. Ибо я только вступаю в ученичество и говорю с вами как с моими сотоварищами – учениками»,^[98] и он называет их «посвященными в мистерии евангельские вместе с Павлом, святым, принявшим венец мученичества».^[99] И снова говорит: «Разве не мог бы я писать вам с большей полнотой о мистериях? Но я боюсь это делать, чтобы не нанести вред вам, кои все еще младенцы. Простите меня за это, иначе, не будучи способны перенести их веское значение, вы могли бы быть подавлены им. Ибо даже и я, хотя я связан (во имя Христа) и способен понимать небесные вещи, ангельские чины и различные виды ангелов и их сонмов, разницу между Силами и Властями и различие между Престолами и Началами, и величие и могущество Эонов и превосходство херувимов и серафимов, величие Духа, царствия Господня, и превыше всего несравненное величие Всемогущего Бога, – хотя мне известны все эти вещи, но я все же никоим образом не достиг совершенства и я не такой ученик, как Павел или Петр».^[100]

Эта выдержка интересна как указание на то, что порядок небесных иерархий был одним из предметов обучения в мистериях. Далее он говорит о Первосвященнике, Иерофанте, «которому была поучена святая святых, и ему одному были вверены тайны Божии».^[101]

Теперь мы подходим к св. Клименту Александрийскому и его ученику Оригену, писателям второго и третьего столетий, которые сообщают более всех других относительно мистерий первых веков. Хотя общая атмосфера их сообщений полна мистических иносказаний, эти два

Отца Церкви вполне ясно и категорически утверждают, что мистерии были вполне признанным учреждением.

Св. Климент был учеником Пантена и он говорит о нем и о двух других, по всей вероятности, о Татиане и Феодоте, как о «сохраняющих предание благословенного учения, идущего прямо от святых апостолов Петра, Иакова, Иоанна и Павла»,^[102] из чего следует, что между ними и апостолами была лишь одна промежуточная ступень. Он был главой Катехизической школы в Александрии в 189 г. по Р. Х. и умер около 200 г. Ориген, родившийся приблизительно в 185 г. по Р. Х., был его учеником, и можно утверждать, что это был наиболее ученый из всех Отцов Церкви и притом человек редкой нравственной красоты. Это – свидетели, которые дают нам наиболее важные доказательства существования определенных мистерий в первые века христианства.

Книгу Св. Климента «Строматы» мы берем как источник наших сведений о мистериях его времени. Он сам говорит об этом своем произведении как о «смеси гностических заметок соответственно истинной философии»^[103] и обозначает их как записи учений, которые сам он получил от Пантена. Это место очень поучительно: «Господь... позволил нам сообщать об этих божественных мистериях и об этом священном Свете тем, кто способен воспринять их. Он не раскрыл для многих то, что не принадлежит многим, но лишь немногим, которым Он знал, что они принадлежат, которые были способны воспринять и переделаться соответственно им. Но сокровенные вещи доверяются устной речи, а не писанию, как это происходит у Бога. И если кто скажет, что в писаниях нет ничего тайного, что бы не было разоблачено, и ничего скрытого, что бы не было раскрыто – пусть услышит он от нас, что тому, кто слушает сокровенно, даже это тайное будет обнаружено. Это и есть предсказанное прорицание. И тому, кто способен сокровенно видеть доверенное ему, то, что под покровом, будет раскрыто как истина, и то, что сокрыто от многих, будет проявлено для немногих... Мистерии передаются мистически, то, что говорится, может быть в устах говорящего, не столько в его голосе, сколько в его понимании... Записи этих моих заметок – я хорошо знаю, сколь они слабы по сравнению с тем духом, полным благодати, которого я удостоился слышать. Но это будет подобием, напоминающим прообраз тому, кто получил удар Тирса». Тирсом назывался жезл, который имели при себе Посвященные и которым они прикасались к ученикам во время церемонии Посвящения. Он имел мистическое значение, символизирующее спинной мозг и мозговую железу во время малых мистерий, и жезл, эмблему власти, знакомый оккультистам, во время великих мистерий. Следовательно, сказать: «тому, кто получил удар тирса» было все равно, что сказать: «тому, кто был посвящен в мистерии».

Климент продолжает: «мы не думаем объяснять тайные вещи в достаточной мере – далеко оттого – но лишь запечатлеть их в памяти, для того ли, чтобы не забыть что-либо, или ввиду забывчивости. Многое – знаю это хорошо – ускользнуло от нас благодаря протяжению времени, которое прошло до записи... Поэтому есть вещи, о которых у нас нет воспоминаний; ибо сила, пребывающая в благословенных мужах, была велика». Это – обычное переживание тех, кто получает знание непосредственно от Великих Учителей, ибо Их присутствие вызывает к деятельности силы человека, которые в нем обыкновенно спят и которые без такого содействия не могли бы пробудиться.

«Есть также вещи, которые долго оставались незаписанными и которые ныне изгладились, и другие, которые исчезли, поблекнув в самом уме, ибо задача эта не легка для неопытных; эти я стараюсь воскресить в моих Комментариях. Другое я намеренно пропускаю в целях мудрого выбора, боясь записывать то, о чем я остерегался говорить: не из нежелания давать – ибо это было бы неверно – но боясь за моих читателей, чтобы они не споткнулись, принимая сказанное в превратном смысле, и чтобы нас не обвиняли, что мы „протянули меч младенцу“. Ибо

невозможно, чтобы раз написанное не стало известным, хотя бы оно и не было обнародовано мною. Но, обдумывая вновь со всех сторон, если пользоваться одним голосом, если же пользоваться только тем, что написано – эти записи не ответят ничего тому, кто захочет вопрошать сверх того, что записано, ибо они требуют по необходимости помощи или от того, кто записывал, или от того, кто ступал по его следам. На некоторые вещи мой трактат только намекает; на некоторых он останавливается; о некоторых лишь упоминает. Он старается говорить незаметным образом, представлять сокровенно и доказывать безмолвно». ^[104]

Одной этой цитаты достаточно, чтобы установить существование тайного учения в церкви первых веков. Но можно привести и другие. В главе XII той же I книги, озаглавленной «Мистерии веры, не могущие быть разглашенными для всех», Климент заявляет, что, так как не одни мудрые люди могут прочитать его произведение, «необходимо поэтому облечь в мистирию выраженную мудрость, которой Сын Божий поучал». Требовалось очищение речи у говорящего и очищение слуха у слушающего. «Таковы были препятствия на пути к моему писанию. И даже ныне я боюсь, как сказано, “метать бисер перед свиньями, дабы они не попрали его ногами и, обернувшись, не растерзали нас.” Ибо весьма трудно предъявлять действительно чистые и прозрачные слова, относящиеся к истинному свету, свинским и невоспитанным слушателям. Ибо едва ли что либо могло быть более смехотворным для них; а с другой стороны, нет предмета более чудесного и вдохновляющего для тех, кто обладает благородной природой. Но мудрые не произносят устами того, что они обсуждают втайне. “Но что вы услышите на ухо, – говорит Господь, – то провозглашайте на крышах,” повелевая им воспринимать тайные предания истинного знания и изъяснять их на открытом воздухе и с очевидностью; а то, что мы слышали на ухо, передавать тем, для которых это на потребу; но не повелевая нам сообщать всем без различия то, что им сказано в притчах. В моей же записи можно найти лишь одни очертания, в ней сеется истина; как разбрасываемые рукой семена, чтобы избежать внимания тех, кто подбирают зерна подобно галкам; если же они найдут хорошего хлебопашца, каждое из них прорастет и даст хлеб».

Климент мог бы прибавить, что «провозглашать на крышах» означало провозглашать их в собраниях Совершенных или Посвященных, но вовсе не громко говорить первому встречному на улице.

В другом месте он говорит, что все, «которые еще слепы и глухи, не имея понимания и не имея осеяния яркими видениями созерцательной души... должны стоять вне божественного Хора...» Почему, сообразно с сохранением втайне, подлинное священное Слово, «воистину божественное и необходимое для нас, хранимое в святилище истины, было у египтян обозначено тем, что они называли адити, а у евреев – завесой. Только посвященные... имели доступ к нему. И Платон также считал незаконным нечистому прикасаться к чистому. Поэтому пророчества и оракулы выражаются загадками, и мистерии не предъявляются немедленно всем и каждому, но лишь после известных очищений и предварительных наставлений». ^[105] Затем он подробно разъясняет символы, комментируя пифагорейскую, еврейскую и египетскую символику, ^[106] и затем прибавляет, что не сведущий и неученый человек не может понимать их. «Но Гностик понимает. Посему-то и не подобает, чтобы все было предъявлено без разбора всем и каждому, или чтобы благодеяния мудрости сообщались тем, у кого душа даже и во сне не была очищена (ибо не позволено открывать случайному пришельцу то, что было добыто с таким усиленным трудом) и не должны быть мистерии Слова передаваемы мирянам». ^[107] Пифагорейцы и Платон, Зенон и Аристотель имели рядом с внешними и сокровенные учения. Философы установили мистерии, ибо «не более ли благотворно для святого и благословенного созерцания реальностей быть сокрытым?» ^[108] апостолы также одобряли «прикрытие мистерий

веры» ибо есть особое обучение для «совершенных», на которое есть указание в Послании к Колоссянам.^[109]

Таким образом, с одной стороны, имеются мистерии, которые были сокрыты до времен апостолов, и которые были переданы ими так, как они приняли их от Господа и, сокрытые в Ветхом Завете, были проявлены для святых. А с другой стороны, есть богатства славы тайны и у язычников, которая есть вера и надежда во Христе; в другом месте он то же самое называет «основанием». Он приводит Ап. Павла в доказательство того, что «познание принадлежит не всем», и говорит, ссылаясь на Послание к Евреям,^[110] что «несомненно и у евреев было нечто, устно переданное и не записанное»; а затем ссылается на Св. Варнаву, который говорит о Боге, как о «вложившем в наши сердца мудрость и понимание Своих тайн», и говорит, что «только немногим доступно понимание этих вещей», в которых «следы гностического предания». «Посему обучение, разоблачающее скрытые вещи, называют просветлением, ибо лишь один Учитель может приподнять крышку кивота Завета».^[111] Далее, ссылаясь на Ап. Павла, он разъясняет его замечание, обращенное к Римлянам так, что он хочет явиться к ним «с полным благословением благовествования Христа»^[112] и что он таким образом определяет «духовный дар и гностическое толкование», тогда как в своем присутствии желает наделить их «полнотою Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена и чрез писания пророческие по повелению вечною Бога возведена всем народам». Но лишь немногим из них показано, что означают те вещи, которые содержатся в мистерии. И посему правильно говорит Платон, рассуждая о Боге: «Мы должны говорить загадками, дабы, попадись таблица по несчастному случаю, приключившемуся с ее листами на море или на суше, тот, кто прочтет их, оставался бы в неведении».^[113]

После усердного исследования греческих писателей и наведения справок в философии, св. Климент заявляет, что гнозис, «сообщенный и открытый Сыном Божиим, есть мудрость... И сам гнозис есть то, что перешло через передачу к немногим, переданное изустно апостолами».^[114] После подробного изложения жизни Гностика, Посвященного, св. Климент заканчивает так: «Да будет этот пример достаточен для тех, которые имеют уши. Ибо не подобает раскрывать тайну, но лишь указать так, что бы достаточно было для соучастников в знании постигнуть ее умом».^[115]

Считая, что св. Писания состоят из аллегорий и символов и что они скрывают истинный смысл для того, чтобы возбуждать пытливость и охранять невежественных читателей от опасности,^[116] св. Климент давал свое высшее обучение только хорошо подготовленным ученикам. «Наши Гностики глубоко ученые люди»^[117] – говорит он. И в другом месте: «Гностики должны обладать эрудицией».^[118] Приобретая способности предыдущей умственной подготовкой, возможно овладеть и более глубоким знанием, ибо, «хотя человек может верить, не обладая знанием, мы все же утверждаем, что невозможно для человека без учености понимать то, что объявляется в вере».^[119] «Некоторые, считающие себя одаренными от природы, не желают прикасаться ни к философии, ни к логике; более того, они не хотят изучать и естественные науки. Они хотят одной только веры... Таким образом, я того называю истинно ученым, который приносит все для свидетельства об истине, чтобы из геометрии, музыки, грамматики и самой философии, выбирая все полезное, мог бы он охранять веру от нападения... Как необходимо для того, кто желает разделять могущество Бога, трактовать интеллектуальные предметы путем философии».^[120] «Гностик пользуется различными в ветвях учености, как вспомогательными упражнениями».^[121] Из этих цитат ясно, до чего св. Климент был далек от мысли, что христианское учение мирится с невежеством необразованного последователя. «Кто сведущ во всех видах мудрости, тот будет по преимуществу гностиком».^[122] Таким образом,

приветствуя и невежественного, и грешника, и находя в евангелиях все необходимое для их духовной нужды, он думал, что только знающие и чистые могут быть годными кандидатами для мистерий. «Апостол, для отличия от гностического совершенства, называет простую веру *основанием*, а иногда *молоком*»;^[123] но на этом «основании» должно быть возведено здание гнозиса, и пища взрослых должна заменить пищу младенцев. В этом различии, которое проводит св. Климент, нет ни жесткости, ни презрения, а лишь спокойное и мудрое признание истинного порядка вещей.

Даже и хорошо подготовленные и ученые искатели гнозиса могли надеяться проникнуть лишь постепенно, шаг за шагом, в глубокие истины, раскрывающиеся в мистериях. Это выступает ясно в комментариях св. Климента к видению Гермеса, где он дает указания и на способ, как читать оккультные произведения. «Та Сила, которая явилась Гермесу в Видении в виде церкви, не дала ли и она для переписывания книгу, которую желала передать избранным? И ее, – говорит св. Климент, – он переписывал буква за буквой, не зная, как завершатся слоги». А это означает, что Писание ясно для всех, если его читать в его низком значении, и что это и есть вера, которая занимает место основоположений. Вследствие чего и употребляется образное выражение «читать сообразно букве», тогда как гностическое раскрытие Писаний, когда вера уже достигла продвинутого состояния, сравнивается с чтением сообразно слогам... а раз Спаситель дал учение апостолам, устное изложение записанного (Писаний) было передано также и нам, вписанное силою Бога в сердца новые, соответственно обновлению книги. Так, наиболее прославленные среди греков посвящают плод помгранаты Гермесу, что, говорят они, равняется речи, в виду его истолкования. Ибо речь скрывает многое... что посему не только для тех, которые читают просто, приобретение истины столь трудно, но даже и те, которые имеют преимущество познавания истины, не устаиваются сразу ее лицемерия, так учит история Моисея; пока не привыкнем взирать, как взирали евреи на славу Моисея и как пророки Израиля – на сонмы ангелов, до тех пор и мы не станем способны взирать на величие истины лицом к лицу».^[124]

Можно было бы привести еще не мало ссылок, но и этих достаточно, чтобы установить тот факт, что св. Климент был посвящен в мистерии ранней церкви и писал для пользы тех, которые также были посвящены.

Следующим свидетелем является его ученик Ориген, это светило науки, отличавшийся мужеством, правдивостью, кротостью и рвением, равные которым трудно найти. Что касается его трудов, то они остаются и до наших дней драгоценным рудником, в котором ищущие истины могут найти много сокровищ мудрости.

В его знаменитой полемике с Цельсием, в которой он выступает в защиту христианства, встречаются частые ссылки на тайное учение.^[125]

Цельсий, нападая на христиан, ссылается на то, что христианство есть тайная система, против чего протестует Ориген: он утверждает, что рядом с некоторыми учениями, которые сохраняются в тайне, многие даются всенародно и что так же система внешних (экзотерических) учений была в общем употреблении среди философов. В ниже приводимой цитате читатель увидит, какую разницу проводит Ориген между воскресением Иисуса в освещении историческом и «мистерией воскресения».

«Сверх того, так как он (Цельсий) часто называет христианскую доктрину тайной системой (веры), мы должны опровергнуть его и в этом, так как почти весь мир более знаком с тем, что проповедуют христиане, чем с излюбленными мнениями философов. Ибо кому неизвестны утверждения, что Иисус рожден от непорочной Девы, и что Он был распят, и что Его воскресение есть предмет веры многих, и что ожидается общий суд, на котором грешники будут наказаны по своим заслугам, а праведные получат свою награду? И все же, мистерия

воскресения, не будучи понята, сделалась предметом насмешки среди неверующих. При подобных обстоятельствах говорить о христианской доктрине как о тайной системе представляется нелепостью. Но что имеются некоторые учения, не открываемые толпе, которые (раскрываются) после того, как экзотерические усвоены, – это не составляет особенности одного христианства, но и всех философских систем, в которых известные истины – внешние, а другие – внутренние. Некоторые из слушателей Пифагора были удовлетворены его *ipse dixit*, тогда как другие были обучаемы втайне тем истинам, которые не сообщались несведущим и недостаточно подготовленным людям. Сверх того, все мистерии, которые совершались по всей Греции и по всем варварским странам, хотя и держались в тайне, не навлекли на себя посрамления, и, таким образом, он (Цельсий) вотще стремится клеветать на тайные доктрины христианства, доказывая тем, что он не понимает правильно их природу». [\[126\]](#)

Невозможно отрицать, что в этом важном месте своей книги Ориген причисляет христианские мистерии к той же категории, к какой принадлежат и мистерии языческого мира, и заявляет, что то, что не навлекает порицания на другие религии, не может служить поводом для нападения на христианство.

В том же трактате против Цельсия он заявляет, что тайные учения Иисуса были сохранены в церкви, и при этом ссылается на пояснения, которые Учитель давал Своим ученикам относительно Своих всенародных притч. Эту ссылку он делает в ответ на сравнение Цельсия «внутренних мистерий церкви Божией» с египетским поклонением животным. «Я еще не говорил о соблюдении сего, что написано в евангелиях, из которых каждое содержит много трудного для понимания и трудного не только для толпы, но даже и для наиболее просвещенных, в том числе и чрезвычайно глубокое пояснение притч, которые Иисус давал „внешним“, оставляя толкование их полного значения для тех, которые перешли за ступень внешнего учения и приходили к Нему частным образом в дом. Когда же он поймет это, он оценит причину, почему про некоторых говорят, что они „внешние,“ а про других – что они „в доме“». [\[127\]](#)

Ориген ссылается, хотя и с осторожностью, на явление «горы», на которую возносился Иисус и с которой он спускался снова, чтобы помочь «тем, которые были неспособны следовать за Ним туда, куда последовали за Ним ученики». [\[128\]](#) Здесь делается намек на «Гору Посвящения», хорошо известное выражение, которое и Моисей употреблял, говоря о Скинии, сделанной по образцу, «показанному тебе на горе». [\[129\]](#) И в другом месте Ориген упоминает о том же, говоря, что Иисус являлся в совершенно ином виде, в каком его не видели те, которые не могли «следовать за Ним на высоту».

Также и в комментариях на гл. 15 Евангелия Матфея, в котором дело идет о сиропфиникийской женщине, Ориген замечает: «Возможно также, со слов Иисуса, что есть такие хлеба, которые следует давать лишь наиболее разумным, как бы детям своим; и другие, как бы крошки со стола благорожденных, которые подбираются некоторыми душами, подобно тому, как делают это псы».

А когда Цельсий жалуется, что грешники вводятся в церковь, Ориген отвечает, что церковь имеет целебные средства для больных, но также и познание божественных вещей для здоровых. Грешников учат не грешить, и лишь когда обнаружится, что люди подвинулись вперед и что они «очистились благодатью Слова», только тогда, не раньше, «приглашаем мы их участвовать в наших мистериях. Ибо мы делимся мудростью с теми, которые совершенны», [\[130\]](#) грешники же получают исцеление, «ибо в божественности Слова пребывает помощь для исцеления тех, которые захвачены недугом... И другое, что для чистых душою и телом дает раскрытие мистерии, которая содержалась втайне с сотворения мира, но которая ныне стала явной

благодаря Писаниям пророков и благодаря появлению нашего Господа Иисуса Христа, которое появление очевидно для каждого из совершенных и которое просвещает разум в истинном познании вещей».^[131] Такие появления божественных Существ происходили, как мы видели, и в языческих мистериях, и в церковных мистериях были такие же светлые появления. «Бог Слово», – говорит он, – «было послано как целитель и к грешникам, но как Учитель божественных мистерий к тем, кто уже очистился и более не грешит».^[132] «Мудрость не проникнет в душу низкого человека и не будет пребывать в теле, которое погрязло в грехе»; вот почему эти высшие обучения даются только тем, кого можно считать «атлетами в благочестии и во всякой добродетели».

Христиане не допускали нечистого к этому познанию, но говорили: «Кто имеет чистые руки и может поэтому простирать праведные руки к Богу... пусть придет он к нам... кто очищен не только от всякой скверны, но и от того, что считается меньшими грехами, да причислится он смело к посвященным в мистерии Иисуса, которые настоящим образом познаются только праведными и чистыми». Отсюда было в обычае, чтобы тот, кто действовал как Посвящающий согласно с заповедями Иисуса, иерофант, начинал церемонию Посвящения с торжественного обращения «к тем, чье сердце очищено: Он, душа которого в течение долгого времени не хранила в себе зла, особенно со времени целительного воздействия на него Слова, да услышит таковые учения, которые были потаенно высказаны Иисусом Своим истинным ученикам». Так начиналось «посвящение тех, кто был уже очищен, в священные мистерии». Только такие могли познать реальности невидимых миров и вступить в священные пределы, где, как в былые времена, учителями были ангелы и где знания давались наглядно, а не с помощью одних только слов.

Нельзя не поразиться разницей, которую обнаруживают эти христиане по сравнению с их современными преемниками. У первых – совершенная чистота жизни, соблюдение праведности, осуществление божественного Закона во всех подробностях внешнего поведения были – так же, как и у язычников – только началом пути, а не его концом. В наши времена цель религии вполне закончена, если ей удалось создать Святого; тогда же высшие воздействия религии были обращены на достигших святости, и только чистые сердцем приводились к Блаженному Видению.

То же указание на тайное обучение появляется снова, когда Ориген опровергает аргументы Цельсия относительно разумности сохранения обычаев предков, когда оно основано на уверенности, что «отдельные части земли были с самою начала распределены между различными направляющими Духами, и предоставлены определенным правящим Силам, и таким образом происходит управление миром».^[133]

Опровергнув выводы Цельсия, Ориген продолжает: «Но так как мы считаем возможным, чтобы некоторые из тех людей, которые привыкли к более глубоким исследованиям, могут напасть на этот трактат, попытаемся изложить несколько соображений более глубокого рода, заключающих мистическую и сокровенную точку зрения, касающуюся первичного распределения различных частей земли между различными правящими Духами».^[134] Он утверждает, что Цельсий неверно понял более глубокие основания, на которых построены земные дела, и вслед за этим цитирует из Второзакония, XXXII, 8-6: «Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу ангелов Божиих; ибо часть Господа – народ Его; Иаков – наследственный удел его». Мы берем греческий перевод, в котором упоминаются ангелы Божии, и обращаем внимание читателя на последнюю часть, в которой «часть Господа» относится к правящему ангелу еврейского народа, а не к «Всевышнему», т. е. Богу. Понимание этой разницы исчезло благодаря общему невежеству, и отсюда нередко неподходящее употребление слова «Господь» в смысле

«Высочайшего».

Затем Ориген рассказывает историю Вавилонской Башни и продолжает: «Но по этому поводу многое, и притом мистического значения, может быть сказано; придерживаясь такового, выходит: „чтобы учение о вхождении душ в тела (но не переселение из одного тела в другое) не было выставлено перед простым непосвященным пониманием, и то, что свято, не было отдаваемо псам и жемчуг не был бросаем перед свиньями. Ибо такой образ действия был бы грешен, соответствовал предательству сокровенных признаний божественной мудрости... Будет достаточно, если представить в стиле исторического повествования то, что долженствует дать сокровенное значение в облачении истории, дабы имеющие способность на то, могли добиться сами всего, что относится к данному предмету“.

[135] Он излагает затем более подробно историю Вавилонской Башни и говорит: «Теперь же имеющий на то способность да поймет, что в том, что принимает внешний вид истории и содержит в себе нечто буквально верное, содержится кроме того и более глубокое значение...»

[136]

Доказывая, что «Господь» более могуществен, чем остальные Духи, правящие различными частями земли, и что Он в наказание послал свой народ, чтобы он жил под владычеством иных Сил, а впоследствии взял его обратно вместе с другими вошедшими в его состав народностями, Ориген делает такое заключение: «Как мы уже сказали, эти замечания делаются нами с скрытым намерением, чтобы указать на ошибки тех, которые утверждают...»

[137] то же, что Цельсий.

Отметив, что цель христианства в том, чтобы мы стали мудрыми,

[138] Ориген продолжает: «Если вы подойдете к книгам, написанным после Иисуса, вы найдете, что все то множество верующих, которые внимают притчам, находятся как бы „вне“, и достойны лишь внешних учений, тогда как ученики узнают отдельно от других объяснение притч. Ибо отдельно Своим собственным ученикам Иисус открывал все, считая выше толпы тех, кто желал знать Его мудрость. И Он обещал тем, кто верит в Него, послать таковым мудрых людей и книжников... И Павел также в списке Charismata, пожалованным Богом, поместил сперва „Слово мудрости“, а затем уже, как второстепенное, „слово знания“, и уже в третьих, еще ниже, „веру“. И потому, что он считает „Слово“ выше, чем чудодейственные силы, он помещает „сотворение чудес“ и „дары исцеления“ ниже, чем дары Слова».

[139]

Евангелие, несомненно, помогает и невежественному, «но оно не помеха к познанию Бога, В помощь, ведет к образованности, изучению наилучших понятий и достижению мудрости».

[140] Что касается неразвитых людей, «я стараюсь улучшить и таковых в меру моей способности, хотя я и не желал бы строить христианскую общину из таких материалов. Ибо я предпочитаю искать более сведущих и проницательных, так как они способны понимать значение суровых изречений».

[141] Здесь перед нами ясно выражена древняя христианская мысль, вполне совпадающая с соображениями, высказанными в первой главе этой книги. В христианстве есть место и для невежественных, но оно назначено не только для них и обладает глубинными учениями для «сведущих и проницательных».

Для этих последних Ориген и старается доказать, что еврейские и христианские Писания имеют тайный смысл, скрытый под историческим изложением, видимое значение которого отталкивает их как нелепое, вроде истории змея и древа жизни, и «другие утверждения, которые следуют и которые сами по себе могут привести чистосердечного читателя к пониманию, что все эти вещи имеют соответственный аллегорический смысл».

[142] Многие главы посвящены этим аллегорическим и мистическим значениям, скрытым под словами Старого и Нового Заветов, и он доказывает, что Моисей, подобно Египтянам, давал истории с сокровенным смыслом.

[143] «Тот, кто относится чистосердечно к историям» – в этом для Оригена основа

верных толкований – «и желает, чтобы они не вводили его в обман, тот должен упражнять свое разумение в том, какие утверждения можно принять и какие следует понимать иносказательно, стараясь проникнуть в значение, придаваемое авторами таких выдумок; и каким утверждениям не следует доверять, как написанным для удовлетворения некоторых читателей. И мы говорим об этом в виде предупреждения относительно всей истории Иисуса, передаваемой в евангелиях».^[144] Большая часть четвертой книги Оригена посвящена пояснениям мистического значения священных историй, и желающих познакомиться с этим предметом мы отсылаем к этой книге.

В книге «О началах» Ориген излагает как принятое учение церкви, «что св. Писания были написаны Духом Божиим и что они имеют не только то значение, которое очевидно с первого взгляда, но еще и другое, ускользающее от внимания большинства. Ибо те (слова), которые написаны, суть формы неких мистерий и образы божественных вещей. Относительно этого существует во всей церкви только одно мнение, что весь закон по существу своему духовен, но что духовный смысл, который заключается в нем, познан не всеми, но только теми, которые причастны благодати Духа Святого в слове мудрости и знания».^[145] Читатель, помнящий ранее приведенные места, поймет, что «Слово мудрости» и «слово знания» означают два рода мистических обучений, духовное и интеллектуальное.

В четвертой книге «О началах» Ориген подробно объясняет свои взгляды на толкования св. Писания. Оно имеет «тело», которое представляет собою «обыкновенный и исторический смысл» и «душу», иносказательное значение, которое познается упражнением интеллекта, и «дух», тот внутренний и божественный смысл, который познается только теми, которые обладают «умом Христа». Он полагает, что несообразные и невозможные вещи введены в историю для того, чтобы пробудить интеллигентного читателя и заставить его искать более глубокого объяснения, тогда как невежественный народ будет читать, не вникая в несообразности.^[146]

Кардинал Ньюмен в своем сочинении «Arians of the Fourth Century» делает несколько интересных замечаний по поводу Discipline Arcani, но, захваченный глубоко вкоренившимся скептицизмом девятнадцатого столетия, он не может поверить вполне «изобилию славы мистерий» и вернее всего, совсем не может вообразить, что могут существовать такие светлые реальности. А между тем, он верил в Иисуса, который сказал ясно и определенно: «Не оставлю вас сиротами, приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня, а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас».^[147] Обещание было в полной мере исполнено, ибо Он приходил к ним и наставлял их в Своих мистериях; там они видели Его, хотя мир уже не видел Его, и они познали Христа как бы в себе, и свою жизнь как Христову жизнь.

Кардинал Ньюмен признает тайную традицию, переданную через апостолов, но он думает, что она состояла из христианских учений, обнародованных впоследствии, забывая при этом, что те, которые считались не способными воспринять тайное учение, были не язычники и даже не обучающиеся катехумены, а полноправные члены христианской церкви. Так, он утверждает, что эта тайная традиция была позднее «авторитетно обнародована и распространена в виде символов» и была внесена «в символ веры первых Соборов».^[148] Но, ввиду того, что учения символа веры ясно выражены и в Евангелиях, и в Посланиях, это утверждение не выдерживает критики, раз они и без того были раскрыты всему миру и члены церкви были несомненно в полной мере посвящены в них. Повторяющиеся указания на тайну были бы лишены всякого смысла, если принять такое толкование. И тем не менее кардинал говорит, что все, «что не было авторитетно засвидетельствовано, были ли то пророческие указания или толкования прошлых

Заветов, оказалось, по обстоятельствам дела, утерянным для церкви».^[149] Это верно, насколько такая потеря касается самой церкви, но она все же может быть восстановлена.

Комментируя Иринея, который в своем произведении «Против ересей» придает большое значение существованию апостольского Предания в церкви, кардинал пишет: «Он^[150] продолжает говорить о ясности и убедительности преданий, сохраненных в церкви, как заключающих в себе ту истинную мудрость совершенных, о которой говорит Ап. Павел и на которую претендовали гностики. И, в самом деле, даже помимо формальных доказательств существования и авторитетности в древние времена апостольских преданий, ясно, что такие предания должны были существовать, если допустить, что апостолы беседовали, а их друзья обладали памятью, как все остальные люди. Было бы совершенно непонятно, если бы они не постарались изложить открытые им учения более систематично, чем они сообщаются в св. Писании, когда обращенные ими ученики подвергались нападениям и клеветам еретиков, если не предположить, что это было им запрещено – предположение вполне недопустимое. Их объяснения, вызванные таким мотивом, были бы несомненно сохранены вместе с теми сокровенными, но менее важными истинами, на которые намекает ап. Павел и которые признавались более или менее и ранними христианскими писателями, одинаково как относящиеся до характерных черт еврейской церкви, так и до будущих судеб христианства. Подобные воспоминания об апостольских учениях должны были бы очевидно повлиять на верования тех, которые получали такие поучения, если не предположить, что эти учения, хотя и передававшиеся вдохновенными учителями, были все же не божественного происхождения».^[151]

В той части своей книги, которая трактует о способах аллегорического изложения, он пишет относительно жертвоприношения Исаака, как о «типическом новозаветном откровении». «В подтверждение этого замечания следует иметь в виду, что в церкви имелось, по-видимому, традиционное объяснение этих исторических типов, идущее от апостолов, но хранившееся в числе тайных учений, так как они считались опасными для большинства слушателей. Апостол Павел в Послании к Евреям дает нам пример такой традиции, одновременно как существующей и как сокровенной (хотя бы и доказано было, что она еврейского происхождения). Остановившаяся в начале в нерешительности и вопрошая своих братьев верят ли они, он не без колебания сообщает евангелическую схему повествования о Мельхиседеке, как внесенную в книгу Бытия».^[152]

Социальные и политические потрясения, которые сопровождали распадение Римской империи, раздирали ее обширное тело, и даже христиане были вовлечены в водоворот эгоистических взаимно враждующих интересов. Но и в эту эпоху встречаются местами разбросанные указания на особые знания, сообщавшиеся вождям и учителям церкви, знание небесных иерархий, наставления, даваемые ангелами и т. п. Но недостаток подходящих учеников вызвал закрытие мистерий как общественного учреждения, известного современникам, и учение передавалось все более и более сокровенно тем душам, которые появлялись все реже и реже, душам, знания, чистота и благоговение которых делали ли бы их способными воспринимать эти учения. Перестали существовать школы, в которых давались предварительные знания, а с исчезновением их совершилось и неизбежное: «закрылась дверь».

Тем не менее, можно проследить в христианстве два течения, которые имели своим источником исчезнувшие мистерии. Одно – течение мистического познания, вытекавшее из Мудрости, гнозиса, которое сообщалось в мистериях; другое – мистического созерцания, составлявшего также часть гнозиса и приводившего к экстазу, к духовному видению, хотя это последнее, разъединенное от истинного знания, редко достигало до истинного экстаза и легко увлекало или в низшие области невидимых миров, или терялось среди разнообразного скопления тонких сверхфизических форм, объективно видимых для внутреннего зрения –

которое преждевременно раскрывалось благодаря постам, бдениям и напряженному вниманию – формам, порожденным по большей части мыслями и эмоциями самого ясновидца. Но даже и в том случае, если видимые формы не были его собственными мыслеобразами, они были видимы через призму искажающей среды предвзятых идей и верований, и, благодаря этому, делались в большинстве случаев недостоверными.

Тем не менее, некоторые из видений были подлинно небесного происхождения, и Иисус действительно появлялся время от времени своим последователям, и ангелы осеяли своим светлым присутствием келью монаха или монахини, озаряя уединение восторженных молитвенников и терпеливых искателей Бога. Отрицание возможности таких переживаний уничтожило бы в самом корне самую суть того, что составляло твердую веру всех религий и опытное знание всех оккультистов; взаимное общение между духом воплощенным и духом облеченным в более тонкие покровы, соприкосновение души с душой, преодолевающее телесные преграды, раскрытие божественности в человеке, реальное знание жизни за пределами смерти.

Бросая беглый взгляд на истекшие века, мы находим, что в христианстве не было ни одного периода, когда бы оно было совсем лишено мистерий.

«Около конца пятого столетия, как раз в то время, когда древняя философия вымирала в школах Афин, спекулятивная философия неоплатоников проникла в христианскую мысль и укрепилась в ней благодаря литературным подделкам Лже-Дионисия. Учения христианства были к тому времени так твердо установлены, что церковь могла смотреть без страха на их символические или мистические толкования. Поэтому автор „Theologia Mystica“ и других произведений, приписываемых Ареопагиту, продолжает – с незначительными изменениями – развивать учения Прокла в систему эзотерического христианства. Бог есть неизреченный и сверхсущественный Единый, возвышающийся даже над самым добром. Поэтому „отрицательная теология“, которая поднимается от творения к Богу, отбрасывая один за другим все определенные предикаты приведет нас ближе всего к истине. Возвращение к Богу есть приведение к концу всего и цель, указанная христианским учением. Те же доктрины были проповедуемы, но с еще большим церковным рвением, Максимом Исповедником (580—622). Максим представляет собой завершение спекулятивной деятельности Греческой церкви, но влияние Лже-Дионисовских писаний было перенесено в девятом веке на Запад Эригеной, спекулятивный дух которого положил начало как схоластике, так и мистике средних веков. Эригена перевел Дионисия на латинский язык вместе с комментариями Максима Исповедника, и его система основана существенным образом на их системах. Произошло усыновление „отрицательной теологии“ и Бог стал определяться как Сущность без предикатов, возвышающаяся над всеми категориями и поэтому не без основания называемая Ничто (Ни-Что). Из этого Ничто или из этой непостижимой Сути вечно создается мир идей или первичных причин. Это есть Слово или Сын Божий, в котором существуют все вещи, поскольку они имеют действительное существование. Всякое существование есть теофания, и Бог есть начало всех вещей, так Он же есть и их конец. Эригена учит восстановлению всех вещей под формой *adunatio* или *deoficatio* Дионисия. Это – прочно сложившееся очертание того, что может быть названо философией мистики в христианские времена, и достойно удивления, с какими малыми изменениями повторяются они из века в век».^[153]

В XI веке Бернард Клервосский (1091—1153) и Гугон Сен-Викторский продолжают мистическую традицию: в следующем столетии – Ричард Сен-Викторский: а в XIII веке Св. Бонавентура, прозванный Серафическим Доктором, и великий Фома Аквинский (1227—1274). Влияние Фомы Аквинского господствует в Европе средних веков благодаря силе его характера не менее, чем благодаря его учености и благочестию. Он утверждает «Откровение», как один источник знания, а св. Писание и предание как два русла, по которым протекает этот источник.

Что же касается влияния Дионисия, которое можно проследить в его писаниях, то оно связывает его с неоплатониками. Вторым источником знания он считает Разум, и здесь двумя руслами являются Платонова философия и методы Аристотеля. Союз с последним не принес христианству блага, ибо Аристотель стал препятствием для развития высшего мышления, как это обнаружилось в судьбе Джордано Бруно, пифагорейца. Фома Аквинский был канонизирован в 1323 г., и этот великий доминиканец остается олицетворением слияния теологии с философией, слияния, которое являлось целью его жизни. Оба они принадлежат западноевропейской церкви, оправдывая ее притязание на право считаться хранительницей святого факела мистического учения. Вокруг нее возникло много сект, считавшихся еретическими, но имевших истинные традиции священного тайного учения. Каттары и многие другие преследуемые церковью, ревниво сохранявшие свой авторитет и боявшиеся, как бы ее святые жемчужины не перешли в ведение нечестивцев.

В этом же столетии св. Елизавета Венгерская сияет кротостью и чистотой, а Экхард (1260—1329) оказывается достойным наследником александрийской школы. Экхард учил, «что божественное естество есть абсолютная Сущность (*Wesen*), непознаваемая не только для человека, но и для Самой Себя; это естество есть тьма и абсолютная неопределимость, *Nicht* в противоположность к *Icht*, к определенному и познаваемому существованию. И в то же время Он есть потенциальность всех вещей, и в Его природе – путем триадического процесса прийти к осознанию Себя как Троиного Бога. Творчество не есть временный акт, но вечная необходимость божественной природы. «Я также необходим для Бога, – любил повторять Экхард, – как Бог необходим для меня. В моем познании и в моей любви Бог познает и любит Себя».^[154]

В четырнадцатом столетии за Экхардом следовали Иоан Таулер и Николай Базельский, прозванный «Другом Божиим в Оберланде». Благодаря им возникло «Общество Людей Божиих», истинных мистиков и последователей древней традиции. Дж. Мид замечает, что Фома Аквинский, Таулер и Экхард были последователями Лже-Дионисия, который придерживался учений Плотина, Ямвлиха и Прокла, которые – в свою очередь – следовали учениям Платона и Пифагора.^[155] Так неразрывно связаны вместе все последователи божественной Мудрости во все века. По всей вероятности один из «Друзей» был автором мистической книги «*Die Deutsche Theologie*», на долю которой выпала любопытная судьба быть одобренной Стаупицем, генеральным викарием Августинского Ордена, который рекомендовал ее Лютеру, до того восхищавшемуся этим произведением, что он издал ее в 1516 г. как книгу, которая должна бы занимать место непосредственно после Библии и писаний Св. Августина. Другим «Другом» был Рейсбрук, под влиянием которого наряду с влиянием Гергарта Грота возникло Братство *Общей Жизни*– Союз, который должен оставаться навеки памятным ввиду того, что между его членами находился сам Король мистиков Фома Кемпийский (1380—1471), автор бессмертного «Подражания Христу».

В течение двух следующих столетий более интеллектуальная сторона мистицизма выступает сильнее, чем экстатическая, которая преобладала в Обществах XIV века. Появляется кардинал Николай Кузанский и Джордано Бруно, этот замученный странствующий рыцарь философии, и Парацельс, так жестоко оклеветанный ученый, черпавший свои знания непосредственно из подлинного восточного родника, вместо того чтобы пользоваться греческим источником.

Шестнадцатое столетие было ознаменовано рождением Якова Бёме (1575—1624), этого «вдохновенного башмачника», Посвященного, проходившего через временное затмение, который был жестоко преследуем непросвещенными людьми. Затем появилась святая Тереза, многострадальная и жестоко гонимая испанская святая, и Св. Иоан де ла Крус, являвший собой

пылающий огонь могучей любви к Богу, и Св. Франциск де Сал. Мудро проявил себя Рим, возведя их в сан святых, гораздо мудрее, чем Реформация, которая преследовала Бёме; это и не могло быть иначе, так как дух Реформации был в сильнейшей степени враждебен мистике, и всюду, где проносилось его дыхание, прекрасные цветы мистицизма увядали, как под напором сирокко.

Но хотя Рим и канонизировал Терезу после ее смерти, он немало мучил ее во время жизни, и так же поступал он с г-жей де Гюйон (1648—1717), истинной представительницей мистики и с Мигелем де Молинос (1627—1699), достойным стать рядом с Иоанном де ла Крус, который поддерживал в семнадцатом веке высокое настроение мистика, перешедшее у него в особую пассивную форму – квиэтизм.

В том же веке возникла школа платоников в Кембридже, выдающимся представителем которой является Генри Мор, а также Фома Воган и Роберт Флудд, розенкрейцер. В этом же веке образовалось Филадельфийское общество, и мы видим в нем Уильяма Лоу (1686—1761), деятельно проявлявшегося в восемнадцатом столетии, и Св. Мартина (1743—1803), писания которого так очаровывали многих любителей религиозной литературы девятнадцатого века.

Следует также упомянуть Христиана Розенкрейца (умершего в 1484 году), основавшего мистическое Общество Розового Креста, ставшее известным, начиная с 1614 года, и которое владело истинным знанием; дух этого мистика возродился в графе Сен-Жермен, в этом таинственном существе, которое то появляется, то снова исчезает во мраке, освещаемом по временам зловещими вспышками, конца восемнадцатого века. Мистиками были также и квакеры; эта сильно преследуемая секта «Друзей» искала просветления путем внутреннего света и вечно прислушивалась к внутреннему голосу. И многих других мистиков можно назвать, «которых мир был недостоен»; в числе их была и прекрасная мудрая Мать Ульяна из Норвича, жившая в 14 веке, и многие жемчужины христианства, слишком мало известные миру, но которых вполне достаточно для того, чтобы оправдать христианство перед миром.

Тем не менее, преклоняясь благоговейно перед этими Детьми Света, появлявшимися то тут, то там в истекшие столетия, мы принуждены отметить в них отсутствие того соединения пронизательного ума и пламенеющей любви к Богу, которые сливались в одно целое благодаря методам приготовления к мистериям, и в то же время, как мы изумляемся высоте их полета, мы не можем не пожалеть, что их редкие дарования не получили развития под влиянием великолепной *disciplina arcani*.

Альфонс Констан, более известный под псевдонимом Элифаса Леви, хорошо выразился об исчезновении мистерий и о необходимости их восстановления. «Великое несчастье выпало на долю христианства. Измена мистериям со стороны ложных гностиков – ибо истинные гностики, т. е. те, которые знают, были Посвященными первоначального христианства – имела последствием то, что гнозис был отринут и церковь отвратилась от высших истин Каббалы, заключающей в себе все тайны трансцендентальной теологии... Да станет абсолютная наука и высший разум снова достоянием народных вождей; да вооружится священническое и царственное искусство двойным скипетром древних посвящений – и тогда мы увидим, что социальный мир выйдет из своего хаоса. Не уничтожайте святые изображения, не разрушайте храмы, ибо храмы и изображения необходимы для людей; но изгоните наемников из дома молитвы, не допускайте слепцов быть вождями слепых, восстановите Иерархию разума и святости и признавайте лишь знающих учителями тех верующих».^[156]

Но захотят ли церкви наших дней восстановить мистическое учение, малые мистерии и таким образом подготовить свою паству к восстановлению великих мистерий, привлекая снова ангелов в качестве Наставников и имея иерофантом божественного Учителя Иисуса? От ответа на этот вопрос зависит будущее христианства.

Глава IV. Исторический Христос

Мы уже говорили в первой главе о тождествах, существующих во всех мировых религиях; мы видели, что эти тождества в верованиях, символах, обрядах, церемониях, жизнеописаниях и установленных празднествах, привели к возникновению современной школы, которая все это единство приводит к одному и тому же источнику, *человеческому невежеству*. Из этих тождеств было выковано орудие, которым наносились смертельные удары одной религии за другой, и особенно жестоким нападениям подвергалось христианство и историческая подлинность его Основателя. Приступая к изучению жизни Христа, к обрядам христианства, его таинствам и доктринам, было бы большой ошибкой не считаться с фактами, выставляемыми сравнительной мифологией. При верном понимании они могут послужить скорее в пользу, чем к разрушению религии. Мы видели, что апостолы и их преемники обращались с Ветхим Заветом вполне свободно, придавая его аллегорическому и мистическому смыслу гораздо более значения, чем историческому; при этом они ничуть не отрицали и последний, хотя и учили своих верующих учеников, что некоторые из историй Ветхого Завета, имеющие, по-видимому, исторический характер, в действительности не более, как аллегория. И нигде необходимость в таком понимании не является столь настоятельной, как при изучении Иисуса, названного Христом.

Ибо, если не распутать переплетающихся нитей и не разобрать, где символы принимаются за события, а аллегии за исторические факты, – мы рискуем утратить многое из поучительности самого повествования и из его возвышенной красоты. Нельзя в достаточной мере подчеркнуть то обстоятельство, что христианство выигрывает, а вовсе не теряет если к вере и праведности, предписанным апостолами,^[157] присоединится и знание. Многие боятся, что христианство будет ослаблено, если разум начнет проникать в его смысл, если события, считавшиеся историческими, приобретут более глубокое, мифическое или мистическое значение. В этом видят «опасность» для веры. В действительности знание только усиливает веру, и изучающий христианство найдет с радостью, что бесценная жемчужина озаряется все более чистым и ярким блеском по мере того как с нее снимаются покровы неведения.

В наше время существуют две школы, резко враждующие между собой по поводу истории великого еврейского Учителя. Одна из них не признает в повествованиях о его жизни ничего, кроме мифов и легенд, которые давались как объяснения определенных естественных явлений природы; в этом видели пережиток картинного способа передачи явлений природы с целью запечатлеть в умах необразованных людей широкие классификации естественных событий, которые признавались значительными сами по себе и могли быть применены к нравственному воспитанию людей. Все разделяющие эту точку зрения принадлежат к определенной школе, которая пополняется широко образованными и высокоразвитыми людьми, а вокруг них группируется менее образованная толпа, которая с большой резкостью подчеркивает разрушительные элементы в критических исследованиях этой школы. Противниками ее являются приверженцы ортодоксального христианства, которое утверждает, что вся история Иисуса есть исторический факт, без примеси легенды или мифа. Они убеждены, что все евангельские повествования ни что иное, как история человека, родившегося девятнадцать веков назад в Палестине и лично прошедшего через все переживания, изложенные в евангелиях; и они отрицают, чтобы эти повествования имели какое-либо иное значение, кроме личной богочеловеческой жизни. Эти две школы в полном антагонизме: одна утверждает, что все есть легенда, а другая убеждена, что все есть история. Между ними находятся различные оттенки

того мировоззрения, которое называется обыкновенно «свободомыслием»; последнее рассматривает жизнь Христа отчасти как легендарное и отчасти как историческое событие, но и оно не дает ни определенного метода толкования, ни достаточного объяснения для всего сложного целого. И рядом с этим, в самих пределах христианской церкви, возрастает все большее число верующих и преданных христиан с тонко развитым религиозным сознанием, которые видят в евангельских повествованиях гораздо более, чем историю единого Богочеловека. Они утверждают, основываясь на тех же св. Писаниях, что в истории Христа заключено более глубокое и более важное значение, чем какое представляется ее исторической поверхностью. Признавая исторический характер Иисуса, они в то же время утверждают, что Христос более, чем человек Иисус, что Его значение для людей глубоко мистично. В подтверждение своих доводов они указывают на такие выражения, как слова апостола Павла: «Дети мои, для которых я снова в муках рожден, доколе не изобразится в вас Христос».^[158] Здесь апостол, очевидно, не может иметь в виду исторического Иисуса, а определенные переживания человеческой души, которые он понимает как возникновение Христа в ее глубине. И тотчас же Учитель объявляет, что хотя он и знал Христа по плоти, отныне он более не будет знать Его таковым;^[159] из этого ясно, что хотя он и признавал Христа во плоти, т. е. Иисуса, он достиг и более возвышенного понимания Его, и в этом новом понимании для него утратилось прежнее значение исторического Христа. Подобная точка зрения начинает распространяться в наши дни, и лицом к лицу с фактами, приводимыми сравнительным изучением религий, в недоумении от противоречий в евангельских текстах, смущенные задачами, которые оказываются неразрешимыми, пока они связываются с поверхностным смыслом священных писаний, – современные последователи Христа с отчаянием повторяют, что «буква убивает» и только «дух животворит» и что необходимо уловить более глубокий смысл в том повествовании, которое старо как мир и всегда служило жизненным центром для каждой мировой религии. Люди с этим направлением, которое не может быть обозначено как определенная школа мысли, с одной стороны, как бы протягивают руку тем, которые принимают все за легенду, убеждая их признать и историческую основу, а с другой стороны – они же говорят своим единоверцам, что опасность растет, что если христиане и впредь будут придерживаться буквы писаний, не выдерживающих критики все более растущего знания наших дней, – все духовное значение христианства может быть окончательно подорвано. Является опасность утратить «историю Христа» и с ней самую идею того Христа, который был поддержкой и вдохновением для миллионов благородных душ на Востоке и Западе, хотя бы Его называли другими именами и поклонялись Ему под другими формами; опасность эта стала угрозой для всего человечества, которое духовно обнищает, утерев жемчужину такой неоценимой красоты.

Чтобы избежать этой опасности, необходимо распутать различные нити в истории Христа и поместить их рядом, одна возле другой – нить истории, нить легенды, нить мистицизма. Они перепутались в одно сплетение, и распутывая их, мы увидим, что сама история, – по мере того, как она освещается светом знания, – становится не менее, а более ценной и что в ней, как во всем, основанном на истине, чем ярче освещение, тем яснее выступает присущая ей красота.

Мы начнем наше исследование с исторического Христа, затем возьмем Христа мифического и под конец Христа мистического и тогда мы увидим, что элементы, извлеченные из этих аспектов, и составят Иисуса Христа христианских церквей. Все они входят в состав того грандиозного и патетического Образа, который господствует над мыслями и чувствами христианского мира, того Человека Скорбей, Спасителя и Господа, так сильно возлюбившего людей.

Исторический Христос, Иисус Целитель или Наставник

Нить жизнеописания Иисуса может быть без особого затруднения отделена от двух других нитей, с которыми она тесно переплетена. Мы облегчим нашу задачу, если начнем черпать из той летописи прошлого, которую оккультно подготовленные лица могут проверить сами и из которой некоторые потребности, касающиеся Иудейского Учителя, были даны миру через компетентных оккультных исследователей. Может быть, читатель отнесется критически к слову «компетентный», когда оно прилагается к оккультизму. Но оно означает не что иное, как человека, достигшего путем определенного метода особых знаний и развившего в себе силы, которые позволяют ему обосновывать свое суждение относительно исследуемого предмета на личном непосредственном знании. Совершенно так же, как мы считаем Гексли компетентным в биологии, как мы говорим о старшем Вранглере как о знатоке математики, или о Лайэлле, как о знатоке геологии, так же можем мы назвать компетентным в оккультизме такого человека, который, с одной стороны, сумел овладеть основными теориями строения человека и космоса, а с другой – развил в себе способности, которые существуют во всех людях в зачатке и могут проявиться у каждого, кто начнет правильно применять к себе надлежащие методы развития; те способности, которые позволяют самому человеку исследовать явления природы в их наиболее сокровенном действии. Так же как человек может родиться с склонностью к математике и упражняя эти свои способности в течение многих лет, до чрезвычайности развить свои математические дарования, так же человек может родиться с известными способностями души и развить их до высокой степени воспитанием и дисциплиной. Если, развив в себе эти способности, он начнет применять их к изучению невидимых миров, то такой человек становится компетентным в оккультной науке и может самостоятельно проверять летописи, о которых я говорила выше. Такие проверки настолько же недоступны для обыкновенного человека, насколько математическая книга, написанная символами высшей математики, недоступна для лиц, не знающих этой науки. Это знание в его совершенстве в такой же мере исключительно, в какой исключительно всякое иное совершенное знание. Рожденный с известной способностью и развивший эту способность до полноты, овладевает в совершенстве и соответствующим знанием; рожденный же без такой способности или не развивший ее, должен помириться со своим неведением. Это – условие каждого знания и оно относится к оккультизму так же, как ко всякой другой науке.

Оккультные летописи ^[160] подтверждают некоторые евангельские повествования, но не все; они развертывают перед нами жизнь Иисуса и таким образом дают возможность освободить ее от мифов, с которыми впоследствии перемешалась действительность.

Дитя, Иудейское имя которого изменено в имя Иисуса, родилось в Палестине на 105 лет ранее принятой даты рождения Иисуса Христа, во время консульства Публия Рутилия Руфа и Гнея Маллия Максима. Родители его были бедны, но происходили из благородного рода и воспитывали его на еврейских Св. Писаниях. Пламенная религиозность и ранняя серьезность отрока Иисуса побудили его родителей посвятить его религиозной и аскетической жизни. Вскоре после одного посещения Иерусалима, во время которого необычайный разум отрока и его влечение к оккультному знанию проявились в его беседах с учеными богословами Храма, родители отправили его в пустынную область южной Иудеи для обучения в общине ессеев.

Когда ему исполнилось девятнадцать лет, он вступил в монастырь ессеев, находившийся близ горы Сербал; монастырь этот охотно посещался учеными, направлявшимися из Персии и из Индии в Египет. Там была собрана великолепная библиотека оккультных книг, часть из которых была индусского происхождения из загималайской области. Из этого средоточия мистической

науки Иисус отправился позднее в Египет. Изучив до глубины тайную доктрину, которая была душою ессейской общины, он получил в Египте Посвящение в качестве Ученика единой Белой Ложи, из которой вышли все Основатели великих религий. Ибо Египет был всегда одним из мировых центров, где хранились истинные мистерии, по отношению к которым все полудоступные мистерии являются лишь бледным и далеким отражением. Мистерии, известные в истории под названием Египетских, были отражением истинных явлений, происходивших «на Горе», и там получил юный Иисус высшее Посвящение, подготовившее его к Царственному Священству, которое ожидало его впереди. И так сверхчеловечна была его чистота и так безгранично его благоговение, что придя в возраст, он выделялся как существо высшего порядка среди суровых и несколько фанатичных аскетов, в общине которых он воспитывался. Он изливал на окружавших его суровых Иудеев аромат своей мудрости с такой кротостью и нежностью, словно в бесплодной равнине пышно расцвел розовый куст и своим тонким благоуханием освежал раскаленный воздух пустыни. Властное очарование его непорочной чистоты окружало его как бы светлым ореолом, слова же его, хотя и редкие, всегда дышали нежностью и любовью, пробуждая даже в самых грубых и суровых людях временное смягчение. Так жил Иисус в течение двадцати девяти лет своего смертного существования, вырастая в праведности и благодати.

Эта сверхчеловеческая чистота и пламенная религиозность сделали Иисуса, человека и ученика, достойным стать обителью могучей Сущности, храмом для Силы Вышнего.

Час пробил, пришло время для божественного Проявления, которое приходит на помощь человечеству в эпохи, когда необходим бывает новый толчок для ускорения духовной эволюции, когда над миром занимается заря новой цивилизации. Западный мир зачинался в лоне времен, готовый к рождению, и пришло время для тевтонской субрасы принять скипетр власти из слабеющих рук Рима. Но для ее вступления на предназначенный путь должен был прийти Спаситель Мира и благословить младенческую расу.^[161]

Могущественный «Сын Божий» должен был воплотиться, верховный Учитель, «полный благодати и истины», в котором божественная мудрость обитала в полной мере, который был воплощенное «Слово», Свет и Жизнь, изливающиеся в безграничном изобилии, истинный родник Живой Воды, Господь Мудрости и Сострадания – таково Его имя – покинув Свою Потаенную Обитель, пришел в человеческий мир.

Ему нужно было земное воплощение, нужна была человеческая форма, тело человека. Кто же был более достоин, кто был более способен радостно отдать свое тело для Того, пред кем ангелы и люди преклоняются в глубочайшем благоговении, как не этот чистейший и благороднейший из всех «Совершенных», незапятнанное тело и непорочная душа которого являли собой лучший цвет человечества? Человек Иисус отдался как добровольная жертва, «предложил себя незапятнанным» Господу любви, принявшему эту чистую обитель для воплощения Своего и обитавшему в ней в течение трех лет смертной жизни.

Момент этот отмечен в преданиях, собранных в евангелиях, как Крещение Иисуса, когда появился Дух Святой, исходящий с неба как голубь и пребывающий в Нем»,^[162] и когда голос с небес возгласил: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».^[163] Он был истинно «возлюбленный Сын», в которого Отец вложил свое благоволение и с того времени «Иисус начал проповедовать»^[164] и стал той чудесной тайной, «Богом, явившимся во плоти»,^[165] возвестившим божественность человеческой природы. Ибо Он сказал: «Не написано ли в вашем законе: Я сказал: вы – боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание: Тому ли, Которого Отец освятит и послал в мир, вы говорите: „богохульствуешь“, потому что Я сказал: “Я – сын Божий?”»^[166] Воистину, все люди разделяют

божественную природу, ибо Дух Божий живет в них, но не во всех проявляется божественность так, как она проявилась в возлюбленном Сыне Всевышнего.

Этой проявившейся духовной Сущности мы можем безошибочно дать имя «Христа»: это Он явился в форме человека Иисуса, обходя горы и долины Палестинские, уча, исцеляя и собирая вокруг себя учеников из числа наиболее развитых душ. Редкое очарование Его царственной любви, изливавшейся из Него, как лучи из солнца, притягивало к Нему всех страдающих, усталых и обремененных; нежная магия Его кроткой мудрости очищала, облагораживала и облегчала жизнь людей, приходивших в соприкосновение с Его жизнью. Притчами и яркими образами учил Он невежественные массы, толпившиеся вокруг Него и, выявляя силы чистого Духа, исцелял больных словом или прикосновением, усиливая магнетическую энергию Своего непорочного тела силой, исходившей из Его внутренней жизни. Отвергнутый Ессейскими братьями, среди которых Он начал свой подвиг, Он нашел в них то противодействие, которое образно изображено в истории искушения; причиной этого противодействия было обнаружение им той духовной мудрости, которую они считали своим собственным тайным сокровищем, и еще потому, что его всеобъемлющая любовь притягивала к Нему всех отвергнутых и презираемых. Вскоре вокруг него сгустились облака ненависти и подозрения. Учителя и правители Его народа начали смотреть на Него с завистью и гневом; Его духовность была постоянным укором для их себялюбивой корысти, Его сила – непрерывным, хотя и безмолвным указанием на их слабость. Не более трех лет прошло со времени Его крещения, а буря, грозившая Ему, уже разразилась, и человеческое тело Иисуса понесло кару за то, что послужило обителью для божественного Воплощения.

Небольшая группа избранных учеников, которых Иисус выделил как хранителей Своего учения, были лишены физического присутствия своего Учителя, прежде чем они успели усвоить Его наставления; но это были души уже высоко поднявшиеся, вполне готовые для восприятия божественной мудрости и способные передать ее менее готовым людям. Наиболее восприимчивым был «любимый ученик Иисуса», самый молодой из всех, наиболее ревностный, пылкий, глубоко преданный своему Учителю, – он разделял Его дух всеобъемлющей любви. Св. Иоанн представлял собой в период, следовавший за физическим отбытием Христа, дух мистической любви, стремящейся к экстазу, к видению божественного и к слиянию с Ним, тогда как позднее появившийся апостол Павел представлял собой аспект Мудрости в мистериях Христа.

Учитель не забыл своего обещания явиться к ним, когда мир потеряет Его: «Не оставлю вас сиротами, приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня, а вы увидите Меня...»^[167] Он действительно приходил к ним в течение пятидесяти лет или около того, в Своем тонком сверхфизическом теле, продолжая начатые наставления и обучая их в области сокровенных истин. Большинство учеников жило вместе, в уединенной местности, на границе Иудеи; они не привлекали к себе внимания, так как в те времена было много общин, живших с внешней стороны подобно им; они проводили время в изучении глубоких истин, преподанных им Учителем, и в приобретении «даров Духа Святого».

Эти внутренние обучения, начатые еще тогда, когда Он жил в физическом теле среди них, и продолжавшиеся после того, как он покинул его, образовали основу «Мистерий Иисуса», которые составляли принадлежность церкви первых веков христианства; их жизненная сила стала тем внутренним ядром, вокруг которого собирались разнородные элементы, послужившие для образования позднейшего церковного христианства.

В замечательном отрывке, называемом «Пистис София», мы имеем документ высочайшего интереса, относящийся до сокровенного учения, записанный знаменитым Валентином. В нем говорится, что в течение одиннадцати лет после своей смерти Иисус поучал своих учеников «в

области первых статутов, вплоть до области первой мистерии, той, которая за покрывалом». ^[168]

Они еще не изучали распределение чинов ангельских, о чем отчасти говорится у Игнатия. ^[169] Потом Иисус, быв на «Горе» с учениками своими, получил Свое мистическое Облачение и знание всех миров, а также тех Слов Могущества, которые являются ключами к раскрытию их, продолжал поучать Своих учеников и дал им обещание: «Я сделаю вас совершенными во всяком совершенстве, от тайн внутреннего до тайн внешнего. Я исполню вас Духом, дабы назывались вы духовными, совершенными во всяком совершенстве». ^[170] И Он говорил им о Софии или Мудрости, о ее падении в материю при попытке подняться до Высочайшего, о ее воплях к Свету, в который она верила, и о послании Иисуса, дабы освободить ее из хаоса, увенчав ее Христовым светом, и выручить ее из заточения. Он говорил им и о высочайшей мистерии, неизреченной, самой простой и самой ясной из всех, хотя и самой высочайшей, познать которую можно лишь после отречения от мира. ^[171] Этим познанием люди преобразуются во Христа, ибо такие «люди суть Я – Сам, и Я есмь эти люди», ибо Христос и есть эта высочайшая мистерия. ^[172] Познавшие эту истину «преобразуются в чистый свет и вводятся в круг этого света». ^[173] И Иисус исполнил для них великую церемонию Посвящения, то Крещение, «которое ведет в царство истины и в царство света», и предписал им совершать ее для других, кто будет достоин: «Но скрывайте эту тайну, не выдавайте ее каждому человеку, но лишь тому, кто соблюдает все, что Я сказал вам в моих заповедях». ^[174]

После того, как обучение их совершилось, апостолы вернулись в мир, чтобы проповедовать, все время получая помощь от своего Учителя.

Сверх того, те же ученики и их первые помощники записали на память все изречения и притчи, сказанные Учителем перед народом, и они же собрали с большим усердием все рассказы, которые возможно было найти, записывая их и распространяя эти записи среди тех, кто постепенно присоединялся к их небольшой общине. Таким образом создались различные сборники, причем каждый член общины записывал то, что он сам запомнил, прибавляя к своей записи извлечения из записей других. Внутренние поучения, данные Христом Своим избранным ученикам, не были записаны, но передавались устно тем, кто признавался достойным узнать их, – ученикам, соединившимся в немногочисленные общины для того, чтобы вести уединенный образ жизни, оставаясь в постоянных сношениях с центральной общиной.

Итак, исторический Христос есть высочайшее Существо, принадлежащее к великой духовной Иерархии, которая управляет духовной эволюцией человечества; в течение трех лет он пользовался человеческим телом посвященного ученика Иисуса и провел последний год из этих трех, странствуя и открыто проповедуя по Самарии и Иудее; Он исцелял болезни и совершал иные замечательные оккультные действия; Он окружил себя небольшой группой учеников, которых он наставлял в более глубоких истинах духовной жизни; Он привлекал к Себе людей удивительной любовью и нежностью, и высокой мудростью, которые излучались из Его Личности; и Он же был предан смерти за кощунство, которое усмотрели в Его утверждении, что Бог живет в Нем, как и во всех людях. Он пришел, чтобы дать новый толчок духовной жизни миру, чтобы вновь ввести сокровенное учение о глубинах жизни духа, чтобы снова указать человечеству на «тесный древний путь», чтобы снова провозгласить реальность «Царства Небесного», того Посвящения, которое ведет к познанию Бога, который есть Жизнь Вечная; и наконец, чтобы ввести в это Царство тех немногих, которые способны учить других. Вокруг этого светлого Образа скопились мифы, соединяющие Его с длинным рядом Его предшественников; мифы, дающие в аллегорической форме историю всех подобных Жизней, символизирующих действия Логоса в Космосе и высшую ступень духовной эволюции индивидуальной человеческой души.

Не следует думать, что дело Христа среди Его последователей прекратилось после установления мистерий, или ограничилось Его редкими появлениями во время их совершения. Великая божественная Сущность, Сын Божий, воспользовавшийся временно телом Иисуса и не перестающий охранять духовную эволюцию пятой Расы, передал заботу о юной церкви в сильные руки святого Ученика, который пожертвовал для Него своим телом.

Достигнув венца своей человеческой эволюции, Иисус стал Учителем Мудрости и взял христианство под Свою особую охрану, делая постоянные усилия, чтобы направить его на верный путь, защищать, питать и заботиться о нем. Он был иерофантом христианских мистерий, непосредственным Учителем Посвященных. Он вдохновлял и поддерживал в Своей церкви пламя гнозиса, пока тьма невежества не сгустилась до такой степени, что даже дуновение Его Духа не могло разжечь это пламя настолько, чтобы спасти его от угасания. Это *Его* терпеливая охрана давала силу стольким душам переносить страшную темноту и сохранять внутри себя драгоценную искру мистического стремления, жажду искания Скрытого Бога. *Ему* принадлежит воздействие на умы, способные воспринять истину; благодаря *Ему* протянутая через века рука передавала другой руке факел познания, не давая ему погаснуть совсем. Это Он появлялся у колеса пыток и в пламени костров, ободряя Своих последователей и Своих мучеников, утишая их муки и наполняя их сердца Своим миром. Его влияние вносило вдохновение в громовые речи Савонаролы, направляло спокойную мудрость Эразма, одухотворяло глубокую этику боговдохновенного Спинозы. Его вдохновение зажгло энергию Рожера Бэкона, Галилея, Парацельса для глубоких исследований природы. *Его* красота увлекала Фра Анжелико Рафаэля и Леонардо Винчи, зажигала гений Микеланджело, сияла для Мурильо, дала силу для создания таких чудес, как Миланский собор, храм Св. Марка в Венеции и Флорентийский собор. *Его* мелодии звучали в мессах Моцарта, в сонатах Бетховена, в ораториях Генделя, в фугах Баха, в строгом величии Брамса. *Его* помощь поддерживала одиноких мистиков, преследуемых оккультистов, терпеливых искателей истины. Убеждением и строгостью, красноречием Св. Франциска и сарказмами Вольтера, кроткой покорностью Фомы Кемпийского и суровой мужественностью Лютера – не переставал Он искать возможности учить и пробуждать, привлекать к справедливости и отвлекать от зла. На протяжении всех истекших веков боролся Он и трудился, неся на Себе тяжелое бремя церквей, и никогда не оставлял без ответа или без утешения ни единое человеческое сердце, взывавшее к Нему за помощью. Ныне стремится Он обратить во благо для христианства часть того великого потока Мудрости, который ниспослан для оживотворения человечества. В лоне церквей ищет Он людей, у которых есть уши, чтобы расслышать слово Мудрости, людей, которые способны ответить, когда Он призывает способного идти к Его пастве и нести ей благую весть: «Я здесь, пошли меня!»

Глава V. Мифический Христос

Мы видели уже, как пользуются сравнительной мифологией в борьбе с религией, и знаем, что против христианства были направлены самые разрушительные ее удары. Рождение Христа от Девы в «День Рождества», убиение невинных младенцев, Его чудеса и Его учение, Его распятие, воскресение и вознесение – все эти события Его жизни находятся в жизнеописаниях других Основателей религий, и это тождество послужило поводом для сомнения в самом существовании исторического Христа. Что касается Его чудес, Его учения, то нельзя отрицать, что большинство Великих Наставников творили такие же действия, казавшиеся чудесными для их современников. Но оккультистам известно, что подобные «чудеса» могут творить все Посвященные, поднявшиеся выше известной ступени. Можно признать также и то, что учение Иисуса не принадлежало исключительно Ему одному; но если для изучающего сравнительную мифологию это является доказательством, что божественного Откровения не существует, что одни и те же нравственные учения давались и Ману и Буддой, и Иисусом, – для оккультиста это тождество религиозных учений говорит только об одном: что все великие религиозные Учителя были посланниками одного и того же Духовного Центра (Белого Братства). Глубокие истины о божественном и человеческом Духе были так же абсолютны за двадцать тысяч лет до рождения Иисуса в Палестине, как они остались абсолютными и после Его пришествия. Утверждать, что мир был лишен необходимейших истин и человек был покинут в нравственной темноте с самого начала своего бытия до появления христианства – это означало бы, что человечество оставалось без Учителя, дети сиротствовали без Отца, что души человеческие вотще взывали о даровании им света и из окружающего их мрака не раздавалось никакого ответа. Такая мысль настолько же кощунственна по отношению к Богу, как и безнадежна по отношению к самому человеку; против нее говорит и существование многочисленных Мудрецов древности, и величавая литература, и многие благородные жизни, которыми были отмечены тысячелетия, предшествовавшие появлению Иисуса Христа.

Признав таким образом, что Иисус – Великий Учитель Запада, высочайший Вестник, посланный из Духовного Центра западному миру, – мы должны разрешить трудный вопрос, который смущал многие умы: почему праздники, соблюдаемые в память событий из жизни Иисуса, находятся в древнейших, дохристианских религиях, и в них тождественные события приписываются другим Учителям?

Сравнительная мифология, возникшая около столетия тому назад с появлением трудов «Сокращенная История разных культов» Дюлора, «Происхождение всех культов» Дюпюи, «Индусский пантеон» Мура и «Анакалиписис» Хиггинса, поставила этот вопрос перед сознанием современников. За этими трудами последовало множество других, все более и более научных и точных в смысле проверки и сравнения фактов, пока наконец для просвещенного человека стало уже невозможным сомневаться в этих тождествах и аналогиях. В наше время ни один образованный христианин не будет утверждать, что символы, церемонии и обряды христиан – единственные во всем мире. Правда, подобная наивная вера, питаемая полным неведением исторических фактов, все еще встречается в невежественной среде; но вне этой среды ни один самый преданный христианин не станет отрицать, что христианство имеет много общих черт с более древними религиями. Известно также, что в первые века «после Христа» эти сходства были всеми признаваемы, и что современная сравнительная мифология лишь повторяет с большей отчетливостью то, что было повсеместно признано в ранней церкви. Так, Юстин Мученик делает в своих сочинениях многочисленные ссылки на религиозные верования своего времени, и если бы современный противник христианства захотел собрать как можно больше

случаев, когда христианские учения совпадают с более древними религиями, он не нашел бы лучших руководителей, чем апологеты второго века. Они цитируют учения, рассказы и символы язычников, разъясняя, что самый факт их тождества с христианскими доказывает, что их нельзя огульно отбрасывать, как неприемлемые.

«Писатели, – говорит Юстин Мученик, – передавшие нам поэтические мифы, не могут представить доказательств для изучающих их юношей; мы же продолжаем доказывать, что они вдохновлены злыми демонами, чтобы обманывать и сбивать с пути человеческий род. Ибо слыша, как пророки провозглашали о пришествии Христа и о наказании безбожников огнем, демоны эти выставили многих под именем сынов Юпитера, с надеждой, что они вызовут в людях мысль, что все, что говорилось о Христе, не более как чудесные сказки, подобные рассказам поэтов». «И в самом деле, демоны, услышав об обливаниях, предписанных пророком, подстрекали тех, которые входили в их храмы, и пытались приближаться к ним с возлияниями и горящими дарами и заставляли их окроплять себя; они также заставляли их омыться совсем перед тем, как покинуть храм». «Злые демоны подражают^[175] в мистериях Митры, предписывая совершать то же самое». ^[176] «Я же сам, когда открыл лукавые подделки, которыми злые духи облекли божественные учения христианства, дабы отвратить от них других людей, смеялся». ^[177]

Итак, тождество это рассматривалось как дело демонов, как копии с христианских оригиналов, изобильно распространявшихся в дохристианском мире, чтобы повредить принятию истины, когда появится она. Довольно трудно признать в более ранних доктринах копии, а в позднейших оригиналы, но, не вступая в спор с Юстином-Мучеником о том, копии ли предшествовали оригиналам, или оригиналы копиям, мы с чувством удовлетворения принимаем это свидетельство, что действительно существовали эти тождества между верованиями, распространенными в его эпоху в Римской Империи и новой религией, которую он старается защитить.

Тертуллиан говорит не менее ясно, упоминая о тех обвинениях, которые бросались в его время христианству: «Народы, – говорит он, – не имеющие никакого понятия о духовных силах, приписывают своим идолам способность придавать воде такую же магическую силу». «Они делают это, – откровенно признается Тертуллиан, – но люди эти обманываются, употребляя воду, лишенную всякой силы. Ибо обливания сопровождают их посвящения в некоторые священные обряды, присущие общеизвестной Изиде или Митре; и даже богов самих они почитают посредством обливаний... На игрищах Аполлона и элевсинских они принимают крещение; и они воображают, что последствием этого действия является возрождение и оставление наказания, заслуженного их вероломством. Признавая этот факт, мы видим еще раз в нем старание дьявола, стремящегося соперничать с божественными вещами, и также производящего крещение над своими подчиненными». ^[178]

Чтобы разрешить вопрос об этих тождествах, нужно изучить мифического Христа, Христа солнечных мифов или легенд, ибо мифы являют собой картинные формы, под которыми глубокие духовные истины давались миру.

Вообще говоря, «миф» совсем не соответствует той идее, которую большинство не имеет о нем. Это не фантастический рассказ, основанный на действительном событии, и тем более не рассказ, совсем лишенный реальной подкладки. Миф несравненно ближе к истине, чем история, ибо история говорит нам лишь об отброшенных тенях, тогда как миф дает нам сведения о той сути, что отбрасывает от себя эти тени. Как вверху, так и внизу; и притом *сперва вверху*, а потом уже *внизу*.

Существуют определенные великие принципы, на которых построена наша мировая система; существуют определенные законы, по которым эти принципы выполняются в подробностях; есть также известные Существа, олицетворяющие собой эти принципы,

деятельность которых и представляет собой законы природы; подчиненные им сонмы низших существ служат для этой их деятельности проводниками или орудиями. Среди них находятся человеческие Эго,^[179] принимающие также участие в великой космической драме. Все эти многообразные деятели невидимых миров бросают свои тени на физическую материю, и эти-то тени и суть те «вещи» – тела и предметы, составляющие физическую вселенную. Эти тени дают лишь слабую идею о тех объектах, которые отбрасывают их от себя, совершенно так же, как земные тени дают лишь слабое представление о предметах, отбрасывающих их; они лишь темные силуэты, лишенные всех подробностей, обладающие длиной и шириной, но не глубиной.

История представляет собой отчет, весьма несовершенный и часто искаженный, о капризной игре этих теней в иллюзорном мире физической материи. Достаточно взглянуть на искусно управляемые «Китайские тени», и сравнить то, что совершается за экраном, на котором они отражаются, с игрой теней на экране, чтобы составить ясное представление о призрачной природе действующих теней и вынести из этого немало интересных аналогий.^[180]

Миф есть отчет о движениях тех, которые заняты отбрасыванием теней; а язык, на котором даются такие отчеты, есть язык символов. Как здесь, на земле, мы употребляем слова для замены самих предметов, – напр. слово «стол» служит нам для замены определенного предмета – так символы заменяют собою объекты высших планов бытия. Они являются картинным алфавитом, употребляемым всеми создателями мифов, и каждый знак этого алфавита обладает определенным смыслом. Символ служит для обозначения того или другого предмета совершенно так же, как наши слова служат для различения одного предмета от другого; из этого следует, что знание символов необходимо для чтения мифов, ибо первыми сказателями великих мифов были Посвященные, которые всегда употребляли символический язык и конечно применяли символы в их определенном и безошибочном смысле.

В символе скрывается главный смысл, а рядом с ним и различные второстепенные значения, связанные с этим главным смыслом. Например, Солнце есть символ Логоса, это его главный или первоначальный смысл. Но Солнце означает также и воплощение Логоса или одного из великих Вестников, которые являются Его временными представителями, вроде того, как земной посланник представляет собою своего короля. Великие Посвященные, посылаемые с определенной миссией, которые воплощаются среди людей и живут среди них в течение некоторого времени как их Правители или Наставники, имеют также своим символом Солнце; ибо хотя символ этот и не принадлежит им индивидуально, но он прилагается к ним по достоинству их служения.

Все, которые обозначаются этим символом, имеют свои определенные особенности, проходят через известные положения и преследуют известный образ действия в течение своей земной жизни. Солнце есть физическая тень или тело Логоса, как его называют, поэтому его годовое движение изображает деятельность Логоса, но так же несовершенно, как несовершенно передаются тенью движения того предмета, который ее отбрасывает от себя. Логос, «Сын Божий», спускающийся в мир материи, имеет своей тенью годичное движение солнца, и эта истина передается нам в Солнечном Мифе. Точно так же и воплощение Логоса или одного из Его Великих Посланников представит собой как бы тень Его деятельности в человеческом теле: из этого естественно вытекает, что жизнеописания этих Посланников будут все иметь сходные черты. Более того, отсутствие таких сходных черт удостоверит несомненно, что данное лицо не есть действительный Посланник, и что его миссия имела второстепенное значение.

Итак, Солнечный Миф есть повесть, представляющая, во-первых, деятельность Логоса или Слова в космосе, и во-вторых – жизнь Того, кто есть воплощение Логоса, или же жизнь одного из Его Посланников. Герой мифа бывает обыкновенно представлен в виде Бога или полубога, и его жизнь, как это выясняется из всего вышесказанного, должна соответствовать движению

Солнца, которое являет собою как бы тень Логоса. Часть этого движения, играющая важную роль в человеческой жизни, падает на время между зимним солнцестоянием и достижением зенита в летний период. Герой рождается всегда во время зимнего солнцестояния, умирает в весеннее равноденствие и, победив смерть, возносится на небо.

В этом отношении интересна следующая цитата, хотя ее автор, становясь на более общую точку зрения, рассматривает миф лишь как аллегория, рисующую внутренние истины:

«Альфред де Виньи говорил, что легенда бывает нередко более истинна, чем история, ибо она излагает не факты, часто неполные и незаконченные, а говорит о самом гении великих людей и великих наций. Эта прекрасная мысль может быть особенно приложима к евангелию, ибо евангелие не есть лишь рассказ о прошлом, это есть также великое повествование обо всем, что есть и обо всем, что будет. Всегда к Спасителю мира будут относиться с обожанием цари разума, представленные в лице Магов; всегда будет Он умножать хлебы причащения, чтобы напитать и возродить наши души; всегда, когда мы будем призывать Его во тьме и буре, придет Он на наш зов, ступая по водам, всегда будет Он протягивать нам Свою руку, чтобы помочь нам перейти по гребням вздымающихся волн; всегда будет Он исцелять наши немощи и возвращать нам потерянное зрение; всегда будет Он появляться перед своими верными последователями просветленным и преображенным на горе Фаворе, объясняя закон Моисея и умеряя усердие Илии».^[181]

Мы увидим далее, что мифы тесно связаны с мистериями, ибо часть мистерий состояла в том, что в живых картинах показывались события высших миров, воплотившиеся в мифах. В псевдомистериях искаженные отрывки из живых картин, видимых в истинных мистериях, были представляемы в драматической форме, и многие второстепенные мифы являются такими драмами, облаченными в слова.

Широкие очертания истории Солнечного Бога очень ясны, и самая значительная часть Его жизни заключается в пределах первых шести месяцев солнечного года, тогда как остальные шесть месяцев представляют собой период оберегания и сохранения. Он всегда рождается во время зимнего солнцестояния, после самого короткого дня в году, в полночь 24 декабря, когда знак Девы поднимается над горизонтом, являясь в момент, когда появляется этот знак. Он всегда рождается от Девы, которая остается девой и после того, как даст жизнь Младенцу – Солнцу, совершенно так же, как и небесная Дева остается непорочной после того, как солнце появится на небесах. Слабым и немощным, как новорожденное дитя, является оно тогда, когда дни самые короткие, а ночи – самые длинные; и его детство также окружено опасностями, ибо царство тьмы получает перевес над царством света. Но он преодолевает все эти опасности, дни удлиняются по мере приближения к весеннему равноденствию, пока не настанет момент пересечения или распятия, дата которого меняется каждый год. Встречаются скульптурные изображения, которые представляют Солнечного Бога внутри круга горизонта, причем его голова и ноги касаются круга из севера и на юге, а протянутые руки – на западе и востоке. «Он был распят» – говорит этот символ. После этого он поднимается, торжествующий, и возносится на небо, силою своею наливая колосья и виноград, отдавая свою жизнь для их созревания, и через них питая и своих поклонников.

Бог, рожденный на заре 25 декабря, всегда бывает распят во время весеннего равноденствия и всегда отдает свою жизнь, чтобы питать своих поклонников – таковы наиболее выдающиеся признаки Бога-Солнца. Установленное число его рождения и переменное число его смерти полно значения, если мы вспомним, что первое совпадает с постоянным, а второе с переменным положением солнца. «Пасха» есть передвигающееся событие, исчисляемое относительным положением солнца и луны, что делает невозможным установить дату для исторического события, тогда как при вычислении солнечного праздника передвижение является естественным

и даже неизбежным. Эти меняющиеся даты указывают не на историю человека, а на Героя солнечного мифа.

Те же события повторяются в жизни различных солнечных богов и древность изобилует подобными примерами. Изида Египетская, подобно Марии из Вифлеема, была *Непорочной Владычицей, Звездой Океана, Царицей Небесной, Матерью Бога*. Ее изображали стоящей на серпе месяца, увенчанной звездами, держащей на руках Младенца Гора; а позади сидения, на котором сидит мать с младенцем на коленях, ясно видно изображение креста. Дева Зодиака изображалась на древних рисунках в виде женщины, кормящей ребенка; это – прототип всех будущих Мадонн с их божественными младенцами, указывающий на происхождение самого символа. Деваки также изображаются с божественным Кришной на руках, и Вавилонская Милитта или Ишгар с таким же венцом из звезд и с младенцем Таммузом на коленях. Меркурий и Эскулап, Вакх и Геркулес, Персей и Диоскуры, Митра и Заратустра – все они были одновременно и божественного, и человеческого происхождения.

Отношение зимнего солнцестояния к истории Иисуса также полно значения. Рождение Митры праздновалось с большим ликованием точно так же в день зимнего солнцестояния и рождение Гора падает также на это число: «Его рождение есть одна из величайших мистерий религии (Египта). Картины, изображающие это событие, появились на стенах храмов... Он был сын Божества. На Рождество, т. е. в день, совпадающий с христианским праздником, его изображение выносилось из храма с особыми церемониями, как это происходит в Риме и до сих пор с изображением Младенца Христа, которое выносится из церквей и показывается народу».^[182]

Относительно установления дня рождения Иисуса на 25 декабря Уильямсон говорит следующее: «Все христиане знают, что 25 декабря есть праздник, признаваемый ныне за день рождения Иисуса, но мало кто знает, что не всегда было так. Есть сведенье, что было установлено сто тридцать шесть различных дат разными христианскими сектами. Ляйтфут относит это событие из 15 сентября, другие исследователи – на февраль или август. Эпифаний упоминает о двух сектах, праздновавших рождество – одна в июне, а другая в июле. Вопрос этот был окончательно решен папой Юлием I в 337 г. по Р. Х. и св. Златоуст пишет в 390 г.: „В Риме был избран этот день, т. е. 25 декабря, как день Рождества Христова для того, чтобы в тот же день празднующие свои торжества язычники (Брюмалии в честь Вакха) не мешали христианам праздновать свое торжество без помех“. Гиббон в своем сочинении „Упадок и разрушение Римской империи“ пишет: „Римляне (христиане), не ведая, так же как и их братья, истинного дня рождения Христа, избрали для его торжественного празднования 25 декабря, время Брюмалий или зимнего солнцестояния, когда язычники празднуют ежегодное рождение Солнца“. Кинг в своем труде „Gnostics and their Remains“ говорит: «Древний праздник, который праздновали 25 декабря в честь рождения Непобедимого,^[183] ознаменованный великими играми в цирке, был отнесен позднее к памяти рождения Христа, точная дата которого была по признанию многих Отцов Церкви в то время неизвестна». Из современных писателей Фаррар говорит: «Бесполезно пытаться отыскивать месяц и день Рождества. У нас нет никаких данных, чтобы определить их хотя бы приблизительно». Из всего предыдущего можно заключить, что праздник зимнего солнцестояния был в древности празднуем во всех, даже наиболее отдаленных друг от друга странах, в честь рождения Бога, которого почти повсеместно считали Спасителем и Матерью которого признавалась Непорочная Дева. И все эти поразительные сходства, на которые мы указывали не только относительно рождения, но и относительно жизни этих богов-Спасителей, слишком многочисленны, чтобы их можно было объяснить одними совпадениями».^[184]

В истории Будды можно легко проследить, как миф сливается с историческим лицом.

История его жизни хорошо известна и в большинстве сказаний, распространенных в Индии, о его рождении говорится как о простом человеческом появлении на свет. Но по китайской версии он родился от непорочной девы Майадэви, и здесь снова повторяется архаический миф о появлении нового Героя.

Уильямсон говорит, что у кельтских народов зажигали огни на холмах и теперь еще зажигают 25 декабря, и такие же огни называются у Ирландцев и у горных Шотландцев *Bheil* или *Baalinne*, по имени Бэла или Баала, древнего божества Кельтов – Бога-Солнца, хотя теперь эти огни зажигаются в честь Христа.^[185]

Верно понятый праздник Рождества мог бы представить лишь новый повод для радости и принять еще более священный характер, если бы почитатели Христа видели в нем повторение древнего торжества, празднуемого в целом мире, и теряющегося в необозримой дали глубокой древности. Они узнали бы, что рождественские колокола звучат на протяжении всей человеческой истории, и что из мрака времен к нам возвращается эхо их вибрирующих гармоний. Не в исключительном обладании, а во всемирном признании заключена печать истины.

Дата смерти Христа – как мы уже говорили – не установлена, как установлена дата Его рождения. Первая высчитывается по относительному положению Солнца и Луны во время весеннего равноденствия, которое изменяется ежегодно и служит днем для празднования всех солнечных Героев. Название животного, принятое как символ данного Героя, идет от знака Зодиака, в котором Солнце достигает весеннего равноденствия, а это обстоятельство меняется в зависимости от прецессии равноденствий. В Ассирии Оаннес имел своим знаком Рыб, и они были его символом; Митра родился под знаком Тельца, и поэтому изображается едущим на тельце, а Осирису поклонялись под видом Осириса-Аписа или Сераписа, Быка. И в Вавилоне Меродаху поклонялись под видом Тельца так же, как и Астарте в Ассирии. Когда Солнце находится в созвездии Овна, Рама (барана) или Агнца, – Осирис снова появляется под видом Рама и тот же знак Зодиака становится символом Иисуса – Агнца Божия. В катакомбах нередко находят изображения Агнца, как символа Иисуса; иногда Агнец изображен лежащим на кресте. По этому поводу Уильямсон говорит: «С течением времени Агнца стали изображать на кресте и лишь со времени шестого Константинопольского собора, созванного в 680 году, было постановлено заменить древний символ человеком, распятым на кресте. Постановление это было подтверждено папою Адрианом I». ^[186] И древний символ Рыб прилагался также к Иисусу, что видим из изображений в катакомбах.

Смерть и воскресение Солнечного Героя во время весеннего равноденствия повторяются также неизменно, как и его рождение во время зимнего солнцестояния. Осирис, падающий в это же время года под ударами Тифона, изображается внутри круга горизонта с распростертыми руками, как бы распятый – положение, которое вначале означало благословение, а вовсе не страдание. И смерть Таммуза оплакивалась ежегодно во время весеннего равноденствия в Вавилоне и Сирии, а также смерть Адониса в Сирии и в Греции, и Аттиса во Фригии, которого изображают под видом «связанного человека с агнцем в ногах». ^[187]

Смерть Митры праздновалась таким же образом в Персии, а в Греции – смерть Вакха или Дионисия, что одно и то же. В Мексике мы находим ту же идею и там она изображается, как везде, крестом.

Во всех этих торжествах за оплакиванием умершего немедленно следует радость о его воскресении. По этому поводу следует отметить интересное исследование, по которому слово *Easter*, Пасха – Светлое Воскресение – идет от имени Иштар, девы-матери убитого Таммуза. ^[188] Интересно также отметить, что пост, предшествующий смерти и погребению во время весеннего равноденствия, – наш Великий Пост – встречается в Мексике, Египте, Персии, Вавилоне,

Ассирии, в Малой Азии и в некоторых случаях его продолжительность равняется сорока дням.^[189]

В псевдо-мистериях история Бога-Солнца была представляема в виде драмы, тогда как в истинных мистериях Посвященный переживал ее; вот почему солнечные «мифы» и реальные события Посвящения переплетались между собой. И когда Учитель Христос стал Христом мистерий, легенды о более древних Героях тех же мистерий сплетались вокруг Его имени, и древние сказания снова воскресли, а в центре их оказался последний божественный Наставник, как представитель солнечного Логоса. И уже после этого празднование Его рождения слилось с тем незапамятным днем, когда Солнце родилось от Девы, когда полуночное небо наполнилось ликованием небесных сонмов, радующихся о Рождении Христа.

По мере того, как величавая легенда Солнца сплеталась с личностью Христа, знак Агнца стал знаком Его распятия, а знак Девы – знаком Его рождения. Мы видели, что Телец был посвящен Митре, Рыба – Оаннесу, а Агнец был посвящен Христу; все это – явления одного порядка: Агнец был знаком весеннего равноденствия в тот исторический период, когда Христос переступил великий круг горизонта, иными словами, был «распят в пространстве».

Эти солнечные мифы, повторяющиеся на протяжении веков, каждый раз с новым именем для своего Героя, не могут пройти незамеченными для исследователя, тогда как для верующего поклонника они могут быть совершенно чужды. И когда их употребляют как орудие для умаления и искажения величавого образа Христа, следует не отрицать самый факт, а понять всю глубину внутреннего смысла этих сказаний, все значение духовной истины которая выражена под покровом этих легенд. Но почему же эти легенды примешались к истории Иисуса, почему закристаллизовались они вокруг Его имени, как исторического лица?

В сущности, легенды эти относятся не к определенной Индивидуальности, именуемой Иисусом, но ко вселенскому Христу, к Человеку, символизирующему божественную Сущность и представляющему собой основную истину духовной природы; к Человеку, облеченному определенной миссией и стоящему в особом отношении к человечеству; в отношении, которое возобновляется из века в век по мере того, как поколения следуют за поколениями и одна раса сменяется другой расой. Вот почему Иисус называл себя «Сыном Человеческим», но Он обозначал этим не индивидуальность, а особый сан Своего служения. Христос солнечного мифа был Христом мистерий и тайна мифического Христа сокрыта в Христе Мистическом.

Глава VI. Мистический Христос

Мы подходим теперь к тайне той власти, которую история Христа имеет над человеческим сердцем. Мы подходим к той неисчерпаемой жизни, которая бьет ключом из глубины невидимого источника; ее светлые волны нисходят на Того, Кто является ее олицетворением и силою этого крещения все сердца обращаются к Христу, чувствуя, что им легче было бы отказаться от всех исторических фактов, чем от той основной истины высшей жизни, которую они восприняли интуицией. Теперь мы подходим к священному преддверию мистерий. Мы приподнимаем край завесы, скрывающей святилище.

Мы видели, что как бы далеко ни проникать в глубь веков, мы всюду находим признание, что существовало сокровенное учение, которое, при соблюдении точных и строгих условий передавалось Учителями Мудрости своим достойным ученикам. Такие ученики или «кандидаты» посвящались «в мистерии», что в древности означало все наиболее духовное в религии, все наиболее глубокое в философии и все наиболее ценное в науке. Каждый истинный Учитель проходил через мистерии, и величайшие из них становились иерофантами мистерий. Все, раскрывшие миру тайну невидимых миров, переступали через порог Посвящения и узнавали эти тайны из уст самих великих Посвященных. Все они рассказывали одно и то же сказание и все солнечные мифы, – варианты этого сказания – тождественные в своих основных чертах, различаются лишь по своей внешней окраске.

В этом сказании говорится о нисхождении Логоса в глубину материи, и поэтому Бог-Солнце является вполне подходящим символом Логоса, ибо Солнце есть Его тело и существует выражение «Тот, обителью которого является Солнце». В одном Своем аспекте Христос мистерий есть Логос, нисходящий в материю и великий Солнечный Миф есть ни что иное, как общедоступное учение об этой духовной истине. Божественный Учитель, вновь возвещающий миру Древнюю Мудрость, считается всегда особым проявлением Логоса; поэтому и Иисус христианских церквей стал постепенно облекаться во все мифы, которые говорят о сошествии Логоса в материю. Благодаря этому он стал отождествляться со вторым Лицом Св. Троицы, с Логосом, или божественным Словом,^[190] и все выдающиеся события, о которых говорится в мифе Бога-Солнца, превратились в выдающиеся события из жизни Иисуса, представление о котором слилось в сознании христиан с идеей воплощенного Бога, «Мистического Христа». Как в макрокосме Христос мистерий представляет Собою Логоса, Второе Лицо Св. Троицы, так и в микрокосме – человек. Он является вторым аспектом божественного Духа и потому может быть назван внутренним «Христом».^[191]

Итак, второй аспект Христа мистерий есть внутренняя жизнь Посвященного, которая возникает после первого великого Посвящения, когда в душе его рождается Христос и начинает вырастать в ней. Чтобы эта идея стала понятной, необходимо остановиться на условиях, налагаемых на того, кто готовится к Посвящению, а также понять природу Духа, пребывающего в человеке.

Только те люди считались пригодными для приготовления к Посвящению, которые были уже *добрыми* в пределах человеческого понимания добра. Чистые, святые, беспорочные, освободившиеся от греха, не нарушающие закона – таковы были некоторые из выражений, применявшихся к ним.^[192] Кроме того, от них требовался развитой и уравновешенный интеллект.^[193]

Обыкновенная жизнь развивающегося человека имеет целью эволюцию умственных способностей, эмоций и нравственного чувства, что достигается благодаря соблюдению указаний, даваемых религией, благодаря выполнению своих обязанностей и старанию помогать

своим ближним и содействовать их развитию. Через все это человек проходит жизнь за жизнью и когда он все это совершил и стал «добрым человеком», он становится «*Chrestos*» греков и только после этого может он стать Христом, Помазанником. Когда он научился жить праведно с точки зрения мирской, лишь тогда может он домогаться сокровенной жизни духа и готовиться к Посвящению, что всегда требовало исполнения определенных условий.

Этим условиям отвечают известные качества, которые он должен развить в себе и пока он трудится, чтобы приобрести их, про него говорят, что он вступил на Путь Испытания, на тот Путь, который ведет к «Тесным Вратам», за которыми расстилается «Узкая Тропа», или «Путь Святости», «Крестный Путь». От вступающего не требуется совершенства, но он все же должен до некоторой степени обладать этими качествами прежде, чем Христос может родиться в нем. Он должен приготовить непорочную обитель для того Божественного Дитяти, который должен вырасти в его душе.

Первое из этих качеств – все они принадлежат к области мысли и нравственности – есть *Распознавание*; это означает, что вступивший должен научиться различать вечное и временное, реальное и нереальное, истинное и ложное, небесное и земное. «Видимое временно, а невидимое вечно»^[194] – говорит апостол; люди постоянно живут под чарами видимого, которое вызывает в них слепоту к невидимому. Вступающий на Путь должен уметь различать между тем и другим, и то, что не реально для мира, должно стать реальным для него, и наоборот – то, что для мира реально, должно потерять всякую ценность для него, ибо только таким образом можно «ходить верою, а не видением».^[195] И только так может человек достигнуть возраста, о котором апостол говорит: «Твердая пища свойственна совершенным, у некоторых чувства навыком приучены к различению добра и зла».^[196]

Вслед за Распознаванием чувство реального должно воспитать в нем Отвращение от нереального и мимолетного, от той шелухи жизни, которая не способна утолить голод и годна только для «свиней».^[197] Эту ступень Иисус определяет такими сильными словами: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».^[198] Эти слова принадлежат к «трудным изречениям» и все же верно, что из этой ненависти возникает более глубокая и более истинная любовь и что необходимо пройти через эту ступень на пути к «Тесным Вратам». Вслед за тем стремящийся должен научиться *управлять своими мыслями*, а это приведет к *контролю над действиями*, ибо для внутреннего зрения мысль и действие сливаются в одно. «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».^[199]

Затем он должен развить в себе *Терпение*, ибо кто стремится к «Крестному Пути, должен быть готов к самым тяжким испытаниям и он должен выносить их так, как будто бы он уже видел Невидимого», и потому оставался тверд. Кроме этих качеств он должен развить в себе *Терпимость*, если желает быть сыном Того, Кто «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»^[200] и учеником Того, Кто повелевает своим апостолам не запрещать человеку произносить Его имя, хотя бы он и не следовал за Учителем».^[201]

Далее, вступающий на Путь должен приобрести *Веру*, для которой нет ничего невозможного^[202] и *Равновесие*, о котором также говорит апостол.^[203] Наконец, он должен искать только «Горнего»^[204] и стремиться к блаженству лицезрения Бога и соединению с Ним.^[205] Когда человек приобрел эти качества, он считается готовым к Посвящению и Хранители мистерий открывают перед ним Тесные Врата. Лишь при таких условиях может стремящийся рассчитывать на принятие.

Дух человека есть божественный Дар и потому он соединяет в себе все три аспекта

божественной Жизни: *Разум, Любовь и Волю* – являясь «образом и подобием» Бога. По мере того, как дух раскрывается, в нем развивается сперва аспект Разума, интеллектуальные способности, эволюция которых совершается в обыденной жизни. Когда это развитие достигло высокой ступени и рядом с этим выросло и нравственное чувство, тогда человек приближается к вступлению на Путь. Второй аспект духа есть Любовь, обладание которой и есть рождение в нас Христа. В истинных мистериях совершается это рождение – ибо жизнь ученика есть мистическая драма и ряд Посвящений отличают ее различные ступени. В мистериях, происходивших на физическом плане, эти ступени изображались в драматической форме и самые церемонии представляли собой во многих отношениях «образцы» того, что происходит «на Горе»; а в век упадка они являлись как бы отражением великих Реальностей духовного мира.

Мистический Христос имеет, следовательно, два значения: прежде всего Он – Логос, Второе Лицо Св. Троицы, нисходящий в Материю, а затем Он же – Любовь или второй аспект раскрывающегося в человеке божественного Духа. Первый аспект выражает космические процессы, бывшие в прошлом, и есть корень солнечного мифа; второй представляет собой процесс, совершающийся в индивидуе, завершающий фазис его человеческой эволюции и в нем отражаются многие подробности солнечного мифа. И тот, и другой аспект содействовали возникновению евангельских повествований, а оба вместе составляют образ «Мистического Христа».

Обратимся сперва к Космическому Христу, т. е. к Божеству, облекающемуся в материю, попробуем постигнуть суть воплощения Логоса, когда Он одевается в «плоть».

Когда материя, предназначенная для образования нашей солнечной системы, отделилась от бесконечного океана материи, заполняющей пространство, Третье Лицо Св. Троицы – Святой Дух – начал изливать Свою Жизнь в эту материю, чтобы оживотворить ее, дабы она могла слагаться в определенные формы. Затем материя формуется жизнью Второго Логоса или Второго Лица Троицы, которое приносит Себя в жертву, заключая Себя в ограничения материи, становясь «Небесным Человеком», в Теле которого существуют все Формы, как части его. Таков космический процесс, драматически представляемый в мистериях; в истинных мистериях процесс этот представлялся как видимое совершение в пространстве, а в мистериях на физическом плане он же изображался путем магических и других средств, а в некоторых своих частях и при помощи актеров.

Процессы эти очень ясно указаны в Библии: когда «Дух Божий носился над водою» во тьме, «которая была над бездною»^[206] – великая бездна материи не имела еще формы, она была пуста, являла собою хаос. Форму ей придал Логос, Слово, о котором сказано: «все через Него начало быть и без Него ничто не начало быть, что начало быть».^[207] В книге Ледбитера эта идея выражена очень удачно: «Результатом этого первого великого излияния (Дух Божий носился) было пробуждение этой удивительной жизненности, проникающей всю материю (хотя бы она и казалась инертной для нашего несовершенного физического зрения); атомы различных планов, наэлектризованные этой силой, начали развивать всевозможные виды притяжения и отталкивания, бывшие в них до тех пор в скрытом виде, и вступать благодаря этому в различные взаимные соединения».^[208]

И только когда совершилась эта работа Св. Духа, возможно стало для Логоса, Космического Христа, приступить к облечению Себя в материю, войти в полном смысле слова в лоно Материи, еще девственной и неплодородной. Она была уже оживотворена Св. Духом, который, осеняя Девственницу, влил в нее Свою жизнь, приготовил ее к приятию жизни Второго Логоса, который с этих пор делает ее проводником Своей энергии. Вот что значит воплощение Христа, приятие плоти – «Ты не презрел недра девственницы».

В латинском и английском переводах оригинального греческого текста Никейского

Символа Веры, в изречении, говорящем об этом фазисе нисхождения Христа, предлоги были изменены, благодаря чему изменился и самый смысл изречения. В оригинале сказано: «и был воплощен *от* Св. Духа и Девы Марии», тогда как в переводе сказано: «и был воплощен *через* Духа Святого *от* Девы Марии». Христос «облекается не только в „девственную“ материю, но в материю уже оживотворенную и пульсирующую жизнью Третьего Логоса, так что и жизнь и материя окружают Его как бы двойным покровом».^[209]

Таково нисхождение Логоса в Материю, описанное как рождение Христа от Девы, и оно же является в солнечном мифе рождением Бога-Солнца в момент восхождения знака «Девы».

И тогда начинается первичное воздействие Логоса на материю, удачно представленное в мифе как действие Героя. Величавое могущество Логоса склоняется перед слабостью младенчества, еле касаясь хрупких форм, которые оно одушевляет. Материя заточает Его, как бы грозит уничтожить своего царственного Младенца, над славой которого простерся покров ограничения, принятого Им на Себя. Медленно формует Он материю для Своих высоких целей, доводит ее до полного возраста и затем возлагает Себя на Крест материи, чтобы с этого Креста изливать все силы Своей пожертвованной Жизни. Это – тот Логос, о котором Платон говорит, что Он распростерт крестообразно во вселенной; это – тот Небесный Человек, который стоит в пространстве с простертыми в благословении руками; это – распятый Христос, чья смерть на кресте материи проникает ее всю полнотой Его жизни. Смерть принявшим кажется Он и погребенным, но Он воскресает, облаченный в ту самую материю, в которой Он казался погибшим и Он возносит свое отныне сияющее Тело на небеса, где в Него изливается жизнь Отца и где оно становится проводником бессмертной человеческой жизни. Ибо жизнью Логоса создается покров для человеческой души и Он дает его человеку, чтобы он мог жить на протяжении веков и вырастать «в полную меру» Его собственной природы. Воистину, мы облечены в Него сперва материально, а затем и духовно. Он принес Себя в жертву, чтобы многих из детей Своих привести к славе и Он всегда с нами, до скончания веков.

Распятие Христа есть, следовательно, часть великой космической жертвы; но его аллегорическое изображение в земных мистериях и священный символ человека, распятого в пространстве, получили со временем материальный смысл подлинной смерти на кресте, превратилось в осязаемый крест с пригвожденным на нем умирающим человеком. И вся эта повесть, переведенная из космической области в человеческую, была отнесена к божественному Наставнику, Иисусу, и превратилась в историю Его физической смерти; точно так же и рождение от Девы, окруженное опасностями детство, воскресение и вознесение, все это стало передаваться как факты из Его человеческой жизни.

Мистерии исчезли, но их грандиозные картинные изображения космического творчества Логоса окружило и возвеличило возлюбленный образ иудейского Учителя, и последствием было то, что Космический Христос мистерий, слившись с очертаниями исторического Иисуса, сделался центральным образом христианской церкви.

Но это еще не все; есть еще один аспект, который придает новое очарование истории Христа, – Христос мистерий, столь близкий и дорогой для сердца человеческого, Христос Человеческого Духа, пребывающий в каждом из нас, Который рождается и живет, распинается на кресте и воскресает из мертвых и возносится на небеса в каждом страдающем и торжествующем «Сыне Человеческом».

История жизни всех Посвященных в истинные небесные мистерии передается в своих выдающихся чертах в евангельской биографии. Вот почему св. Павел говорит, как мы уже отмечали,^[210] о рождении Христа в ученике, в Его возрастании в его душе «до полного возраста Христова». Каждый человек представляет собою в зачатке Христа и раскрытие в нем жизни Христа совпадает в общих чертах с повествованием о выдающихся евангельских событиях,

которые, как мы видели, имеют не частное, а вселенское значение.

Пять великих Посвящений следуют одно за другим в жизни Христа, и каждое из них отмечает определенную ступень в раскрывающейся Жизни Любви. Эти Посвящения существуют и ныне, как в древности, и последнее из них отмечает конечное торжество Человека, выросшего до божественного совершенства, поднявшегося над уровнем человечества и ставшего Спасителем мира.

Попробуем проследить эту драму внутренней жизни, вечно повторяющуюся в духовном опыте человеческой души, и посмотрим, как в жизни Посвященного повторяется жизнь Христа.

При первом великом Посвящении Христос рождается в сердце ученика и тогда он впервые сознает в себе самом излияние божественной Любви и испытывает то чудное преобразование, которое дает ему чувство единства со всем живым. Это и есть «Второе Рождение», радостно приветствуемое на небесах, ибо ученик рождается в «Царство Небесное» как один из «малых сих», как «малое дитя» – имена, которые давались вновь Посвященному. Это и подразумевал Иисус, когда говорил, что человек должен обратиться в малое дитя, чтобы войти в Царство небесное.^[211]

Некоторые из христианских писателей начала нашей эры употребляют знаменательное выражение «пещера», когда говорят о рождении Иисуса (если по евангелию). «Пещера Посвящения» – хорошо известный древний термин, и над этой пещерой, в которой «рождается дитя», сияет «Звезда Посвящения», та Звезда, которая зажигается на Востоке каждый раз, когда рождается Младенец-Христос. Каждый такой младенец бывает всегда окружен опасностями и угрозами и такими тяжелыми испытаниями, которых не знают другие младенцы; ибо он помазан елеем второго рождения, и Темные Силы невидимого мира делают усилия, чтобы его погубить. Но, несмотря на все испытания, он достигает полного возраста, ибо раз Христос родился в человеке, он не может погибнуть никогда и не может остановиться его развитие, раз оно уже началось. Его прекрасная жизнь расширяется и растет, возрастая непрерывно в мудрости и духовности, пока не настанет время второго Великого Посвящения (Крещения Христа водой и духом), которое дает ему силы, необходимые для Учителя, которому предстоит вступить в мир и трудиться в нем в качестве «Возлюбленного Сына».

Тогда нисходит на него в великом изобилии божественный Дух, и слава Невидимого Отца изливает на него свое чистое сияние. Но после этого благословенного часа он увлекается Духом в пустыню и снова подвергается страшному испытанию, ибо отныне силы Духа раскрылись в нем и Темные Силы стремятся совратить его с пути, пользуясь этими самыми силами и внушая ему употребить их для собственного своего спасения вместо того, чтобы с терпением уповать на своего Отца. В быстрых и внезапных чередованиях, которыми испытывается его сила и вера, шепот воплощенного Искусителя следует за голосом Отца, и раскаленные пески пустыни обжигают ноги, только что омытые в светлых водах священной реки.

Победив эти соблазны, он идет в мир, чтобы посвятить на служение людям те силы, которыми он не захотел воспользоваться для себя и отказавшись превратить камень в хлеб для утоления своего собственного голода, он насыщает пятью хлебами «пять тысяч человек, не считая женщин и детей».

В его жизни, наполненной непрерывным служением, наступает снова краткий период славы, когда он возносится на «высокую Гору», на Священную Гору Посвящения. Там совершается его преобразование и там он встречает некоторых из своих великих Предшественников, прошедших некогда тот самый Путь, по которому ступает и он.

Так он проходит через третье великое Посвящение, а затем тень от приближающихся «страстей» надвигается на него, и он решительно обращает свое лицо к Иерусалиму, стойко отвергая искусительный совет одного из учеников – к тому Иерусалиму, где его ждет крещение

Св. Духом и Огнем.

После Рождения – преследование Ирода, после Крещения – искушение в пустыне; после Преображения – переход на последний этап Крестного Пути. Так чередуются торжество и страдание до тех пор, пока конечная цель не будет достигнута.

Все более возрастает сила любви, она становится все полнее и совершеннее, в Сыне Человеческом все яснее просвечивает Сын Божий, пока не пробьет час для окончательной битвы, и четвертое великое Посвящение не введет его в торжественном шествии в Иерусалим, за которым виднеется Гефсиманский Сад и Распятие. Ныне он – тот Христос, который готов пожертвовать собой, готов возложить себя на крест. Настал для него час тяжкого испытания, час агонии одиночества в Саду, когда даже избранные им друзья спят в то время, как он борется в своей смертельной тоске. На одно мгновение вырывается у него мольба, чтобы горькая чаша миновала его, но его могучая воля побеждает и он протягивает руку, чтобы взять ее и испить до дна; и в этот миг великого одиночества ангел нисходит к нему, чтобы укрепить его силы – как это бывает всегда, когда ангелы видят Сына Человеческого, изнемогающего под тяжестью страданий. На дальнейшем пути его ожидает горькая чаша предательства, покинутости, отречения – и, один среди издевающихся врагов, он приближается к последнему своему страшному испытанию. Бичуемый телесной мукой, пронзенный жестокими терниями подозрения, лишенный своей прекрасной ризы непорочности перед лицом всего мира, преданный в руки своих врагов, покинутый, по-видимому, и Богом, и людьми, он терпеливо переносит все с неугасающей верой в помощь свыше. Но страдания продолжают, наступает распятие и смерть тела – окруженный торжествующими врагами, которые издеваются над ним, охваченный ужасом перед надвигающейся на него тьмой, – он в этом мраке встречается со всеми силами зла; его внутреннее зрение затуманивается, он чувствует себя беспредельно одиноким и тогда его сильное сердце не выдерживает и он в отчаянии взывает к Отцу, который, по-видимому, покинул его, и человеческая душа его в этом беспредельном одиночестве испытывает всю невыносимую муку кажущегося поражения. И тогда, собрав все силы «непобедимого духа» и принося в жертву свою личную жизнь, он добровольно принимает смерть – Посвященный «нисходит в ад», – чтобы ни одна область вселенной, которой он призван помогать, не оставалась для него чуждой, чтобы не было ни единого отверженного существа, не заключенного в круг его всеобъемлющей любви. А затем, поднявшись из бездны мрака, он вновь видит свет, снова чувствует себя Сыном, неотделимым от Отца, снова возносится в Жизнь Вечную, сияющий сознанием, что он встретил смерть лицом к лицу и одолел ее, сильный той силой помощи, которую он отныне в состоянии давать сынам человеческим, способный изливать свою жизнь в каждую борющуюся человеческую душу.

Он остается еще на время среди своих учеников, чтобы учить их, чтобы раскрыть перед ними тайны духовных миров и подготовить их к прохождению того пути, по которому прошел он сам. Исполнив это, он расстаётся со своей земной жизнью и возносится к Отцу, и, приняв пятое великое Посвящение, становится торжествующим Учителем, звеном между Богом и человеком.

Такова история, переживаемая в истинных мистериях как древности, так и наших времен, драматически изображаемая символами на физическом плане, наполовину видимая для тех, «кто имеет очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать».

Таков Христос мистерий в его двойном аспекте – космическом и индивидуальном, в аспекте Логоса и человека. Неудивительно, что эта история Христа, смутно переживаемая мистиками, хотя бы они и не знали ее, вплелась такими крепкими нитями в сердца человеческие, и неудивительно, что она служит живым вдохновением для всех, стремящихся к благородной жизни.

Христос человеческого сердца сливается для большинства верующих с Иисусом, принимаемым за того мистического Христа, который борется в человеке, страдает, умирает и под конец торжествует; Человека, в котором человеческая природа распинается и воскресает, победа которого есть верное обетование победы для каждого, кто подобно Ему остается верным до смерти и за ее пределом – Христа, которого нельзя забыть, пока Он снова и снова рождается в человечестве, пока мир нуждается в Спасителях и пока Спасители жертвуют собою ради спасения людей.

Глава VII. Искупление

Теперь мы перейдем к изучению некоторых аспектов Жизни Христа, как они представлены в доктринах христианства. Во внешних учениях они являются принадлежностью лишь одной Личности Христа; в эзотерических – хотя эти аспекты и признаются за ним, но в своем наиболее глубоком смысле они составляют часть проявлений Логоса, и, имея свое отражение в Христе, отражаются также и в каждой Душе, которая вступила на путь Креста. Рассматриваемые таким образом, учения эти представляются нам глубоко верными, тогда как в их внешней форме они в состоянии очищать нашу мысль и поражать наши эмоции.

Среди них на первом месте стоит доктрина Искупления. Доктрина эта не только представляла собой предмет ожесточенных нападений со стороны нехристиан, но и в пределах самого христианства тяжело задевала людей с чуткой совестью. Некоторые из наиболее глубоких христианских мыслителей последней половины девятнадцатого столетия испытывали мучительные сомнения относительно церковных учений об Искуплении и старались понять и представить их в таком аспекте, который бы разъяснил и смягчил грубое их понимание, истекавшее из неразумного чтения нескольких глубоко мистических текстов. Относительно этих текстов следовало бы не забывать предупреждение апостола Петра: «Возлюбленный брат наш Павел по данной ему премудрости написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные к собственной своей гибели превращаются...»^[212]

Тексты, касающиеся тождественности Христа и его братьев-человеков были переиначены, им был придан смысл юридического заместительства человечества Христом; благодаря этому толкованию получился выход, дающий возможность уклониться от последствий греха, тогда как это тождество должно бы служить вдохновением и побуждением к достижению праведности.

Общее учение первоначальной церкви относительно Искупления сводилось к тому, что Христос, как Представитель Человечества, встречает и побеждает Сатану, представителя Темных Сил, которые держат человечество в плену, что Он отвоевывает пленников у Сатаны и освобождает их от власти Темных Сил. Постепенно, по мере того, как христианские наставники теряли соприкосновение с духовными истинами и свою собственную растущую нетерпимость и суровость стали приписывать любящему Отцу – как Он отражается в подлинных учениях Христа, – они начали изображать Его разгневанным на человека, Христа же – спасающим человека от гнева Божия, а не освобождающим его из плена злой силы. Затем были прибавлены выражения, еще более материализующие первоначальную духовную идею, и доктрина Искупления была окончательно намечена. Произведение Ансельма «Zur Deus Homo» наложило на нее печать и учение, медленно вставшее в христианскую теологию, оказалось отныне под эгидой церкви. Римско-католики и протестанты во времена Реформации одинаково верили в заместительный характер Искупления, совершенного Христом. В этом вопросе среди них не было разногласия. Но пусть лучше сами христианские богословы выскажут, как они понимают Искупление... Лютер учит, что «Христос воистину и действительно испытал за все человечество гнев Бога, проклятие и смерть». Флявель пишет: «Гневу, гневу бесконечного Бога, истинного, был предоставлен Христос, вплоть до мучений ада, и это – рукою своего собственного Отца». Англиканская проповедь утверждает, что «грех вырвал Бога из небес, чтобы он почувствовал ужасы и страдания смерти и чтобы человек, это исчадие ада и союзник дьявола, был выкуплен смертью едиnorodного и возлюбленного Сына Божиего»; «пыл Его гнева», «Его пламенный гнев мог быть утишен лишь Иисусом», «столь приятно было для Него жертвоприношение Своего Сына». Более логичный Эдуардс видел большую несправедливость в двойном наказании и в

мучениях ада, налагаемых дважды, сперва на Иисуса, заместителя человечества, а затем также и на погибшую часть человечества; вместе с большинством кальвинистов он принужден ограничить искупление для одних лишь избранных и объявить, «что Христос нес грех не всего мира, а только избранных»; Он страдал «не за мир, но за тех, которых Ты дал мне». При этом Эдуардс все же стоит твердо за идею заместительства и отвергает всемирное искупление на том основании, что «верит, что Христос умер за всех, это – верный способ доказать, что Он не умирал ни за кого в том смысле, как христиане верили до сих пор». Он заявляет, что «Христос пострадал от гнева Божия за грехи людей»; что «Бог наложил свой гнев на заслуживших и Христос подвергся мукам ада за грехи». Оуэн смотрит на страдания Христа как на «полноценное удовлетворение божественной справедливости за все грехи избранных» и говорит, что «Он подвергся тому самому наказанию... которое должны были перенести они».^[213]

Чтобы доказать, что эта точка зрения продолжает господствовать в церквях, я писала далее: «Строуд заставляет Христа „испить чашу гнева Божия“; Дженкин говорит: „Он страдал как отвергнутый, осужденный и забытый Богом“. Дуайт думает, что Он испытал „ненависть и презрение“ Бога. Епископ Джейн говорит нам, что „после того, как человек сотворил свое наибольшее зло, вынести наихудшее досталось на долю Христа. Он попал в руки своего Отца“. Архиепископ Томсон проповедует, что „облака Божьего гнева скопились над всем родом человеческим: они разразились над одним лишь Иисусом“. „Он становится проклятием за нас и сосудом гнева“. Лиддон разделяет то же чувство: „Апостолы учат, что человечество – рабы, и что Христос на кресте заплатил за них выкуп. Распятый Христос добровольно обречен и проклят“. Он доходит до того, что говорит о точном размере позора и страдания, необходимого для искупления» и прибавляет, что «божественная жертва» уплатила более, чем было абсолютно необходимо».^[214]

Против этой точки зрения ученый и глубоко религиозный Маклеод Кэмпбел написал свой хорошо известный труд «On the Atonement», содержащий в себе много верных и прекрасных мыслей. Ф. Д. Морис и другие верующие христиане также старались снять с христианства бремя доктрины, столь разрушительной для верного представления об истинных отношениях между Богом и людьми.

И тем не менее, если мы бросим взгляд в прошлое, мы увидим, что вера в эту доктрину, даже в этой ее грубой внешней форме, была связана с самыми возвышенными проявлениями верующих христиан, и что некоторые из благороднейших представителей христианства черпали из нее свою силу, свое вдохновение и утешение. Было бы несправедливо не признать этого факта. А когда мы встречаемся с фактом, который предоставляется нам, и поразительным, и вне всякого соответствия с истиной, – мы хорошо сделаем, если остановимся на нем и постараемся проникнуть в его смысл. Если бы в этой доктрине было только то, что в ней видят нападающие на нее как внутри, так и вне церквей, если бы она в своем истинном значении настолько противоречила уму и совести, как ее находят многие вдумчивые христиане, если бы это было так, она не могла бы иметь для человеческого сердца такого обаяния, сделаться источником такого героического самоотречения и стольких трогательных и патетических примеров жертвенного служения миру. В ней должно быть нечто большее, чем видимое на поверхности, какое-то скрытое зерно истины, которое питало всех, извлекавших из нее свое вдохновение.

Изучая ее, как одну из малых мистерий, мы находим в ней скрытую жизнь, которая питала душу благороднейших представителей христианства и была в такой гармонии с этим скрытым зерном истины, что облакавшая ее форма не могла оттолкнуть их.

Когда начинаешь изучать доктрину Искупления как одну из малых мистерий, становится очевидным, что для ее понимания требуется некоторое духовное развитие, требуется

пробуждение внутреннего зрения. Для ее осознания необходимо, чтобы дух этой доктрины применялся к жизни, чтобы человек лично пережил значение самоотречения; и тогда он уловит в эзотерическом учении этой доктрины ясное проявление Закона Жертвы. Мы тогда только сможем понять доктрину Искупления в применении к Христу, когда посмотрим на нее как на особое проявление мирового закона, отражение внизу того, что вверху, показывающее нам в конкретной человеческой жизни, что означает жертва.

Закон Жертвы лежит в основе всех мировых систем и на нем построены все вселенные. Он – в самом корне эволюции и только он делает эволюцию понятной. В учении об Искуплении Закон Жертвы принимает конкретную форму по отношению к человеку, который уже достиг известной ступени духовного развития, той ступени, когда ему стало ясно его единство с остальным человечеством и когда он становится в полном значении этого слова Спасителем людей.

Все мировые религии провозглашали, что вселенная возникает благодаря акту жертвы, и в основе их наиболее торжественных ритуалов лежит та же идея жертвы. В индуизме заря мирового проявления занимается благодаря жертве,^[215] человечество произошло жертвою,^[216] и пожертвовал собою сам Бог;^[217] цель Его жертвы – проявление; Он не может проявиться иначе как актом жертвоприношения, и так как ничто не может проявиться, пока Он Сам не проявлен,^[218] акт Его жертвы называется «зарей» создания мира.

Религия Зороастра учит, что в беспредельном, непознаваемом, неизреченном Существовании принесена была жертва и явился проявленный Бог; Ахура-Мазда рожден актом этой жертвы.^[219]

В христианской религии та же идея заключена в изречении: «Агнец, закланный от создания мира»;^[220] слова эти не могут иметь иного значения, как лишь то, что мир не может возникнуть, пока Бог не совершил акта жертвы. Это жертвоприношение означает ограничение Себя для того, чтобы проявиться. «Закон Жертвы вернее было бы назвать Законом Проявления или Законом Любви и Жизни, ибо во всей вселенной – сверху и до низу – Закон этот есть причина проявления и жизни».^[221]

«Если же мы возьмем физический мир, как наиболее доступный для нашего изучения, мы найдем, что вся жизнь в нем, весь рост и весь прогресс одинаково как для единиц, так и для составных частей, зависит от непрекращающейся жертвы и от принятия страдания. Минерал жертвуется растительному царству, растение и животное – человеку, человек – человеку, и все высшие формы снова распадаются и снова питают своими распавшимися составными частями низшие царства Природы. Происходит непрерывная цепь жертв снизу вверх и отличительным признаком прогресса служит то, что из невольной и наложенной извне жертва становится добровольной и свободно избираемой. И только тех признает человеческий ум великими, а человеческое сердце горит любовью только к тем добровольным страдальцам, к тем героическим душам, которые боролись, терпели и умирали за человечество, чтобы своими страданиями облегчить его долю. Если мир сотворен Логосом, и закон мирового прогресса в целом и его частях есть жертва, в таком случае Закон Жертвы указывает на нечто, что лежит в самой природе Логоса, что должно иметь свои корни в самой божественной Природе. Дальнейшее размышление приводит нас к заключению, что если вообще должен быть мир, он может возникнуть благодаря тому, что Единое Бытие решило ограничить Себя и таким образом сделать проявление возможным и что Логос есть ограничивший Себя Бог; ограничивший Себя для того, чтобы дать жизнь вселенной. Подобное самоограничение может быть лишь высочайшим актом жертвы, и поэтому не следует удивляться, что мир – во всем и везде – обнаруживает печать своего происхождения, и что Закон Жертвы является законом

существования мира и возникших в нем многочисленных жизней.

Далее, раз это самоограничение есть акт жертвы ради того, чтобы могли возникнуть индивидуальные жизни, способные разделить блаженство Бога, воистину эта жертва становится заместительным актом, совершенным в пользу других; отсюда – уже отмеченное нами явление, что признак прогресса есть жертва, ставшая добровольной и свободно избранной, и что человеческое совершенство выявляется вполне в том человеке, который отдает себя и свою жизнь за людей и своими страданиями завоевывает для них ценное благо.

Здесь, в высочайшей области, нужно искать внутреннюю правду доктрины искупительной жертвы, и как бы она не была искажена и грубо понята, эта внутренняя духовная истина делает ее неразрушимой, вечной, источником духовной энергии, которая в многообразных формах и многообразными путями искупает мир от зла и ведет его домой, к Богу». [\[222\]](#)

Когда Логос появляется из «Лона Отца», в тот «День», о котором сказано, что: «Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя», [\[223\]](#) на горе Проявления, когда через Него Бог «сотворил века», [\[224\]](#) – Он собственной волей ограничивает Себя, отделяя как бы сферу, заключающую божественную Жизнь, появляясь как сияющая орбита божественной Субстанции, Дух внутри и ограничение или Материя снаружи. Это – тот покров материи, который делает возможным рождение Логоса; это Мария, Мировая Мать, необходимая для проявления Вечного во времени, чтобы для Божества возможно стало построение миров.

Это самоограничение есть акт жертвоприношения, добровольное самопожертвование любви ради того, чтобы другие жизни могли возникнуть от Него. Этот акт рассматривался как смерть, ибо по сравнению с невообразимой жизнью Бога в Себе подобное ее втеснение в материю может воистину назваться смертью. Оно рассматривалось как распятие в материи и изображалось как таковое; отсюда истинное происхождение креста, как в его так называемой греческой форме, которая означает оживотворение материи силою Святого Духа, так и в латинском кресте, на котором изображается Небесный Человек, Космический Христос. [\[225\]](#)

«Исследуя символизм латинского креста, вернее, распятия, исследователи ожидали, что в глубине веков эмблема окажется без распятого Человека и останется лишь один первоначальный крест. А между тем случилось как раз обратное: они были поражены, увидев, что под конец крест исчез и сохранилась лишь человеческая фигура с распростертыми руками. Но в ней не было и тени скорби или страдания, хотя она все же являет собою жертву; скорее, она выражала чистейшую радость, радость свободной отдачи себя. Это – символ божественного Человека, стоящего в мировом пространстве с руками, простертыми для благословения, дающего свои дары всему человечеству, свободно изливающего Свою Жизнь во всех направлениях, сходящего в это „плотное море“ материи, чтобы быть связанным, плененным, заключенным в его границы, дабы благодаря этому сходящему мы могли получить бытие». [\[226\]](#)

Это жертвоприношение происходит непрерывно, ибо в нашей вселенной с ее бесконечным разнообразием божественная жизнь изливает себя в каждую из ее бесчисленных форм, составляя самое сердце ее, «Сердце Безмолвия» египетского ритуала, «Скрытого Бога». В этой жертве кроется вся тайна эволюции, божественная Жизнь, плененная в форме, не перестает действовать на нее изнутри, заставляя ее развиваться, но делает это осторожно, чтобы форма не разбилась, пока она еще не достигла своего полного развития. С бесконечным терпением, тактом и осторожностью совершает божественная Сила это давление; в каждой форме – минеральной и растительной, в животном, в человеке эта расширяющаяся и подвигающая к росту энергия Логоса действует без перерыва. Это и есть та сила эволюции, та образующая энергия внутри всех форм, которую наука усматривает, но не знает, откуда она идет. Ботаник говорит об энергии внутри растения, которая тянет его вверх; он не знает как и почему, но дает ей название *vis a fronte*, потому что находит ее там или, вернее, видит ее результаты. Совершенно так же, как в

растении, действует она и во всех других формах, делая их все более совершенными выразителями кроющейся в них жизни. Когда граница возможности для дальнейшего роста какой-либо формы достигнута и ничего более не может быть выявлено через нее душою этой формы, той божественной частицей, которой Логос осеняет форму, – тогда Он извлекает из нее Свою энергию и форма разрушается. Мы называем это смертью и гибелью. Но вместе с Его энергией удаляется и душа покинутой формы; для нее Он строит новую форму и смерть старой означает переход души в большую полноту жизни... Если бы мы смотрели духовными, а не телесными глазами, мы бы не оплакивали мертвую форму, возвращающую материалы, из которых она была построена, мы бы радовались, что жизнь перешла в более совершенную форму для того, чтобы могли раскрыться еще не проявленные, скрыто живущие в ней силы.

Благодаря этой непрестанной жертве Логоса существуют все жизни; благодаря Его Жизни вселенная находится в непрерывном процессе становления. Эта Жизнь Едина, но она воплощается в мириадах форм, непрерывно приводит их в постоянное взаимодействие и осторожно преодолевает их сопротивление. Это и есть Искупление,^[227] та объединяющая сила, благодаря которой отдельные жизни начинают постепенно сознавать свое единство, благодаря которой в них развивается самосознание, познающее себя в конце своего земного пути единым со всеми остальными жизнями и убедившееся, что единый корень всех жизней – божествен.

Это – первичная и непрерывно продолжающаяся жертва, излияние Жизни, направляемой Любовью, добровольное и радостное приношение Себя, чтобы дать бытие другим Я (*Selves*). Это – та «радость Господа»,^[228] в которую «внидет» верный слуга, евангельское изречение, сопровождаемое многозначительными словами, что Он алкал и жаждал, был наг и болен, был странником и в темнице, был во всех заброшенных и во всех получивших помощь сынах человеческих.^[229]

Для свободного Духа отдача себя есть радость, и он живет тем сильнее, чем больше дает от себя. И чем обильнее он изливается, тем быстрее совершается его рост, ибо закон, по которому растет жизнь, требует – давать, а не брать, изливать изнутри, а не принимать извне. Из этого следует, что наиболее глубокий смысл жертвы есть радость; Логос изливает Себя, чтобы появился мир и «на подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством...»^[230]

Но люди соединили значение этого слова со страданием и в каждом религиозном ритуале жертвоприношения всегда налицо есть оттенок страдания, хотя бы в виде ничтожной убыли для приносящего жертву. Следует ясно понять, каким образом произошло это изменение, это инстинктивное соединение слова «жертва» с неизбежностью страдания.

Объяснение этому явлению мы находим тогда, когда от проявления Жизни переходим к формам, в которых Жизнь воплощается, и смотрим на проблему жертвы со стороны формы. Тогда как самая жизнь Жизни состоит в отдаче, жизнь или сохранение формы зависит от ее способности брать извне, ибо живя, она испытывает убыль, она истрачивает себя. И для этого, чтобы продолжать свое существование, она должна извлечь извне свежий материал, чтобы возместить понесенную убыль. Форма должна завладевать, удерживать и вносить в себя то, что она захватила, иначе она не сможет продолжать свое существование; закон ее роста – брать и усваивать то, что мировая среда предоставляет ей. Когда сознание отождествляет себя с формой, когда оно смотрит на форму как на самого себя, – жертва принимает неизбежно аспект лишения, страдания; отдать, уступить, потерять то, что было добыто, вызывает чувство посягательства на благоденствие формы, на прочность ее существования и, благодаря этому, Закон Жертвы приобретает оттенок страдания, а не радости.

Недолговечность форм, постоянное их разрушение и страдание, вызываемое этим разрушением, должны научить человека, что ему не следует отождествлять себя с формой,

изменчивой и преходящей, а с растущей и неистощимой жизнью; и этот урок преподавала ему не только вся внешняя природа, но и мудрые наставления Учителей, дававших ему религии.

Во всех мировых религиях можно проследить четыре главные ступени в учении о Законе Жертвы. Прежде всего, человека учили жертвовать частью своих материальных благ, чтобы заслужить увеличение своего материального благоденствия, и тогда жертвы приносились в виде благотворительности по отношению к людям и в виде приношения богам, как это известно из Св. Писаний индусов, поклонников Зороастра, евреев и всего остального мира.

Человек отдавал нечто, имеющее для него цену, чтобы обеспечить для себя, для своей семьи, своей общины или своего народа благосостояние в будущем. Он жертвовал в настоящем ради того, чтобы получить с избытком в будущем. На второй ступени урок был уже труднее: вместо физического благосостояния и мирских благ наградой за принесенные жертвы являлось небесное блаженство. Завоевать для себя небо, добиться счастья по ту сторону смерти – вот что побуждало человека жертвовать в течение своей жизни на земле.

Это был уже значительный шаг вперед: человек научался отдавать то, чем дорожило его тело во имя отдаленного блага, которое он не был в состоянии ни видеть, ни доказать. Он научался отдавать видимое за невидимое и, соглашаясь на эту жертву, он вырастал внутренне, поднимался на высшую ступень; ибо так велико обаяние видимого и осязаемого, что если человек способен променять его на невидимый мир, в который верит – он уже делает значительный шаг для достижения этого невидимого мира. Мы знаем подвиги мучеников, как много они могли претерпеть, мы знаем как они научались выдерживать полное одиночество и преследование, выносить все бедствия, страдания и поношения, устремив свой внутренний взор на то невидимое, что их ожидало за могилой. Верно, что в них говорила и жажда небесной радости, но все же нужна большая сила, чтобы оставаться одиноким на земле, опираясь на одно духовное общение, сохранять верность внутренней жизни, когда внешняя жизнь представляет одно мучение.

На четвертую ступень человек поднимается тогда, когда он видит в себе часть великой общей жизни и когда готов пожертвовать собой ради общего блага, сознавая, что как часть, он должен подчинить себя целому. И тогда он научается поступать правильно, не сообразуясь с тем, насколько результаты его поступков выгодны для его собственной личности, научается терпеть и действовать бескорыстно, но не в виду будущего вознаграждения, а потому, что это – его долг перед человечеством. Душа, достигшая подобного героизма, готова для четвертой ступени; она готова признать, что все, чем отдельная часть обладает, должно быть принесено в жертву целому потому, что Дух во всех один и тот же, он составляет часть единой божественной жизни; зная это, человек не допускает розни, не боится разлуки и, отдавая себя как часть Мировой Жизни, в полноте этой жизни испытывает «радость Господа своего».

Аспект страдания в жертвенном акте сохраняется лишь на первых трех ступенях. На первой – он выражен лишь в слабой степени; на второй – возникает пожертвование физической жизни и земного блага; третья является временем опыта, всевозможных испытаний, роста и эволюции души. Ибо на этой ступени долг может потребовать от него отказаться от всего того, что он считает за самую жизнь свою; когда он все еще отождествляет себя с формой, *чувствует* себя этой формой, хотя и *знает*, что он превосходит ее, когда он с отчаянием спрашивает себя: «Если я откажусь и от этого, что же останется от меня?» Ему кажется, что самое сознание должно прекратиться, если он откажется от всего, что составляло содержание его души, которая пока еще не видит ничего, за что она могла бы удержаться в потустороннем мире. И в то же время всепобеждающая уверенность, повелительный голос побуждает его отдать все до конца, до последней капли крови. Если он испугается и отступит, он должен будет вернуться в прежнюю жизнь, жизнь ощущений, жизнь интеллекта, переживать в мирской жизни все впечатления и

радости, от которых он не посмел отказаться; и тогда он испытает то неудовлетворение, ту постоянную жажду и то отсутствие удовольствия от всех доступных впечатлений, которые заставят его понять истинный смысл изречения Христа, что «тот, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее»;^[231] он хотел удержать свою личную жизнь, но он не удержал, а потерял ее. Если же он послушается внутреннего голоса, если он рискнет всем и отдаст свою жизнь, потеряв ее, он «сохранит ее в жизнь вечную»,^[232] и убедится, что жизнь, которую он принес в жертву, была смертью в сравнении с истинной жизнью, что все, отданное им, было иллюзией, и только теперь он нашел реальное. В этом выборе испытывается состав души и лишь чистое золото сохраняется в этом огненном горниле, где вместо смерти жизнь находит свое обновление и свою полноту. А затем следует радостное открытие, что завоеванная таким образом жизнь завоевана для всех; что пожертвование отдельного Я пригодится к выявлению высшего Я, и что отдача ограниченного, казавшегося таким необходимым, имеет последствием слияние с мириадами форм, что придает жизни такую полноту и яркость и такую «силу жизни непрестанной»,^[233] о какой и не снилось до тех пор.

Таков смысл Закона Жертвы, основанный на первичной Жертве Логоса, той Жертве, отражением которой являются все остальные жертвы.

Мы видели, как Иисус пожертвовал своим телом, чтобы высшая жизнь могла сойти на землю и воплотиться в форме, которую он так охотно отдал; мы видели, как благодаря этому самоотречению Он достиг полного возраста Христова для того, чтобы стать Охранителем христианства и излить Свою жизнь в великую религию, основанную тем Могучим Существом, с которым принесенная жертва отождествила Его.

Мы видели, как Душа Христа прошла через великие Посвящения, родилась как малое дитя, спустилась в реку мировых страданий, водами которой Иисус Христос был окрещен в свое деятельное служение, как Он преобразился на Горе, был приведен к завершению своей последней битвы и как восторжествовал над смертью. Теперь нам следует рассмотреть, в каком смысле Он является искуплением, как в Жизни Христа Закон Жертвы находит свое совершенное выражение.

Начало того, что можно назвать служением Христа, выражается тем великим неослабевающим состраданием к скорбям мира сего, которое символизируется «вступлением в реку». С этого момента вся его жизнь сосредоточивается на выполнении изречения: «Он ходил, делая добрые дела», ибо тот, кто приносит в жертву свою отдельную жизнь, чтобы стать проводником божественной Жизни, не может иметь иного интереса в этом мире, кроме оказания помощи другим. Он научается отождествлять себя с сознанием окружающих его, чувствовать, как они чувствуют, думать, как они думают, радоваться их радостью и страдать их страданием; так вносит он в свою повседневную бодрствующую жизнь то чувство единства с другими, которое он испытывает на высших планах бытия. Он должен выработать в себе то сочувствие, которое вибрирует в полной гармонии с многозвучным аккордом человеческой жизни, он должен соединить в себе обе жизни – и человеческую, и божественную, и стать посредником между небом и землей.

И тогда в нем проявится великая Сила, ибо Дух Божий пребывает на нем; и он выделится среди людей как тот, который способен вести младших братьев на путь истинной жизни. В его близости они почувствуют силу, которая исходит от него, божественная Жизнь будет ясно выражена в нем, облеченном доверием Господа. Голодные Души придут к нему и он напаяет их хлебом жизни; больные грехом приблизятся к нему и он исцелит их животворящим словом, которое обновит их душу; слепые неведением потянутся к нему и он откроет их глаза светом своей мудрости. Главный признак его служения в том, что наиболее бедные и униженные, наиболее отчаявшиеся и обездоленные не почувствуют, приближаясь к нему, никакого

средостения, лишь привет, а не отчуждение; ибо от него излучается любовь, которая все понимает и никого не отталкивает. Как бы низко ни стояла душа, она никогда не почувствует, что стоит ниже его; для нее он будет рядом с ней ступать по той же земле; и все же она будет чувствовать, что он исполнен какой-то неведомой поднимающей силой, влекущей вверх, и он и ее наполнит новой энергией и новым вдохновением.

Так живет он и трудится, истинный Спаситель людей, пока не настанет для него время пройти новый урок: потерять на время ощущение той божественной Жизни, которая все более и более становится его собственной жизнью.

Этот урок приводит к сознанию, что истинный центр божественной Жизни, тот центр Единого Я, который скрыто живет в каждой человеческой душе, находится внутри, а не вне. Ибо поистине Христос во всем и Бог во Христе, и потому ничто воплощенное, ничто кроме Вечного,^[234] и не может помочь ему в страшный час величайшего из всех испытаний. Человек должен познать, что истинное единство Отца и Сына можно найти только внутри, а не вне, а этот урок может быть усвоен лишь в величайшем одиночестве, когда душа чувствует себя покинутой Богом... Когда это испытание приближается, он взывает к своим близким, прося их побыть с ним, пока длится этот страшный час душевного мрака; и затем, покинутый всеми, не находя ни в ком сочувствия, обманутый в человеческой любви, он остается наедине лицом к лицу с живущим в нем божественным Духом и, чувствуя свое единство с Отцом, молит Отца, чтобы миновала его чаша сия. Выдержав свое одиночество, он в состоянии преодолеть и последнее испытание, когда его покидает и эта невидимая поддержка, и Бог вне его исчезает и остается лишь Бог внутри его души. «Боже мой, Боже мой, почто Ты покинул меня?» – вырывается у него мучительный крик смертельного томления. Предельный мрак одиночества спускается над ним, и он чувствует себя покинутым на земле и на небе. А между тем, никогда Отец не был ближе к Сыну, чем в момент, когда Душа Христа чувствует себя покинутой, ибо именно тогда, когда она соприкасается с предельной глубиной скорби, занимается рассвет ее торжества. Ибо теперь Сын узнает, что он сам должен стать тем Богом, к которому он взывал и, испытав последнюю острую боль разлуки, он находит вечное единство, он чувствует, что источник жизни внутри него и – сознает себя вечным.

Нельзя стать Спасителем мира и нельзя достигнуть полного сочувствия для человеческих страданий, пока душа не испытает и не победит страдание, страх и смерть без иной помощи, кроме помощи Бога внутри него.

Не трудно переносить страдание, пока остается сознательная связь с высшим бытием: ибо свет свыше, пока он совсем не погас, не позволяет тьме одолеть нашу смертную природу, и страдание не есть страдание, пока оно переносится в освещающем присутствии Бога. Существует страдание, которое каждый Спаситель мира должен испытать – когда тьма спускается на человеческое сознание и ни единый луч света не пронизывает эту тьму. Он должен узнать всю глубину отчаяния, которое испытывает человеческая душа, когда ее со всех сторон окутывает беспросветный мрак и помутившееся сознание не находит ни единой руки, за которую оно могло бы удержаться. В эту тьму спускается каждый Сын Человеческий прежде, чем воскреснуть в силе и славе; это горчайшее испытание должен преодолеть каждый Христос, прежде чем он «сможет всегда спасать приходящих через него к Богу».^[235]

Испытавший это предельное страдание становится воистину Спасителем мира, он может взять на себя мировой подвиг, для свершения которого все это и было лишь подготовлением. В него устремляются все силы, противные человеку, чтобы в нем преобразиться в противоположные силы, в светлые силы, несущие миру помощь. Так становится он одним из Центров Мира на земле, которые преобразуют враждебные силы, грозящие раздавить человечество, в силы, ведущие людей к гармонии.

Часть страданий Христа, не достигшего еще совершенства, заключается в этом приведении к гармонии сил, несущих раздор в мир. «Хотя он и Сын, он все же познает через страдание и таким образом становится совершенным».^[236] В человеческом мире было бы гораздо больше вражды и раздора, если бы в его среде не жили праведники, способные умиротворять враждебные силы.

Когда говорится, что Христос страдает «за человеков», что Его сила заменяет их слабость, Его чистота – их греховность, Его мудрость – их неведение, слова эти выражают истину; ибо Христос становится настолько единым с людьми, что возникает взаимодействие между Его жизнью и их жизнями. Происходит не замещение, а приятие их в Его жизнь и изливание Его жизни в них. Ибо, поднявшись на высший план единства, Он способен разделять со всеми все, что Он приобрел, давая все, чего Он достиг. Пребывая над уровнем раздельности и глядя сверху на души, погруженные в разъединение, Он приходит в общение с каждой из них, тогда как для них недоступно взаимное общение. Вода может изливаться во многие трубы, открытые для резервуара, но закрытые одна для другой, – так и Он в состоянии излить Свою жизнь в каждую душу. Только одно условие необходимо для того, чтобы Христос мог разделить Свою силу с младшим братом: чтобы сознание последнего открылось для божественного, чтобы оно оказалось восприимчивым для предлагаемой Жизни и свободно воспринимало бы изливаемый дар. Ибо свобода нашего Духа охраняется Богом так ревностно, что Он изливает в человеческую душу Свою Жизнь и Силу только если душа пожелает воспринять Его.

Необходимо взаимодействие снизу и сверху: сверху – воля давать, снизу – раскрытие души и ее желание воспринять. Это и есть связующее звено между Христом и человеком; это – то, что церковь называет изливанием «божественной благодати»; и это же взаимодействие подразумевается, когда говорят, что необходима «вера» для того, чтобы благодать оказала свое действие. Указывая на то же явление, Джордано Бруно говорит, что человеческая душа имеет окна и может закрыть их от солнечного света, но солнце продолжает светить; пусть только раскроются окна и его свет вольется в душу. Божественный свет всегда с нами, в нем нет перемены, перемена происходит только в человеке; но над волей человека не должно быть насилия, божественная Жизнь должна действовать на нее беспрепятственно, развитие воли должно совершаться свободно.

Благодаря этому связующему звену с появлением каждой Души-Христа все человечество поднимается на ступень выше и Его мудростью уменьшается неведение всего мира. Каждый человек становится сильнее Его силою, изливающейся на все человечество. Из этого учения, понятого узко и истолкованною неверно, возникла доктрина заместительного Искупления как юридической сделки между Богом и человеком, в которой Иисус стал на место грешника. Истинное отношение к братьям-людям Того, кто поднялся на такую высоту, где кончается всякое разъединение, не было понято; единство природы Спасителя и спасаемых было ошибочно понято как личное заместительство, и таким образом духовная истина затерялась и возникло жестокое представление судебной сделки.

«Достигший полного возраста Христа знает, что его место в мире – быть Спасителем и Искупителем человеческих грехов. Он пребывает в самом Сердце мира, в его святая святых, как Первосвященник человечества. Он составляет одно со всеми своими братьями, но не путем заместительства, а благодаря единству общей жизни. Согрешает ли кто? Он разделяет его грех, чтобы Его чистота могла очистить грешника. Предаётся ли кто скорби? И Он становится в нем скорбящим. Каждое разбитое сердце разбивает Его сердце, каждое пронзенное сердце пронзает и Его. Радует ли кто? С радующимся и Он радуется. Он заключает в себе все и это все разделяет со всеми. Он – совершенен, поэтому и все совершенны с Ним. Он поднялся на высоту, чтобы помогать тем, кто внизу, и Он живет, чтобы все могли разделить Его жизнь. Он

поднимает с собой весь мир и весь путь становится доступнее для всех потому, что Он ступал по нему.

Каждый сын человеческий может стать таким проявленным Сыном Божиим, таким Спасителем мира. В каждом подобном Сыне «Бог явился во плоти»;^[237] каждый становится тем Испытателем, который помогает всему человечеству, той живой Силой, которая обновляет все сущее. И только одно необходимо для того, чтобы эта сила активно проявилась в индивидуальной душе: душа должна раскрыть свои двери и впустить Его. Даже и Он, вездесущий и всепроникающий, не может насиловать волю брата своего. Человеческая воля может устоять одинаково и перед Богом, и перед человеком, и должна добровольно соединиться с высшим, а не пассивно подчиниться ему. Стоит ей распахнуть двери души, и жизнь в изобилии вольется в нее; пока же дверь закрыта, до нее достигает лишь нежное дуновение Его жизни, чтобы сладость этого дуновения могла победить там, где не должно быть насилие.

Вот что значит быть Христом; но это не все: смертное перо не может описать бессмертное и смертные слова не могут выразить то, что не выразиимо силою слова. Язык не может произнести, непросветленный разум не может понять эту мистерию Сына, который, заключив в сердце своем сынов человеческих, стал единым с Отцом».

Кто желает готовиться к такому высокому достижению в будущем, должен уже теперь, в земной жизни, вступить на путь отречения и подвигаться в Тени Креста. И не допускать сомнения в возможности достигнуть вершины, ибо это означало бы сомневаться, что Бог – внутри человека. «Имейте веру в себя», – вот один из уроков, который дается этим высшим проникновением в природу человека, ибо эта вера есть воистину вера в Бога, который внутри нас. Чтобы обыденная жизнь человека протекала в тени Креста, нужно каждое действие совершать как жертву, и не ради того, что она принесет действующему, но ради того, что она принесет другим; действуя постоянно, во всех подробностях ежедневной жизни, под влиянием этого сверхличного мотива, подчиняя ему все свои обязанности и личные интересы, человек преображает всю свою жизнь. Для этого не требуется менять свою внешнюю жизнь; всегда и при всех внешних условиях можно служить Богу.

Духовное развитие человека определяется не тем, что он делает, а тем, как он это делает; не во внешних обстоятельствах, но в том, как человек внутренне относится к ним, заключается условие духовного роста. «Воистину символ креста может быть для нас безошибочным признаком для того, чтобы различать добро и зло в встречающихся трудностях жизни. „Лишь те действия, в которых отражается свет креста, достойны жизни ученика“ – говорит один из стихов в книге оккультных правил; это означает, что каждый желающий вступить на путь служения должен действовать, побуждаемый к тому горячим стремлением жертвенной любви. Та же мысль выражена в дальнейшем стихе: „Когда ученик вступает на Путь, он возлагает свое сердце на крест; когда сердце и крест сольются в одно, тогда он достиг цели“. Так можем мы измерять наш внутренний рост, наблюдая, что преобладает в нашей жизни: себялюбие или самопожертвование.

Жизнь самопожертвования готовит те внутренние условия, при которых в душе совершается рождение Младенца Христа, когда вся жизнь становится непрерывным искуплением, обожествляющим все более и более природу человека. Каждая подобная жизнь становится жизнью «возлюбленного Сына» и заключает в себе славу Христа. Каждый человек может работать в этом направлении, принося все свои действия и все свои силы в жертву и делая это до тех пор, пока руда не очистится от шлака и не останется одно чистое золото.

Глава VIII. Воскресение и Вознесение

Учения о Воскресении и Вознесении составляют также часть малых мистерий, ибо они – неотъемлемые части «Солнечного мифа» и пробуждения Христа внутри человека.

По отношению самого Христа, они имеют свою историческую основу в том, что Он продолжал учить своих апостолов после своей физической смерти, а также и в том, что по прекращении своего непосредственного учительства Он появлялся как иерофант в великих мистериях до тех пор, пока Иисус не заместил Его.

Во всех мифических сказаниях воскресение героя и его прославление являются неизменно как завершение истории его смерти; и в мистериях тело готовящегося к Посвящению было всегда погружаемо в транс, подобный смерти, во время которого его освобожденная душа странствовала по невидимым мирам в течение трех дней, после чего возвращалась и оживляла тело. И в истории жизни той Индивидуальности, которая становится Христом, мы находим всегда повторение драмы Воскресения и Вознесения.

Но прежде чем понять полное значение этого события, мы должны усвоить главные черты человеческого строения и научиться различать естественное, душевное и духовное тела человека. «Есть тело душевное, есть тело духовное». [\[238\]](#)

Существует еще и до сих пор у непросвещенных людей уверенность, что человек представляет собою лишь двойственность: «душу» и «тело». Они принимают слово «душа» и «дух» за синонимы и одинаково употребляют выражения: «душа и тело» и «дух и тело», подразумевая, что человек состоит из двух составных частей, одна из которых уничтожается по смерти, а другая переживает ее. Для людей неразвитых, невежественных это примитивное разделение кажется достаточным, но оно не дает возможности понять мистерии Воскресения и Вознесения.

Каждый христианин, изучавший хотя бы самым поверхностным образом человеческий состав, различает в нем три части: Дух, Душу и Тело. Это разделение правильно, хотя для более глубокого изучения требуется дальнейшее подразделение, и в молитве апостола Павла мы читаем: «Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока». [\[239\]](#) Это троичное разделение принято в христианской теологии.

Дух сам по себе являет собою воистину Троицу и есть отражение, и образ божественной Троицы, но этот вопрос мы будем изучать в следующей главе. Истинная суть человека, бессмертный Дух, есть заключенная в нем Троица; это – жизнь, сознание, заключенные в «духовном теле» человека, и каждый аспект этой Троицы имеет свое собственное тело. Душа двойственна и заключает в себе разум и эмоциональную природу с своими соответствующими покровами, а физическое тело представляет собою материальное орудие Духа и Души.

С точки зрения одного из христианских учений о человеке, в нем двенадцать различий, из которых шесть видоизменений образуют духовного человека и шесть – человека естественного. Другое учение разделяет его на четырнадцать подотделов: семь относятся к различным видам сознания и семь – к соответствующим им формам. Это последнее подразделение в сущности тождественно с подразделением и Мистиков, и о нем говорят обыкновенно как о семеричном, что вполне правильно, так как в человеке семь составов, но каждый состоит из формы и из заключенной в нем жизни.

Эти отделы и подотделы несколько сложны и затруднительны для неразвитого ума и потому Ориген и Климент, как мы уже упоминали, [\[240\]](#) придавали большое значение умственному развитию для всех, желающих изучать гнозис. В сущности, кто находит эти подробности затруднительными, может свободно оставить их в стороне, предоставив их

изучение серьезным исследователям, которые найдут их не только полезными, но и вполне необходимыми для ясного понимания мистерий Жизни и Человека.

Слово «Тело» означает проводник или орудие сознания, то, в чем сознание находится как бы в своей оболочке, или то, что сознанием употребляется для контакта с внешним миром так же, как орудие употребляется для обработки сырых материалов. Или, можно сравнить его с сосудом, в котором заключено сознание как в кувшине заключена жидкость. Это – форма, которой пользуется жизнь для своего проявления, и мы можем познать сознание только в связи с заключающей его формой. Форма может быть из тончайших и самых разреженных материалов и быть настолько прозрачной, что мы в состоянии сознать лишь пребывающую в ней жизнь; и все же она существует и состоит из материи. И она может быть настолько плотной, что скрывает находящуюся в ней жизнь, и тогда мы сознаем одну лишь форму; и все же там есть жизнь и она состоит из противопологаемых Духа – Материи. Необходимо вполне овладеть той основной истиной, что каждое проявленное бытие двойственно и что неотделимо сосуществование Духа и Материи как в малой песчинке, так и в Логосе, Проявленном Боге. Кто желает изучать мистерии, должен проникнуться этой идеей, иначе лучше отказаться от такого изучения. Христос как Бог и человек обнаруживает в космическом масштабе то же явление двойственности, которое повторяется повсюду в природе. На основе этой первичной двойственности образуется вся вселенная, все, что есть в ней.

Человек обладает «природным телом», которое состоит из четырех различных и делимых частей, подлежащих смерти. Две из этих частей состоят из физической материи и до смерти не отделимы одна от другой, хотя частичное их разделение может быть вызвано анестезирующими средствами или болезнью. Обе эти части составляют *Физическое Тело*. В нем человек производит свои сознательные действия в бодрствующем состоянии, иными словами, это есть проводник его сознания в физическом мире.

Третья часть его – его *Тело Желаний*, называемое так потому, что природа чувствований и страстей человека проявляется через этот проводник. Во время сна человек покидает свое физическое тело и продолжает жить и действовать в своем «теле желаний», принадлежащем по своей сути невидимому для нас миру, ближайшему к нашей видимой земле. Следовательно, тело желаний есть проводник нашего сознания в низшем из сверхфизических миров; в этот мир человек переходит во время сна и после смерти.

Четвертая составная часть человека – его *Ментальное Тело* или тело мысли, называемое так потому, что человеческое мышление в конкретной области функционирует через него. Это – проводник сознания во втором из сверхфизических миров, который можно обозначить как низший небесный мир; в него человек переходит после смерти после того, как освобождается из мира, непосредственно следующего за земным миром.

Эти четыре составные части облекающей человека формы, делимой на двойственное физическое тело, на тело желаний и на тело мысли, образуют «природное тело», о котором говорит апостол Павел.

Этот научный анализ был изъят из обыкновенного христианского учения, которое остается и неопределенным и запутанным в этом своем отделе. Но это не значит, что христианские церкви не владели им; наоборот, это знание сложного строения человека составляло часть учения в малых мистериях; упрощенное подразделение человека на Дух, Душу и Тело было экзотерично, представляло общую основу истинного подразделения. Дальнейшее подразделение «Тела» давалось в позднейшем периоде обучения, как предварительные указания для той тренировки тела, благодаря которой ученик научался под наблюдением своего наставника отделять свои проводники одно от другого и пользоваться каждым из них как орудием сознания в соответствующей мировой сфере.

Возможность такого факта не трудно представить себе. Если человек путешествует по земле, он пользуется как перевозочным средством экипажем или железнодорожным поездом. Если он желает путешествовать по морю, он меняет поезд на корабль. Если решается путешествовать по воздуху, он меняет корабль на аэроплан. Он остается тем же человеком, но употребляет три различных проводника в соответствии с той стихией, в которой желает путешествовать. Эта аналогия примитивна и не полна, но она не ведет к ошибочным выводам. Когда человек занят в физическом мире, его проводником является физическое тело и сознание его работает посредством его. Когда он переходит за пределы физического мира во время сна и после смерти, его проводником становится тело желаний и он начинает употреблять его сознательно, как употреблял в бодрствующем состоянии свое физическое тело. Бессознательно он пользуется им каждый раз, когда чувствует и желает, а также и по ночам во время сна. Когда же он, после смерти, переходит в небесную сферу, проводником его сознания становится ментальное тело, которым он, не сознавая того, пользуется всегда, когда во время земной жизни думает, и в его мозгу не могло бы быть мыслей, если бы их не было в ментальном теле.

Далее, у человека есть и «Духовное Тело». Оно в свою очередь состоит из трех аспектов и каждый из них является отражением одного из трех Ликов божественной Троицы. Апостол Павел говорит о том, как «был восхищен до третьего неба», где он «слышал неизреченные слова, которых человеку не дано пересказать». ^[241] Эти различные области невидимого небесного мира известны Посвященным, и они ясно сознают, что тот, кто проникает за «первое» небо, должен владеть духовным телом как своим проводником; кроме того, им известно, что в соответствии с развитием трех аспектов духовного тела будет и то небо, в которое они способны проникнуть.

Низший из этих трех аспектов носит название «Тела Причинности», *Causal Body*, название, смысл которого вполне понятен лишь тому, кто изучал доктрину Перевоплощения, входившую в состав учения первоначальной церкви, и кто понимает, что человеческая эволюция нуждается в многочисленных последовательных жизнях на земле для того, чтобы зачаточная душа дикаря могла достигнуть совершенства души, в которой пробудился Христос и могла бы стать совершенной «как совершен Отец наш Небесный» ^[242] и осуществить соединение Сына с Отцом. ^[243] Это тело сохраняется из жизни в жизнь и в нем остаются все воспоминания прошлого. Из него исходят все «причины», которые определяют качества остальных тел или проводников человека. Оно же сокровищница, в которой собран весь опыт наших жизней на земле, обитель нашею Сознания, носитель нашей Воли.

Второй аспект духовного тела характеризуется Ап. Павлом в таких многозначительных словах: «Ибо знаем, что когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный». ^[244] Это – Тело Блаженства, прославленное тело Христа, «Тело Воскресения». Оно не «построено» работой сознания как в низших проводниках; оно не создано опытом и не возведено из материалов, собранных человеком в течение его долгого странствия. Это – тело, которое принадлежит жизни Христа, жизни Посвящения; вместилище божественного расцвета человека; оно построено Богом при содействии Св. Духа и оно растет в течение всех жизней Посвященного, достигая своего совершенства лишь при «Воскресении».

Третий аспект духовного тела есть тончайшая оболочка, отделяющая индивидуальный Дух как особое Существо и в то же время допускающая проникновение в него вся и всех, являясь совершенным выражением основного единства. В тот день, когда «сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем», ^[245] тогда и эта оболочка будет превзойдена, но для нас она останется высшим проявлением духовного тела, в котором мы поднимаемся к Отцу и соединяемся с Ним.

Христианство всегда признавало существование трех миров, через которые проходит человек; первый – физический мир; второй – промежуточное состояние, непосредственно следующее за смертью; третий – небесный мир. Эти три мира признаются всеми образованными христианами; лишь невежественные люди воображают, что человек может перейти со своего смертного одра в конечное состояние блаженства. Но самое представление о промежуточном мире несколько различается в различных церквях. Римско-католическая называет его Чистилищем и верит, что каждая душа проходит через него, исключая души Святого, который достиг совершенства, а также души человека, который умер не очистившись от «смертного греха». Большинство человечества вступает после смерти в область, где человек очищается, оставаясь там в течение периода, соответствующего тем грехам, которые он совершил и переходя только тогда в небесный мир, когда он вполне очистился. Учения различных протестантских общин различаются в подробностях и в большинстве из них отвергается идея посмертного очищения; но все они согласны в том, что существует промежуточное состояние, называемое иногда «Раем», иногда «периодом ожидания». Небесный мир рассматривается повсюду в современном христианстве как конечное состояние человека, причем не имеется никакого определенного представления о природе этого мира, а также и о том, прогрессирует или остается неизменным тот, кто достиг до небесного мира. В раннем христианстве небо признавалось тем, что оно и есть на самом деле: ступенью в прогрессивном восхождении души, и учение о перевоплощении в той или другой форме – о предсуществовании души – входило в состав христианской доктрины. Отсюда неизбежный вывод, что небесное состояние есть временное условие, хотя иногда и чрезвычайно продолжительное, длящегося «век», как выражено в греческом тексте Нового Завета; век, кончающийся для человека возвращением на следующую ступень его продолжающейся жизни и прогресса, а не «вечно длящийся», как неправильно выражено в английском разрешенном переводе. [\[246\]](#)

Чтобы закончить наш общий обзор, необходимый для понимания Воскресения и Вознесения, мы должны рассмотреть, как происходит развитие этих различных проводников или тел на высших ступенях эволюции.

Физическое тело находится в состоянии постоянного обмена, его составные частицы постоянно возобновляются и его отличительное свойство – непрерывное строительство; а так как тело строится из пищи, которую мы едим, из жидкостей, которые мы пьем, из воздуха, которым мы дышим, и из всех частиц, постоянно выбрасываемых окружающей нас средой, от нас зависит очищать наше тело, избирая разумно материалы, из которых оно строится; таким сознательным подбором мы можем достигнуть того, что тело наше станет все более и более совершенным орудием для нашей деятельности, все более восприимчивым для высших вибраций и соответствующим для более чистых желаний и для более благородных и возвышенных мыслей. По этой причине все стремившиеся участвовать в мистериях должны были выполнять правила строгой диеты, омовений и т. д. и быть очень разборчивыми относительно выбора людей, с которыми имели дело, и тех мест, которые они посещали.

Тело желаний изменяется точно так же, но материалы, из которых оно строится, доставляются свойством желаний человека, зависящих от игры его чувствований, страстей и эмоций. Если они грубы – и материалы, вводимые в тело желаний, так же грубы, если же они очищены от грубых примесей, тело желаний становится утонченным и чрезвычайно чувствительным к высшим влияниям. По мере того, как человек начинает господствовать над своей низшей природой и становится бескорыстным в своих желаниях, чувствах и эмоциях, по мере того, как его любовь к окружающим делается все менее эгоистичной и жадной, и этот проводник его сознания становится все чище. Результат этого очищения сказывается в том, что когда он во время сна выступает из своего физического тела, его переживания в невидимом

мире становятся яснее, выше и поучительнее, а когда он покидает свое тело после смерти, он быстро проходит все промежуточные стадии, его тело желаний разлагается с большой быстротой и не задерживает его тело в его поступательном движении.

Ментальное тело человека строится таким же образом силою мысли. Оно становится проводником его сознания в небесном мире, а на земле строится стремлениями человека, его воображением, разумом, силою суждений, артистическими способностями, упражнениями всех его умственных сил. Каким человек его сделает, таково оно и будет, и продолжительность и богатство его небесного пребывания зависят вполне от тех свойств ментального тела, которые он внесет в него во время своей жизни на земле.

По мере того, как человек поднимается на высшую ступень эволюции, ментальное тело начинает действовать независимо еще при жизни человека на земле, и он постепенно начинает сознавать свою небесную жизнь даже среди вихря мирского существования. Тогда он становится «Сыном Человеческим, сущим на небесах»,^[247] который в состоянии говорить с уверенностью непосредственного знания о происходящем на небесах. Когда человек, вступив на путь святости, начинает жить жизнью «Сына», он живет уже на небесах, хотя тело его остается еще на земле, и тогда он начинает сознательно владеть своим небесным телом. А так как небеса не вдали от нас, а окружают нас со всех сторон, и мы отделены от них лишь нашей неспособностью почувствовать их вибрации; и так как эти вибрации достигают до нас во все моменты нашей жизни, то единственно, что нам нужно, чтобы быть в небесах, это – осознать небесные вибрации. Мы начинаем их сознавать, когда оживотворяем, организуем, развиваем наше небесное тело; оно построено из той же субстанции, из которой состоят небесные вибрации и потому оно способно отзываться на них. Вот почему «Сын человеческий» всегда пребывает на небесах. Но мы знаем, что «Сын человеческий», это – термин, который относится к Посвященному, не к Христу воскресшему и прославленному, а к Сыну, пока он еще «совершается»,^[248] пока достигает совершенства.

Во время прохождения тех ступеней эволюции, которые ведут на «Путь Испытания» и включают и самый Путь, первый аспект духовного тела (Тело Причинности, *Causal Body*) развивается быстро и позволяет человеку после смерти подняться на второе небо. После Второго Рождения, после рождения Христа в человеке начинается построение Тела Блаженства «в небесах». Это – тело Христа, оно развивается во дни Его служения на земле, а по мере его развития сознание «Сына Божия» становится все заметнее и приближающееся слияние с Отцом просвещает раскрывающийся Дух.

В христианских мистериях, так же как и в древних египетских, халдейских и других, существовал высший символизм, выражавший ту ступень, до которой достигло духовное развитие посвящаемого. Его вводили в горницу Посвящения, где он ложился на пол с распростертыми руками, иногда на деревянный крест, иногда без креста, в положении распятого человека. Затем до его сердца дотрагивались тирсом, «копьем» распятия; тело его впадало в глубокий транс, соответствующий смерти распятого, а сам он переходил в потусторонний мир. Тело помещали в каменный саркофаг и оставляли его там, тщательно охраняя его. В это время сам человек вступал прежде всего в темную область, именуемую «сердцем земли», а затем поднимался на небесную гору, где он облакался в «тело блаженства», уже вполне готовое для того, чтобы служить проводником для сознания. В этом теле он возвращался в свою физическую плоть и оживлял ее. Крест, на котором лежало тело, или, если под ним не было креста, то само застывшее в транс тело вынимали на третий день из саркофага и помещали на покатом склоне лицом на восток, в ожидании восхода солнца. В момент, когда лучи солнца касались его лица, достигший совершенства Посвященный, или Учитель, возвращался в свое физическое тело, прославляя его соприкосновением с телом блаженства, в которое Он был облечен; это

соприкосновение изменяет его физический проводник, придает ему новые свойства, новые силы и новые способности, преображает его в свое подобие. Таково было Воскресение Христово, после которого самая плоть Его преобразилась.

Этим объясняется, почему символом воскресшею Христа избрано Солнце и почему в пасхальных гимнах постоянно упоминается восходящее Солнце Праведности. О торжествующем Христе написано: «Я есмь живой и был мертв и се, жив во веки веков, имею ключи ада и смерти».^[249] Все силы низших миров покорились Сыну, восторжествовавшему со славой; над Ним смерть потеряла свою власть, «Он держит жизнь и смерть в Своей Могучей Деснице».^[250] Он – воскресший Христос, Христос торжествующий.

Вознесение Христа относилось к мистерии третьего аспекта духовного тела, к облачению в Одежду Славы, готовящего соединение Сына с Отцом, человека с Богом, когда его Дух прославляется Славой, которая принадлежит ему «прежде бытия мира».^[251] И тогда тройственный Дух становится единым, познает себя вечным и в нем выявляется Сокрытый Бог. Вот что изображает доктрина Вознесения по отношению к индивидуальному человеку.

Вознесение человечества совершится тогда, когда вся человеческая раса достигнет состояния Христа, ступени Сына, когда этот Сын станет единым с Отцом, и Бог будет все во всем. Это – цель человечества, предвосхищенная в торжестве посвященного, но цель эта может быть достигнута лишь тогда, когда вся раса поднимется до совершенства, когда «великий сирота Человечество» перестанет быть сиротой и сознательно познает свое божественное Сыновство.

Изучая таким образом доктрины Искупления, Воскресения и Вознесения, мы достигаем истин, которые раскрывались в малых мистериях, и мы начинаем понимать настоящий смысл апостольского учения, по которому Христос – не единственная индивидуальность, а «первенец из умерших»;^[252] начинаем понимать, что каждый человек должен стать Христом. Из этого следует также и то, что Христос признавался не внешним спасителем, за счет праведности которого люди спасались от Божьего гнева. В ранний период церкви существовало высокое и вдохновляющее учение, по которому Христос был лишь первым совершенным плодом человечества, образцом, который должен быть воспроизведён каждым человеком в самом себе, жизнью, в которой должны участвовать все. Посвященные всегда рассматривались как эти «первые плоды», как обетование человечества, идущего к совершенству.

На заре христианства Христос был для своих последователей живым символом их собственной божественности, совершенным плодом того семени, который таится в их собственных сердцах. Не спасение внешним Христом, а вырастание в совершенство внутреннего Христа – вот в чём состояло учение эзотерического христианства, учение малых мистерий. Ступень ученичества переводила на ступень Сыновства. Жизнь Сына должна была протекать среди людей, пока она не заканчивалась Воскресением, когда прославленный Христос становился одним из достигших совершенства Спасителей мира.

Сопоставляя этот грандиозный идеал эзотерического христианства с внешним учением церковей, становится ясно, что современное христианство, потерявшее эзотеризм, еще далеко от истинного понимания евангелия и его глубокого смысла.

Глава IX. Святая Троица

Каждое плодотворное изучение божественного Существования должно начинаться с утверждения, что оно Едино. Все Мудрецы утверждали это единство; все религии провозглашали его; все философии брали в основу: «Единый без второго». ^[253] «Слушай Израиль, – восклицал Моисей. – Господь Бог наш, Господь один есть». ^[254] «У нас один Бог Отец» – заявляет Св. Павел. ^[255] «Нет Бога кроме Бога» – утверждает основатель ислама и делает это изречение символом своей веры. Одно Существование, познаваемое в своей полноте лишь Самому Себе; та вечная Темнота, из которой родился Свет.

Но в своем проявленном виде Единый является как Троица божественных Существ, Единая как Бог, Три как проявленные Силы. Эта истина была всемирно провозглашаема, и она имеет столь жизненное значение по отношению к человеку и его эволюции, что всегда составляла существенную часть малых мистерий.

Среди евреев вследствие их склонности к антропоморфизму учение это сохранялось в тайне, но раввины знали его и поклонялись «Древнему Днями», от которого исходила Мудрость и Понимание. Кэтер, Хокма, Бина представляли собою высочайшую Троицу, излучение во времени Единого, пребывающего над временем. Книга Премудрости Соломона дает указание на это учение.

Уильямсон в своем труде «Великий Закон» говорит: «Согласно Маврикию “Первая сефира, которая названа Кэтер – Корона, Кадмон – чистый Свет и Эн Соф – Бесконечный, ^[256] есть Всемогущий Отец вселенной... Вторая Хокма, которая и с точки зрения священных и раввинических Писаний есть творческая Мудрость. Третья есть Бина, или Небесный Разум, откуда египтяне взяли своего Кнеф, а Платон своего *Nous Demiurgos*. Он есть святой Дух, который... проникает и одушевляет эту беспредельную вселенную и управляет ею”». ^[257]

Откуда шло влияние этой доктрины на христианское учение – это показано Деканом Мильман в его «Истории христианства». Он говорит: «Это существо (Слово или Мудрость) было более или менее ясно олицетворено в соответствии с более популярными или менее философскими, более материальными или менее абстрактными понятиями данного века и данного народа. Это учение шло с берегов Ганга или даже с побережья Желтого моря до Иллиса; оно было основной базой индусской религии и индусской философии, а также и зороастризма; оно же составляло и чистый платонизм и платонический иудаизм Александрийской школы. Много прекрасных мест можно было привести из Филона о невозможности познать человеческими чувствами Первое Самосущее Существо; и даже в Палестине Иоанн Креститель и Сам Христос высказывали не новую доктрину, но скорее общее чувство наиболее просвещенных людей своего времени, когда они заявляли, что „ни единый человек не видел Бога ни в какие времена“. В согласии с этим основным положением в передаче древнейших иудейских Писаний, вместо прямого и непосредственного общения с единственным великим Божеством, возникло учение о посредствующих существах, через которые происходит это общение. Согласно одной достоверной традиции, на которую указывает Св. Стефан, закон был доставлен „расположением ангелов“; согласно другому преданию это посредничество было предоставлено одному ангелу, иногда называемому Ангелом Закона (см. Посл. к Галатам 3:19), иногда Метатроном. Но наиболее часто упоминаемый как бы представитель Бога для ума и для чувств человеческих был Мемра или божественное Слово. Замечательно, что то же название можно встретить в индусских, персидских, платонических и александрийских системах. Древнейшими иудейскими комментаторами, таргумистами, этот термин уже применялся к Мессии; излишне говорить о том, каким образом он получил священное значение, когда был

введен в христианскую систему».^[258]

Как показывает приведенная цитата ученого Декана, идея Слова, Логоса была всемирной, и она составляла часть идеи божественной Троицы. В Индии философы говорят о проявленном Брахмане как о Сат-Чит-Ананда, что означает Бытие, Разум и Блаженство. В популярном изложении Проявленный Бог есть Троица: Шива – Начало и Конец; Вишну – Хранитель; Брами – Создатель вселенной. Учение Зороастра дает такую же Троицу: Ахурамазда, Великий, Первый; затем «близнецы», двойственное Второе Лицо – ибо Второе Лицо св. Троицы всегда двойственно (Эта идея выродилась в наше время в противоборствующих Бога и Дьявола) и третье Лицо, Вселенская Мудрость, Армаити. В северном буддизме мы находим Амитаба, беспредельный Свет; Авалокитешвара, источник воплощений и Манджусри, Мировой Разум. В южном буддизме идея Бога замерла, но с многозначным упорством Троица появляется снова как три идеи, которые составляют для северных буддистов их прибежище, это – Будда, дхарма (Доктрина) и сангха (Знание). Но и сам Будда почитается иногда как Троица; на камне Будда Гайя сохранилась надпись, посвященная Ему как воплощению Вечного, и там сказано: «Ом! Ты еси Брама, Вишну и Махаша (Шива)... Я поклоняюсь Тебе, который превозносится в тысячи именах и под разными формами, во образе Будды, Бога Милосердия».^[259]

В угасших религиях находим ту же идею Троицы. В Египте она была преобладающей во всем религиозном культе. «Мы имеем в Британском Музее иероглифическую надпись, относящуюся к царствованию Сенэка, в восьмом столетии до христианской эры, показывающую, что чтение о Троице составляло часть их религии».^[260] То же было и в эпохи гораздо более отдаленные, Ра, Осирис и Гор представляли собой Троицу, пользовавшуюся широким признанием; в Абидосе поклонялись Осирису, Изиде и Гору; в иных местах им поклонялись под другими именами, а треугольник был повсеместно употреблявшийся символ Троицы Ипостаси. Основная идея божественной Троицы, какие бы имена ей ни давались, выясняется в изречении, цитируемом из Маруфо, древнего оракула, который, осуждая гордость Александра Великого, говорит: «Прежде Бог, затем Слово, и с ними Дух».^[261]

В Халдее божественная Троица носила названия Ану, Эа и Бэл; Ану – Начало всего, Эа – Мудрость, Бэл – творческий Дух. Относительно Китая Уильямсон замечает: «В древнем Китае императоры имели обыкновение приносить жертву каждые три года „Тому, кто един и троичен“. Существовало китайское изречение: „Фо – единое Лицо, но имеет три формы“... В возвышенной философской системе Китая – даосизме – Троица определяется так; „Вечный Разум произвел Одного, Один произвел Двух, Два произвели Трех, а Три произвели все вещи“; это, по мнению Ле Конта, „показывает, что они имели некоторое знание относительно Троицы“».^[262]

В христианской доктрине Св. Троицы мы находим полное согласие с остальными верованиями относительно роли трех божественных Лиц; слово Лицо или Лик происходит от слова *Личина*, то, что прикрывает, маска Единого Существования, Его Самораскрытие в трех формах. Отец – Начало и Конец всему; Сын – двойствен по Своей природе и есть Слово или Мудрость; Святой Дух – Творческий Разум, который носился над хаосом первозданной материи, организуя ее в материалы, пригодные для построения видимых форм.

Это тождество функций Св. Троицы, хотя они и появляются под различными именами, доказывает, что мы имеем дело не с одним внешним сходством, а с выражением внутренней истины. Эта троичность проявляет собою нечто, что можно проследить в природе и в эволюции, и если понять это нечто – и внутренний рост человека, и все ступени его развивающейся жизни осветятся новым пониманием. Далее мы находим, что на всемирном языке символов Три Лица имеют определенные эмблемы и могут быть узнаны по ним, несмотря на все различия форм и

имен.

Есть еще одна сторона, которую мы должны помнить, прежде чем кончим с экзотерическими утверждениями относительно Св. Троицы – это связанное со всеми перечисленными Троицами четвертое основное проявление, *Сила* Творца, и оно всегда выражается в женской форме. В индуизме каждое Лицо Троицы имеет свою проявленную Силу, образуя таким образом в общем шесть аспектов; Единый и эти шесть аспектов составляют в индуизме священное Семь, Во многих Троицах появляется женский аспект, всегда имеющий отношение ко Второму Лицу и тогда возникает священная Четверица.

Теперь перейдем к внутренней истине.

Единый проявляется как Первое Бытие, Самосуший Господь, Корень Всего, Верховный Отец. Слово Воля или Могущество более всего пригодно для выражения этого первичного Самораскрытия, ибо пока нет Воли для проявления, не может быть и проявления, и пока не проявилась Воля, не может быть импульса для проявления. Можно утверждать, что вселенная имеет свои корни в божественной Воле. Затем следует второй аспект Единого – Мудрость; Воля руководима Мудростью и потому написано, что «без Него ничто не начало быть, что начало быть»;^[263] Мудрость двойственна по своей природе, как мы сейчас увидим. Когда аспекты Воли и Мудрости проявлены, третий аспект должен следовать за ними, чтобы они могли стать действительными – Творческий Разум, божественное Мышление в Действии. Еврейский пророк говорит: «Он сотворил землю силою Своею, утвердил вселенную мудростью Своею и разумом Своим распростер небеса».^[264] Здесь ссылка на все три функции совершенно ясна.^[265] Все Три неразлучны, неразделимы, три аспекта в Едином. Их функции можно для ясности мыслить отдельно, но разобщить их нельзя. Каждая из них необходима для каждой, и каждая присутствует в каждой. В первой Сущности Воля, Могущество преобладают как отличительное свойство, но и Мудрость и Творческая Деятельность также свойственны Ей; во Второй Сущности Мудрость преобладает, но Ей также присуща и Сила, и Творческая Деятельность; в Третьей – Творческая Деятельность преобладает, но и Сила и Мудрость также имеются в Ней. И хотя употребляются слова Первый, Второй, Третий, благодаря тому, что проявления совершаются во времени в порядке Самораскрытия, но в Вечности они соравны и взаимно зависимы, «Ни Один не больше и не меньше Другого».^[266]

Св. Троица есть божественное Я (*Self*), божественный Дух, проявленный Бог, Тот, «Который был, есть и грядет»^[267] и Она же – корень основной троичности в жизни и в сознании.

Но мы видели, что есть и четвертый аспект, или в некоторых религиях – вторая Троица: женская, Мать. Это – То, что делает проявление возможным, То, что в Едином составляет корень ограничения и раздельности и что в проявленном виде называется Материей. Это – божественное Не-Я, божественная Материя, проявленная Природа. Рассматриваемая как Единство, Она является Четвертой, делающей возможной деятельность Трех; Она – Поле их воздействия; благодаря Ее беспредельной разделимости Она в одно и то же время и «Раба Господня»^[268] и Его Мать, дающая Свое естество для образования Его Тела, вселенной, когда Его сила «осеяет Ее».^[269] Если рассмотреть внимательно Ее свойства, окажется, что и Она так же троична, существует также в трех неразделимых аспектах, без которых Она не могла бы быть. Эти аспекты: *Устойчивость*, *Инерция* или *Соппротивление* – *Движение* и *Ритм*, три основные свойства проявленной Материи. Лишь они делают Дух действенным и потому они рассматривались как проявленные Силы Троицы. Устойчивость или Инерция дают основу, опорную точку для рычага; затем возникает Движение, но оно могло бы произвести лишь хаос; и тогда появляется Ритм, который заставляет Материю вибрировать, делая ее способной слагаться в формы. Когда все три свойства находятся в равновесии, тогда материя Едина, тогда она –

Девственная Материя, бесплодная. Но когда Сила Всевышнего осеняет Ее и дыхание Духа прикоснется к Ней, свойства ее выходят из равновесия и Она становится божественной Матерью миров.

Первое взаимодействие происходит между Нею и Третьим Лицом св. Троицы; его воздействием Она становится способной дать рождение форме. Затем проявляется Второе Лицо, оно облекается в подготовленную таким образом субстанцию и становится Посредником, соединяя в Своем Лице Дух и Материю, Прототипом всех форм. И только через Него раскрывается Первое Лицо, как Отец всех Духов.

Теперь можно увидеть, почему Второе Лицо Духовной Троицы всегда двойственно; Оно облекает Себя в Материю, в которой две стороны Божества являются в соединении, но не как одно. Отсюда Оно и Мудрость, ибо Мудрость со стороны Духа есть Чистый Разум, который познает себя как Единое Я (Self) и все вещи познает в этом Я; а со стороны Материи Оно есть Любовь, удерживающая все бесконечное разнообразие форм в соединении и делающее из каждой формы единство, а не простое скопление частиц – та основа притяжения, которая содержит все миры и все, находящееся в них, в полном порядке и равновесии. Это и есть Мудрость, о которой сказано, что она «с могуществом и нежностью устроит все вещи»,^[270] которая поддерживает и сохраняет вселенную.

В мировых символах, встречающихся во всех религиях, Точка – то, что имеет лишь положение в пространстве, – была принята как символ Первого Лица св. Троицы. По поводу этого символа св. Климент Александрийский замечает, что если совлечь с данного тела его свойства, затем глубину, затем ширину, затем длину, «точка, которая останется, есть единица, имеющая положение в пространстве; и если мы упраздним и положение, получится понятие единства».^[271] Она как бы светится из беспредельной Темноты, Точка Света, центр будущей вселенной, Единица, в которой все существует нераздельно; материя, из которой образуется вселенная, поле Его деятельности, обозначается выступлением вперед и возвращением назад вибрирующей во всех направлениях Точки, образующей таким образом обширную сферу, ограниченную Его Волей, Его Силой. Это и есть создание «земли Его Силою», о котором говорит пр. Иеремия.^[272] Следовательно, полный символ представляет собою Точку в центре сферы, и его изображают обычно Точкой внутри круга. Второе Лицо символизируется диаметром этого круга, линией, означающей полную вибрацию Точки. Линия эта одинакова по всем направлениям сферы; она делит круг на две части, указывая на двойственность Второго Лица, на то, что в Нем Материя и Дух, которые в Первом Лице составляли единство, разделились видимо на два, хотя и остались соединенными. Третье Лицо символизируется Крестом, образуемым двумя диаметрами, пересекающимися под прямым углом внутри круга; горизонтальная линия Креста отделяет верхнюю часть круга от нижней части. Это – греческий крест.

Когда Троица изображается как Единство, Ее символом служит Треугольник, или вписанный в Круг, или без Круга. Вселенная символизируется двумя треугольниками, переплетенными между собой, Троица Духа с вершиной, обращенной вверх, Троица Материи с вершиной, обращенной вниз; а когда треугольники окрашены, первый получает окраску белую, желтую, золотую или цвета пламени, а второй – черную или темный оттенок иной окраски.

Эти символы указывают на ход космического процесса. Единый стал Двумя, Двое стали Тремя и – возникла Троица. Часть Материи вселенной, отделенная от остальной, ожидает действия св. Духа. Это и есть «в начале» Библии, когда «Бог сотворил Небо и Землю» и утверждение, поясняемое далее^[273] повторяющимися словами, что Он «полагал основание земли»;^[274] здесь мы имеем выделение материала, но земля еще в состоянии хаоса, «безвидна и

пуста».^[275]

Вслед за тем возникает воздействие творческого Разума, св. Духа, который «носился над водой», по великому океану материи. Таким образом, первая деятельность, принадлежащая Ему, хотя Он и является Третьим Лицом; это обстоятельство большой важности и его нужно понять.

В мистериях Его деятельность была представлена как приготовление мировой материи, образование атомов, соединение их в агрегаты и группировка последних в элементы, а этих, в свою очередь, в газообразные, жидкие и плотные соединения. Этот процесс относится не только к знакомой нам физической материи, но и ко всем более тонким состояниям материи в невидимых мирах. Затем, как «Дух Разумения», Он установил формы, в которые должна была облечься уготованная Им материя; Он не построил их, а лишь актом Творческого Разума дал Идеи, небесные прообразы, как их называют иногда. Это и есть Его задача, о которой написано, что Он «распростер небеса своим Разумением».^[276]

Деятельность Второго Лица следует за работой Третьего. Оно «Мудростью Своею установило мир, построив все планеты»^[277] и все, что существует на них, и «все через Него начало быть».^[278] Оно – организующая Жизнь миров и все существа имеют корни в Нем.^[279] Жизнь Сына, проявленная в материи, уготованной св. Духом (снова великий «Миф» о Воплощении), есть та Жизнь, которая строит, предохраняет и поддерживает все формы; ибо Он есть Любовь, притягивающая Сила, которая дает внутреннюю связь формам, делает их способными расти, не распадаясь на части; Он же – Охранитель, Вседержитель, Спаситель. Вот почему все должно покориться Сыну,^[280] все должно соединиться в Нем и почему «никто не приходит к Отцу как только через Него».^[281]

Ибо деятельность Первого Лица следует за деятельностью Второго, как деятельность Второго следует за работой Третьего. Первому Лицу дают название «Отца Духов»,^[282] «Бога Духов всякой плоти»^[283] и Ему принадлежит дар божественного Духа, истинного Я в человеке. Человеческий дух есть изливание божественной жизни Отца, излитая в сосуд, приготовленный Сыном из материалов, оживотворенных Духом Святым. И этот Дух, живущий в человеке, будучи от Отца, от Которого произошли Сын и Св. Дух, – являет собой единство, подобное Ему, с тремя аспектами в Одном, и потому истинно, что человек сотворен «по образу и подобию Его»,^[284] и благодаря этому способен стать «совершенным, как совершен Отец наш Небесный».^[285]

Таков космический процесс, повторяющийся в человеческой эволюции: «как вверху, так и внизу».

Троичный Дух в человеке, будучи сходен с божественным, должен иметь и его свойства, и мы действительно находим в нем Силу, которая как в своем высшем проявлении, которое есть Воля, так и в низшем, которое есть Желание, – дает импульс к его эволюции. Мы находим в нем также и Мудрость, чистый Разум, выражающийся в мире форм как Любовь и наконец – интеллект или Ум, деятельную образующую энергию. И в человеке повторяется тот же закон, по которому проявление этих свойств в течение его эволюции идет от третьего ко второму и от второго к первому. Большинство человечества на данной ступени развивает ум, интеллект, и мы можем наблюдать его разделяющее действие всюду, наблюдать, как он изолирует человеческие единицы одна от другой и развивает их различным образом, чтобы они могли стать подходящим материалом для построения божественного Человечества. Человеческая раса достигла лишь этой ступени и на этом уровне происходит и до сих пор ее деятельность.

Но если взять небольшое меньшинство нашей расы, мы увидим, что в нем начинает проявляться второй аспект божественного Духа; в христианстве мы зовем его Христом, рождающимся в человеке Его эволюция, как мы видели, следует за первым Великим Посвящением, и Мудрость и Любовь составляют отличительную черту Посвященного; они

светятся в нем все яснее и яснее по мере того, как он развивает этот аспект своего Духа. И здесь подтверждается истина изречения, что «ни один человек не приходит к Отцу, как только через Сына», ибо лишь когда окончательно водворится в душе человека жизнь Сына, может он произнести молитву: «И ныне, Отче, прославь меня твоею славой, которую я имел у Тебя прежде бытия мира».^[286] И тогда Сын возносится к Отцу и становится единым с Ним в божественной славе; Он проявляет самосущность, присущую его божественной природе, развившуюся из семени в совершенный цветок, ибо «как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь Жизнь в Самом Себе».^[287] Он становится живым само-сознающим Центром в Жизни Бога, Центром, способным существовать как таковой, не связанный более ограничениями своей прежней жизни, выросший до божественного сознания и сохранивший при этом тождество своей жизни, живой огненный Центр в божественном Пламени.

В этой эволюции заключена возможность божественных Воплощений в будущем, как та же эволюция в прошлом сделала возможными божественные Воплощения в нашем собственном мире. Эти живые Центры не теряют своего тождества, не теряют памяти Своего прошлого, всего, что Они испытали в своем долгом восхождении на вершину достижения. Подобное Само-сознающее Существо может спуститься из Лона Бога и проявить Себя как человек для помощи миру. Он сохранил в себе союз Духа и Материи, двойственность Второго Лица Св. Троицы и поэтому Он в состоянии вновь облечься в физическое тело и снова стать Человеком; вот почему все божественные Воплощения во всех религиях связаны со Вторым Лицом Св. Троицы. Природа Посредника – Его особенность, и она составляет связующее звено между небесной и земной Троицей; «с нами Бог»^[288] называли Его всегда.

Подобное Существо, совершенный плод прежней вселенной, может появиться в нашем мире со всем совершенством Своей божественной Мудрости и Любви, со всею памятью Своего прошлого, способный в силу этого стать помощником для всех живых существ, знающий каждую ступень эволюции, так как Он пережил их все, способный помочь в каждой нужде, потому что Он испытал все: «Ибо как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь».^[289]

Возможность божественного воплощения кроется в человечности, через которую Он прошел; Он, поднявшийся на вершину, спускается в земной мир, чтобы помочь другим подняться по пройденным Им ступеням лестницы. И по мере того, как мы начинаем понимать эти истины, и уясняем себе до некоторой степени значение св. Троицы как вверху, так и внизу, тогда то, что было для нас раньше трудно постижимым догматом, становится живой и вдохновляющей истиной. Лишь благодаря Троице, сокрытой в глубине человеческого духа, делается постижимой его эволюция, и мы начинаем понимать, почему в человеке развивается сначала интеллект, а затем уже жизнь Христа. На этом факте основан мистицизм и наша уверенность, что мы можем познать Бога. Так учили Мудрецы всех времен, и когда мы вступаем на указанный ими Путь, мы убеждаемся, что их свидетельство истинно.

В то время как «современный дух» отрицает идею молитвы, не находя никакой причинной связи между произнесением просьбы и происходящим событием, религиозный дух стоит с не меньшей силой за молитву, более того, самую жизнь свою полагает в молитве. Но даже и у религиозного человека появляются иногда сомнения относительно разумности молитвы; в душе его возникают вопросы: не есть ли это учить Всемудрого, убеждать в необходимости милосердия Всеблагого, изменять волю Того, «у которого нет изменения, и ни тени перемены?»^[290] И в то же время его собственный опыт и опыт других показывает ему ясно, что существует «ответ на молитву», определенное последствие просьбы и ее исполнение.

Многие из этих просьб относятся не только к внутренним переживаниям, но и к ясно выраженным фактам земного обыкновенного мира. Человек молился о денежной помощи и почта принесла ему нужную сумму; женщина просила о хлебе насущном и к дверям ее была принесена пища.

В связи с благотворительными предприятиями существует особенно много примеров быстрой и щедрой помощи в ответ на молитву сострадательного человека. Но с другой стороны, также много доказательств и того, что молитвы остаются без ответа, что голодные погибают от истощения, что ребенок умирает от болезни, несмотря на самые страстные воззвания к Богу.

Чтобы верно понимать значение молитвы, нужно принять в соображение все эти факты. И это еще не все. Встречаются в этой области явления, которые поражают своей странностью. Молитва по ничтожному поводу вызывает ответ, тогда как другая, касающаяся важного жизненного вопроса, остается без ответа; временное затруднение облегчается, а пламенная молитва о спасении жизни горячо любимого существа остается тщетной. И невольно возникает сомнение – возможно ли вообще открыть закон, по которому одна молитва вызывает ответ, а другая его не вызывает.

Первое, что необходимо для желающего понять этот закон, это – тщательный анализ самой молитвы, потому что то же самое слово покрывает самые разнообразные проявления человеческого сознания, и молитвы не могут быть рассматриваемы как нечто однородное. Существуют молитвы, которые касаются определенных мирских выгод, или удовлетворения различных нужд: молитвы о пище, одежде, о деньгах, занятиях, успехе в делах, о выздоровлении и т. д. Все такие молитвы можно сгруппировать в отделе А. Затем мы имеем молитвы о помощи в нравственных и ментальных затруднениях и о даровании духовного роста, о преодолении искушений, о силе, прозрении и просветлении. Эти молитвы можно сгруппировать в отделе Б. И наконец, есть молитвы, которые не просят ничего, которые состоят в размышлении о божественном Совершенстве и в преклонении перед Ним, в горячем стремлении к соединению с Богом; это – экстаз мистика, медитация мудреца, восторженный полет святого. В этом и состоит истинное «общение между божественным и человеческим», когда человек изливает свою любовь и свое благоговение перед тем, что привлекает его глубочайшую суть, что вызывает любовь его сердца. Такие молитвы мы отнесем к отделу В.

В невидимых мирах существует много видов Разумных Существ, которые имеют отношение к человеку, истинная лестница Иакова, по которой ангелы Господни поднимаются и спускаются и над которой пребывает Сам Господь.^[291] Некоторые из них представляют собой чрезвычайно могучие духовные Силы, другие же – ограниченные по сознанию, стоящие ниже человека. Эта невидимая или оккультная сторона Природы, о которой будет сказано более в следующей главе, есть факт, признанный всеми религиями. Весь мир наполнен живыми существами, невидимыми для плотских глаз. Невидимые миры проникают видимый мир, и тьмы разумных существ

толпятся вокруг нас. До некоторых из них достигают человеческие прошения, другие сами способны подчиниться человеческой воле. Христианство признает существование высших степеней Разумных Существ под общим именем ангелов и учит, что они «служебные Духи, посылаемые для служения».^[292] Но в чем состоит их служение, какова природа их деятельности, какое отношение они имеют к человечеству – все это составляло часть познаний, даваемых в малых мистериях, а реальное общение с ними осуществлялось великих мистериях. В наши дни все эти истины отошли далеко на задний план, исключая то небольшое, что сохранилось в Римских и Греческих церквах. Для протестантов «служение ангелов» составляет не более как пустой звук.

Кроме этого населения невидимых миров сам человек не перестает создавать невидимые существа, ибо вибрации его мыслей и чувствований образуют формы из невидимой тонкой материи, одушевляемые той мыслью и тем чувством, которые вызвали их к жизни; человек создает таким образом целую армию невидимых слуг, которые распространяются в невидимых мирах, стремятся исполнить его волю. Кроме того, в этих мирах находятся и человеческие помощники, действующие в своих тонких телах в то время, как их физическое тело предается сну; они стремятся помочь, и их внимательный слух в состоянии уловить раздающиеся крики о помощи. И, как венец всему – вездесущая и всевидящая Жизнь Самого Бога, отзывающаяся во всех точках Своей державы, без воли Которого «ни одна малая птица не упадет на землю»,^[293] Та всепроникающая, всеобъемлющая, всеподдерживающая Жизнь и Любовь, в которой мы живем и дышим.^[294]

Как ничто, способное вызвать удовольствие или страдание, не может коснуться человеческого тела без того, чтобы чувствительные нервы не подали о том весть мозговым центрам и чтобы из этих центров – через двигательные нервы – не получился тот или иной ответ – так и каждая вибрация во вселенной, которая есть тело Бога, затрагивает божественное Сознание и вызывает ответное действие. Нервные клетки, нервные нити и мускульные волокна могут служить для передачи чувствования и движения, но чувствуют и действуют не они, а человек; таким же образом мириады разумных существ служат для передачи всех возникающих в мире вибраций, но познает и отвечает за них Бог. Нет ничего слишком малого, что бы не отзывалось в Его тончайшем, вездесущем Сознании, и ничего столь великого, что бы превосходило его. Мы сами так ограничены, что сама идея подобного всеобъемлющего сознания смущает и приводит нас в сомнение; возможно, что комар был бы в таком же положении, если бы ему пришлось измерять сознание Пифагора. Профессор Гексли в одной из своих книг дает замечательную картину, в которой изображаемые им существа поднимаются все выше и выше в умственном развитии, их сознание расширяется все больше и наконец они достигают ступени, настолько уже превышающей человеческое сознание, насколько последнее превышает сознание черного жука.^[295] Но это не плод воображения ученого, это – описание реального факта. Есть Существо, сознание которого присутствует в каждой точке Его вселенной и потому может быть затронуто в любой из них. Это сознание не только необъятно по своему размеру, но и непостижимо по отзывчивости, по тончайшей способности с точностью отвечать на всем протяжении и во всех направлениях своей беспредельной вселенной. Здесь мы встречаемся с той истиной, что чем выше Существо, тем легче достигнуть Его сознания, а не наоборот, как это принято думать.

И эта всепроникающая Жизнь пользуется как проводниками всеми воплощенными формами, которым она дала бытие и каждая из них может служить исполнителем этой всеведущей Воли. Чтобы эта Воля могла выразить себя во внешнем мире, должно существовать средство для ее выражения и эти невидимые для нас существа и представляют собой необходимых исполнителей ее велений и становятся посредниками между различными точками

Космоса. Они действуют как двигательные нервы в Его теле и вызывают требуемое действие.

Возьмем теперь те три отдела, на которые мы подразделили различные виды молитвы и посмотрим, как возникают ответы на них.

Когда человек произносит молитву, отнесенную нами к отделу А, существует несколько способов, благодаря которым молитва получает ответ. Обращающийся с такой молитвой принадлежит к числу людей непросвещенных, с представлением о Боге, неизбежным на этой стадии развития: он смотрит на Бога как на подателя всего, в чем нуждается его повседневное существование, и он обращается к Нему за хлебом насущным так же естественно, как дитя обращается к своим родителям. Типичным примером такого обращения служит случай с Георгом Мюллером из Бристоля, когда он еще не был признан миром как выдающийся филантроп, когда он только начинал свое дело милосердия и был без денег и без друзей. Он просил о пище для детей, у которых не было иной помощи, кроме его сострадания, и деньги притекали к нему всегда в необходимом количестве. Что же происходило на самом деле? Его молитва была горячим и сильным желанием, и оно создавало форму, в которую и облекалась живая сила и направляющая энергия этого желания. Это вибрирующее живое создание было воодушевлено единой мыслью: помощь необходима, необходима пища для детей; и эта мысль носилась в невидимом мире мыслей, ища ответа. В это же время сострадательный человек мог пожелать прийти на помощь к нуждающимся и искал случая к тому. Как магнит действует на железо, так и его сострадательное настроение подействовало на созданный мыслеобраз, который и был привлечен к нему. Он вызвал в мозгу доброго человека идентичные вибрации – Георгий Мюллер, его приют для сирот, нужды этого приюта – и желающий помочь нашел исход для своего доброго порыва, написал чек и послал его Мюллеру. И совершенно естественно было для Мюллера подумать, что сам Бог внушил пославшему оказать необходимую помощь его голодным детям. В наиболее глубоком своем значении эти мысли верны, ибо во всей вселенной нет иной жизни и иной энергии, кроме как исходящей от Бога; но посредствующим проводником, действующим согласно с божественными законами, явился в этом случае мыслеобраз, созданный молитвой.

Подобный же результат мог быть достигнут и без молитвы, усилием сознательно направленной воли человека, владеющего нужным для этого умением и знанием. Такой человек стал бы с ясной отчетливостью думать о том, что ему нужно, притянул бы к себе тот вид ментальной субстанции, которая наиболее подходяща для его цели и затем преднамеренным усилием воли послал бы ее к определенной личности; или, если таковой не имел в виду, направил бы свой мыслеобраз по окрестностям в поисках за расположенным к состраданию лицам. В подобном случае действует не молитва, а сознательное воздействие воли и знания.

Но для большинства, для всех, незнакомых с силами, действующими в невидимых мирах, и не имеющих привычки упражнять свою волю и сосредоточивать свои мысли и желания, что необходимо для успеха, – цель достигается гораздо легче путем молитвы, чем преднамеренным умственным и волевым усилием. Но даже и поняв теорию передачи мысли на расстоянии, большинство по всем вероятностям усомнилось бы в своей собственной силе, а сомнение действует роковым образом на достижение волевой силы. А то обстоятельство, что молящийся не имеет понятия о том, какое действие его молитва производит в невидимом мире, не имеет никакого влияния на ее исход. Дитя, протягивающее руку, чтобы схватить желаемый предмет, не знает ничего о действиях своих мускулов или об электрических и химических изменениях, которые его движения вызвали в его мускулах и нервах; не нужно ему также рассчитывать и расстояние между предметом и собой, он хочет схватить желаемый предмет, и аппарат его тела исполняет его волю, хотя дитя не имеет никакого понятия о его существовании. То же происходит и с человеком, который молится: не зная, какая творческая сила заключена в его

мысли, не имея понятия о том живом создании, которое выслано им для выполнения его воли, он действует так же бессознательно, как младенец и как младенец хватается то, что ему нужно. В обоих случаях действие исходит от Бога, ибо все силы берут свое начало от Него; в обоих случаях действие совершается аппаратом, построенным по Его законам.

Но это – не единственный путь, чтобы на молитвы этого рода получился ответ. Бывает, что кто-либо, действующий в невидимых мирах, в то время, когда его физическое тело спит, или находящийся поблизости ангел, услышит призыв молящего о помощи и затем внушит какому-нибудь сострадательному человеку помощь нуждающемуся. «Мысль о таком-то пришла мне сегодня утром, – скажет такой человек. – Думаю, что нужно бы послать ему денег».

Многие молитвы исполняются именно таким образом, когда связующим звеном между молитвой и ее выполнением являются невидимые существа. В этом состоит одна из деятельностей ангелов низшей ступени, которые таким способом помогают людям и в личной их нужде, и в их благотворительных предприятиях.

Неуслышанные молитвы из отдела А имеют другую скрытую причину. У каждого человека есть долги, которые он обязан уплатить; его дурные мысли, дурные желания и дурные действия построили препятствия на его пути и иногда держат его как бы в плену. Дурное проявление в прошлом уплачивается страданием в настоящем; человек *должен* испытать последствия того дурного, что он совершил. Приговоренный к голоданию благодаря своим дурным поступкам в прошлом, может вопить против своей судьбы, но вопли его будут тщетны. Мыслеобраз, созданный им, будет искать, но не найдет; его встретит и отбросит назад сила сделанного человеком в прошлом зла. Здесь, как и везде, мы живем в царстве закона, и созданные силы могут быть видоизменены или совсем уничтожены действием иных сил, с которыми они входят в соприкосновение. Две совершенно одинаковые силы могут быть приложены к двум совершенно одинаковым шарам; в одном случае никакая иная сила не подействовала на шар и он беспрепятственно ударил в намеченную цель; в другом случае иная сила ударила в мяч и направила его в сторону. То же происходит с однородными молитвами: одна достигает цели беспрепятственно, другая же будет отброшена в сторону более энергичной силой содеянного зла. Одна молитва будет услышана, другая не будет, но в обоих случаях действует неизменный закон.

Перейдем к отделу Б. Молитвы о помощи в нравственных и интеллектуальных затруднениях имеют двойное последствие: они действуют непосредственно и они же реагируют на молящегося. Они привлекают внимание ангелов или «учеников» оккультистов, действующих вне физического тела, которые постоянно ищут случая помочь страдающей душе, и их ответ на молитву вносит ободрение, совет или просветление в мозговое сознание молящегося; таким образом получается непосредственный ответ на молитву. «И преклонив колена, молился... Явился же Ему Ангел с Небес и укреплял Его».^[296]

В ментальных затруднениях внушаются идеи, разъясняющие непонятное, или бросается свет на темные нравственные проблемы, или же посылается утешение в отчаивающемся сердце, облегчая его боль и успокаивая его тревоги. И несомненно, что не случись поблизости ангела, крик страдающей души достиг бы до «Потаенного Сердца Небес» и к ней был бы послан вестник, несущий утешение, ангел, всегда готовый лететь на помощь, выполняя божественную волю.

Бывает также то, что можно бы назвать субъективным ответом на такие молитвы, реакция молитвы на самого молящегося. Молитва приводит его сердце и ум в то чутко восприимчивое состояние, когда его низшая природа затихает, и в этой временной тишине сила и свет его высшей природы вливается беспрепятственно в его душу. Токи энергии, которые в обыкновенное время не перестают направляться от бессмертного «Я» или внутреннего человека,

бывают обыкновенно обращены его земным сознанием на внешний мир и используются им на обыденные земные дела, на выполнение ежедневных обязанностей. Но, когда мозговое сознание отводит свое внимание от внешнего мира и направляет его внутрь; когда оно преднамеренно закрывает себя для внешнего и открывается для внутреннего, тогда оно становится сосудом, способным воспринимать и удерживать воспринятое, вместо того, чтобы быть только проводящим каналом между внутренним и внешним миром. В тишине, которая водворяется, когда прекращаются шумы всех внешних деятельностей, «тихий голос» Духа делается доступным внутреннему слуху, и сосредоточенное внимание настороженного ума позволяет ему уловить тихий шепот Внутреннего Я.

Еще явственнее приходит помощь извне и изнутри, когда человек молится о духовном просветлении, о духовном росте. Не только все невидимые помощники стремятся содействовать духовному процессу, не пропуская ни единой возможности помочь стремящейся душе; не только это, но и стремление самой души освобождает энергию высокого качества, духовную жажду, всегда вызывающую ответ из духовного мира. И здесь также подтверждается закон родственных вибраций, и на ноту духовного устремления звучит в ответ соответствующая нота, вибрирующая в гармонии с ней. Божественная Жизнь не перестает устремляться кверху на границы, которые задерживают ее, и когда поднимающая ее снизу сила ударяет на эти границы снизу, разделяющая стена пробивается и божественная Жизнь затопляет человеческую душу. Когда человек чувствует этот приток духовной жизни, он восклицает: «Моя молитва услышана, божественный Дух проник в мое сердце!» И хотя это истинно, он все же редко сознает, что этот Дух вечно стремится проникнуть в него, «приходит к своим, но свои не приняли Его» ^[297] «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и откроет дверь, войду к нему». ^[298]

Общее правило относительно всех молитв этого отдела состоит в том, что ответ на молитву в полной зависимости от погашения личности и от силы устремления души молящегося. Мы чувствуем себя отдельными. Если мы преодолеваем это чувство отдельности и сливаемся с высшей жизнью, свет и жизнь, и сила вливаются в нас. Когда отдельная воля перестает служить своим личным целям, чтобы служить Высшей Воле, тогда божественная сила вливается в нее. Когда человек плывет против течения, он продвигается медленно; когда он отдается течению, вся сила последнего несет его вперед. Во всех отделах природы действуют божественные силы и все, что человек делает, он выполняет посредством сил, которые действуют по линиям его стремлений; величайшие из его достижений осуществляются не его собственной силой, но благодаря тому искусству, с которым он выбирает и комбинирует силы, помогающие ему и нейтрализует силы, противящиеся ему. Силы, которые унесли бы нас, как соломинка уносится в порывах вихря, становятся нашими исполнительными слугами, когда мы действуем в гармонии с ними. Удивительно ли, что в молитве, как и во всем остальном, божественные силы соединяются с человеком, когда он стремится действовать в согласии с ними? Эта высшая форма молитвы из отдела Б переходит почти незаметно в отдел В, где молитва теряет свой просительный характер и превращается или в медитацию о Боге, или в поклонение Ему.

Глава XI. Отпущение грехов

«Исповедую едино крещение, во оставление грехов». Слова эти так легко слетают с уст молящихся в христианских церквях всего мира, когда они повторяют столь знаменитый символ веры Апостольский или Никейского Собора. Среди изречений Иисуса часто встречаются слова: «прощаются тебе грехи твои»; следует при этом отметить, что слова эти сопровождаются постоянно проявлением Его целительной силы, показывая этим, что освобождение от физического и нравственного недуга совершается одновременно. Так, в одном случае Он заявил, что исцеление параличного является знаком, который дает Ему право объявить исцеленному, что грехи его прощены.^[299] И также сказано об одной женщине: «Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много».^[300] В гностическом трактате «Пистис София» самая цель мистерий определяется как отпущение грехов. «Будь они грешники, будь они во всех грехах и беззакониях мира, о каких я говорил с вами, и все же, если они обратятся и покаются, и совершат отречение, которое я описал вам, дайте им мистерии Царства света; не скрывайте их от них. Греха ради принес я эти мистерии в Мир для отпущения всех грехов, совершенных ими от самого начала. Почему я и сказал вам спервоначала: „Я пришел не для того, чтобы призвать праведных“. Следовательно, принес я мистерии, чтобы грехи всех людей были отпущены и все были введены в Царство Света. Ибо эти мистерии – дар первой мистерии уничтожения грехов и беззакония всех грешников».^[301]

В этих мистериях прощение грехов дается актом крещения, как это подтверждается Никейским Символом Веры. Иисус говорит: «Внимайте снова, дабы мог я сказать вам слово истины, какого рода есть мистерия крещения, которая отпускает грехи... Когда человек получает мистерии крещения, эти мистерии становятся могучим огнем, чрезвычайно сильным, мудрым, который сжигает все грехи; они вступают потаенно в душу и пожирают все грехи, которые духовный обманщик внедрил в нее». И после описания процесса очищения Иисус прибавляет: «Вот каким образом мистерии крещения отпускают грехи и всякое беззаконие».^[302]

В той или иной форме отпущение грехов является если не во всех, то в большинстве религий; и каждый раз, когда мы имеем подобное единство убеждения, можно быть уверенным, что в основе его находится реальный факт. Более того, в самой природе человека мы находим отклик на верование, что грехи прощаются; мы знаем, что люди страдают от сознания дурного поступка и что когда они кончают свои расчеты с прошлым и освобождаются от гнетущих цепей угрызения совести, они возобновляют свой жизненный путь с облегченным сердцем, с просветленной душой, которая до того была в тоске и мраке. Они чувствуют себя так, как будто тяжесть спала с их плеч. «Чувство греха» исчезло, а вместе с ним и грызущее мучение. Им знакома весна души, слово могущества, которое способно все обновлять. Гимн благодарности изливается из переполненного сердца и «ангелы радуются» на возродившегося человека. Это переживание, довольно обычное, вызывает недоумение, когда лицо, испытавшее его или заметившее его в другом, начинает спрашивать себя: что же именно случилось, что принесло с собой так ярко проявленную перемену сознания?

Современные мыслители, убежденные в неизменности законов, на которых основаны все феномены, и изучившие действие этих законов, склонны отвергать все теории отпущения грехов как несовместимые с основной, признанной ими истиной; признать эти теории для них так же трудно, как для ученого, проникнутого сознанием нерушимости законов природы, согласиться с теорией, которая противоречит их убеждению. И тот и другой правы, когда основываются на непреложном действии закона, ибо закон выражает божественную Природу, в которой нет ни перемены, ни тени колебания. Поэтому верное понимание отпущения грехов должно прежде

всего не стоять в противоречии с этой основной истиной, одинаково необходимой как для человеческой этики, так и для физической науки. Все на земле потеряло бы почву под собой, если бы мы не могли чувствовать себя в безопасности под защитой непреходящего Благого Закона.

Но, продолжая наше исследование, нас начинает поражать тот факт, что те самые Учителя, которые наиболее настойчиво утверждают неизменное действие закона, в то же время с величайшей энергией провозглашают отпущение грехов. Так, в одном случае Иисус говорит, что «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда», [\[303\]](#) а в другой раз заявляет: «держай, чадо! прощаются тебе грехи твои». [\[304\]](#) Также и в Бхагавадгите постоянно говорится о том, что действие связывает человека, что «мир скован действием», [\[305\]](#) и что «человек вновь обретает достигнутую в предыдущей жизни способность», [\[306\]](#) и несмотря на это, там же сказано: «Даже если самый грешный поклоняется Мне нераздельным сердцем, тот также должен считаться праведным». [\[307\]](#) Из этого следует, что какое бы значение ни придавали в Св. Писаниях словам «отпущение грехов» Те, Которые лучше всех знали непреложность закона, не ставили этого значения в противоречие с неизменной связью между причиной и ее последствием.

Если мы рассмотрим даже наиболее грубое понимание идеи «отпущения грехов», господствующее в наши дни, мы найдем, что разделяющий эту веру не предполагает, чтобы прощенный грешник избежал в этом мире последствий своего греха. Пьяница, получивший в ответ на свое раскаяние отпущение грехов, продолжает страдать от расстроенной нервной системы и испорченного пищеварения и от недостатка доверия к нему окружающих людей. Все утверждения относительно прощения грехов, если их рассмотреть по существу, касаются всегда того отношения, которое существует между раскаявшимся грешником и Богом и посмертных наказаний за непрощенные грехи, а вовсе не избежания земных последствий совершенного проступка. Утеря идеи перевоплощения и здравого представления о непрерывности жизни – протекает ли она здесь на земле или в последующих двух мирах [\[308\]](#) – имела последствием различные несообразности и бездоказательные утверждения, между прочим и богохульную мысль о вечных мучениях человеческой души за грехи, совершенные в короткий промежуток одной жизни, проведенной на земле. Чтобы найти выход из этого кошмара, теологи установили отпущение грехов, освобождающее грешника от мучений вечного ада. Но при этом не имелось в виду освободить его от естественных последствий его дурных дел в этом мире и даже от продолжительных страданий после смерти в чистилище. Закон причин и последствий остается действительным как в этом мире, так и в чистилище; в каждом мире страдание следует за грехом так же неизменно, как «колеса повозки следуют за волом». Прощение грехов освобождало грешника лишь от вечных мучений в аду, которые существовали лишь в омраченном воображении верующего; и можно даже предполагать, что установившие догмат вечных мучений как результат преходящих ошибок, почувствовали необходимость придумать выход из невероятного и несправедливого положения и поэтому установили такое же невероятное и несправедливое прощение. Правила, придуманные спекулятивным мышлением, которое не соотносится с фактами жизни, заводит всегда их авторов в непроходимые ментальные болота, откуда они могут выбраться не иначе, как увязая в противоположном направлении. Излишний вечный ад был уравновешен излишним прощением и таким образом вышедшие из равновесия чаши весов были снова выровнены.

Возвращаясь в мир действительных фактов и здравого разума, мы увидим, что человек, совершивший дурной поступок, тем самым связал себя со страданием, ибо страдание – растение, вырастающее всегда из семени греха. Можно даже определить более точно, говоря, что грех и

страдание – две стороны одного и того же действия, а не два различных явления. Как все видимые предметы обладают двумя сторонами, одна из которых впереди, на виду, а другая – позади, вне поля зрения, так и каждое действие имеет две стороны, которые в физическом мире нельзя видеть обе сразу. Иными словами, добро и счастье, зло и печаль, это – две стороны одного и того же явления. Это и есть карма – удачное и широко распространенное в наши дни название, взятое из санскритского языка, выражающее это соотношение двух сторон; карма буквально означает «действие», а страдание рассматривается как кармическое последствие дурного поступка. Это последствие, эта «другая сторона» может возникнуть не непосредственно, может даже не появиться в этом воплощении согрешившего, но рано или поздно оно последует и захватит его в свои тиски. И когда это последствие проявится в физическом мире и пройдет через наше физическое сознание, тогда произойдет завершение причины, созданной нами в прошлом; это – поспевший плод, а вложенная в него сила выявилась наружу и тем истощила себя. Эта сила имела свои последствия, которые уже завершились в душе, прежде чем она проявилась внешним образом. Ее внешнее проявление в физическом мире – признак, что круговорот ее закончен.^[309] Если в такой момент согрешивший, погасивший карму своего греха, войдет в соприкосновение с Мудрым, который в состоянии видеть прошлое и настоящее, видимое и невидимое, такой Мудрец может знать, что данная карма пришла к концу и зная это, может объявить согрешившему, что он свободен от греха. Подобный случай, вероятно, и дается в истории с паралитиком, о котором было упомянуто; это – типичный случай подобного отпущения грехов. Физическая болезнь есть последнее выражение совершенного в прошлом дурного поступка; когда его внутренние (ментальные и нравственные) результаты исчерпаны, страдающий от болезни может быть приведен при помощи ангела, наблюдающего за выполнением закона, в соприкосновение с высшим Существом, способным исцелять физические недуги. Такой Целитель, посвященный в высшую жизнь духа, начинает с заявления, что грехи больного прощены, а затем подтверждает свое прозрение властными словами: «Встань, возьми постель свою и иди в дом твой». Если бы в это время больной не имел счастья встретить Посвященного, болезнь прошла бы постепенно под воздействием целящей природы, направляемой в таких случаях невидимыми разумными Существами (ангелами), которые заведуют в нашем мире кармическими законами; когда же налицо кроме того, и воздействие Высокого Посвященного, тогда та же сила действует более быстро и энергично и настраивает физические вибрации больного тела на ту гармонию, которая внешне проявляется как здоровье. Все подобные отпущения грехов сводятся к заявлению, что карма истощена и «Знающий карму» заявляет о том. Вера больного в это заявление приносит его душе облегчение, подобное тому, какое испытывает заключенный, когда узнает, что приказ о его освобождении уже сделан; но радость человека, узнающего о погашении его дурной кармы, еще сильнее, потому что сам он не знал, когда истечет срок ее влияния на его жизнь.

Следует иметь в виду, что подобные заявления об отпущении грехов всегда связаны с тем, что больной имеет «веру» и что без этого условия исцеление не происходит. Следовательно, истинная причина исцеления крылась в самом грешнике. В случае с «грешницей» оба заявления делаются одновременно: «Прощаются тебе грехи... Вера твоя спасла тебя; иди с миром».^[310]

Эта вера есть проявление собственной божественной сути человека, которая стремится соединиться с божественным океаном той же родственной сути, и когда она, подобно подземному роднику, пробивается через слои низшей природы – ее освободившаяся сила начинает действовать на всю природу человека, приводя ее в гармонию с собой. Человек сознает совершившееся в нем только тогда, когда сила эта разобьет кармическую кору греха, и это радостное чувство не сознанный до тех пор силы, составляет большую долю того счастья, того облегчения, той новой энергии, которые сопровождают сознание, что грех «прощен», что его

последствия прекратились.

Это явление приводит нас к самому центру проблемы, к перемене, которая происходит во внутренней природе человека, не сознаваемой той частью его сознания, которая проявляется в пределах мозга; не сознаваемой до тех пор, пока перемена эта не заявит себя и в этих пределах, производя впечатление, что она появилась откуда-то извне, сошла с небес, излилась из неведомого источника. Не удивительно, что человек, потрясенный напором этой силы, не зная ничего о тайниках своей собственной природы, о «внутреннем Боге», который и есть он сам, – воображает, что сила эта идет к нему извне и не сознав свою собственную божественность, представляет себе только то Божество, которое вне его. И это непонимание тем простительнее, что последний момент, та вибрация, которая разбивает препятствие, является часто ответом божественной части природы другого человека или сверхчеловеческого Существа, отвечающего на настойчивый крик плененного внутри грешника Бога; он чувствует оказанную ему помощь, не сознавая при этом, что он сам, его крик, исходящий из его собственной внутренней сути, вызвал ее. Как объяснение, данное более мудрым, чем мы сами, разъясняет нам трудную отвлеченную задачу, хотя при этом наш собственный ум, получивший от него лишь помощь, справился с ее разрешением; как ободрение со стороны человека, далеко опередившего нас в нравственном совершенстве, может подвинуть нас на усилие, которое мы считали недостижимым, но которое совершили все же своими собственными силами; на том же основании и более высокий Дух, чем наш, яснее сознающий свою божественность, может помочь нам выявить нашу собственную божественную энергию; но поднимает нас на высшие планы сознания все же не он, а эта выявленная нами энергия. Мы все соединены братской помощью и с теми, кто превышает нас, и с теми, которые ниже нас; почему же мы, так часто помогающие дальнейшему развитию души, менее нас подвинувшейся, почему мы не хотим допустить, что и мы также получаем помощь от Тех, которые далеко опередили нас и что наша эволюция может сильно ускориться благодаря их помощи?

Среди перемен, которые происходят помимо мозгового сознания человека в его внутреннем мире, имеются и те перемены, которые связаны с выявлением его воли. Эго человека, обзревая свое прошлое, взвешивая его результаты, страдая от совершенных ошибок, решает изменить свое отношение к окружающему миру, направить иначе свои усилия. Пока его низшая природа под влиянием обычных импульсов все еще продолжает направляться по прежним линиям, которые приводят его в острый конфликт с законом, – Эго уже решило изменить свое поведение. До тех пор оно устремлялось к низшим радостям, удовольствия низшего порядка держали его в тесном плену. Теперь оно устремило свои желания к истинной цели эволюции и порешило добиваться более высоких радостей. Оно видит, что весь мир развивается и идет вперед и что если идти против этого могучего потока, поток отбросит его в сторону и в своем неудержимом стремлении уничтожит его; оно понимает, что если довериться потоку, последний понесет его вперед и донесет до желанной пристани.

И тогда Эго решает изменить свою жизнь, решительно отворачивается от прежнего и направляет свое усилие в противоположную сторону. Первым последствием этого стремления преобразить свою низшую природу, заставить ее идти по измененному направлению является смятение и печаль. Привычки, образовавшиеся под влиянием прежних взглядов на жизнь, упорно сопротивляются импульсам, исходящим из нового мировоззрения; возникает тяжелый конфликт. Постепенно сознание, проходящее через мозг, принимает решение, поставленное высшим сознанием, и тогда начинает «сознавать свой грех» благодаря тому, что признал высший Закон. Чувство содеянной неправды углубляется, раскаянье терзает душу; делаются судорожные усилия исправиться, но побуждаемые укоренившимися привычками, они уступают, пока наконец человек, одолеваемый раскаяньем за прошлое и отчаяньем в настоящем, не погружается

в безнадежный мрак. Под конец все увеличивающееся страдание вырывает у Эго крик о помощи, ответ на который исходит из внутренней глубины его собственной природы, от Бога, пребывающего как в нем, так и вне его, от Жизни до жизни. Он отворачивается от своей низшей природы, которая отдаляет его от его высшей сути, отворачивается от своего отдельного мучающего его я, чтобы соединиться с Единым Я, с Сердцем всего бытия.

Эта перемена направления означает, что человек отвернулся от темноты и повернулся лицом к свету. Свет продолжал светить, но он держался спиной к нему; теперь он видит солнце и его сияние веселит его взор и затопляет его существо радостью. Его сердце было закрыто; теперь оно широко распахнулось и океан света вливается в него беспрепятственно. Волна за волной эта новая жизнь поднимает его, и предчувствие рассвета освещает его. Он смотрит на свое прошлое как на пройденное, ибо его воля постановила идти праведным путем, и он уже не считается с страданиями, которые прошлое может принести ему, он знает, что его настоящее не оставит за собой подобную горького наследия. Это чувство мира, радости и освобождения и представляет тот результат, который люди приписывают «отпущению грехов». Стена, построенная низшей природой человека между Богом внутри него и Богом вне его, устранена, но его сознание едва ли признает, что перемена произошла в нем самом, а не где-то на высоте. Как ребенок, оттолкнув заботливую руку матери и прижав лицо к стене, может вообразить, что он покинут и забыт, пока, обернувшись с криком отчаянья, не убедится, что охраняющие руки матери здесь, готовые обнять его и никогда его не покидали; так же и человек в своем своеволии отталкивает охраняющие руки божественной Матери миров и так же убеждается – лишь только обернется назад, что никогда он не оставался беззащитным, что всюду, куда он ни направлялся, эта охраняющая любовь оставалась с ним.

Ключ к этой перемене внутри человека, ведущей его к «отпущению грехов», дается в стихе Бхагавадгиты, частью уже приведенном выше: «Даже если наиболее грешный поклоняется Мне нераздельным сердцем, он тоже должен быть признан праведным, *ибо он решил праведно*». После этого правильного решения следует неизбежное последствие: «Быстро станет он исполнителем долга и достигнет вечного мира».^[311] Суть греха состоит в направлении личной воли – отделившейся части – против воли целого, человеческой против божественной. Когда в этом своеволии происходит перемена, когда Эго приводит свою отдельную волю в созвучие с Волей, направляющей эволюцию, тогда в том мире, где хотеть и выполнять – одно, в мире, где последствия и причины видимы одновременно, человек «признается праведным», а последствия в земном мире проявятся неизбежно и он «быстро станет исполнителем долга» и в своих действиях, так как его воля уже решила быть таким исполнителем. Здесь, на земле, мы судим по поступкам, этим мертвым листьям прошлого; там же судится сообразно решениям воли, этим живым семенам будущего. Вот почему Христос говорил, обращаясь к жителям земли: «Не судите».^[312]

Но и после того, как новое направление стало уже нормальной привычкой жизни, бывают временные падения, на которые указывается в «Пистис София» по поводу вопроса, обращенного к Иисусу: может ли человек быть вновь допущен к мистериям после его отпадения, в случае, если он раскается? Ответ Иисуса утвердительный, но он прибавляет, что наступит время, когда подобное допущение вновь превысит силы всех, кроме высочайшей мистерии, которая прощает вечно. «Аминь, аминь, говорю я вам, кто получит мистерии первой мистерии и затем повернет назад и преступит (даже) до двенадцати раз, и затем снова раскается двенадцать раз, принося молитву в мистерии первой мистерии, он будет прощен. Если же он преступит после двенадцати раз и затем вернется и снова преступит, это не будет ему отпущено во веки веков так, чтобы он мог снова вернуться в свою мистерию, какова бы она ни была. Для него нет иной возможности раскаяния, кроме как если он получит мистерии от Неизреченного, Который имеет сострадание

во все времена и отпускает грехи во веки веков».^[313] Эти восстановления после проступка, когда «отпускается грех», встречаются в человеческой жизни и в особенности на высших ступенях эволюции. Человеку предоставляется возможность, которая, если бы он воспользовался ею, открыла бы перед ним новые возможности роста. Он пропускает эту возможность и теряет заслуженное им положение, которое сделало бы дальнейшие возможности доступными для него. Для него дальнейшее движение вперед временно приостановлено; он должен обратить все свои усилия, чтобы снова пройти уже пройденный путь, чтобы вернуть и укрепить то место, на котором он сделал неверный шаг. И только когда он это сделает, может он услышать тихий Голос, который скажет ему, что прошлое изжито, слабость превратилась в силу и вход снова открыт для него. И здесь опять «прощение» ни что иное, как заявление собственного внутреннего голоса об истинном положении вещей: об открытии входа для могущего и о закрытии его перед немогущим. Там, где произошло падение и следующее за ним страдание, подобное заявление может быть прочувствовано как «крещение во отпущение грехов», восстановление стремящегося к преимуществу, потерянного благодаря его собственному поступку. Естественно, что за этим последует чувство радости и мира, освобождение от печали и радостная уверенность, что цепи прошлого спали с него.

Непреложна одна истина, которую мы должны бы всегда помнить: что мы живем в океане света, любви и блаженства, который окружает нас всегда во все времена; этот океан – Жизнь Бога. Как физическое солнце затопляет землю своим сиянием, так и эта Жизнь просвещает всех, но с той разницей, что *это* Солнце мира никогда не заходит ни для одной из его частей. Мы закрываемся от этого света нашим себялюбием, нашим бессердечием, нашей нечистотой, нашей нетерпимостью, но оно все же продолжает светить над нами, окружая нас со всех сторон, напирая на построенные нами стены с мягкой, но неутомимой настойчивостью. Когда душа разрушает эти замыкающие стены, свет вливается неудержимо и душа радуется в этом солнечном сиянии, вдыхая блаженный воздух неба. «Ибо сын человеческий пребывает на небесах», хотя он и не знает того; и небесные дуновения доносятся до него каждый раз, как он пожелает, ибо Бог охраняет его независимость и не желает проникать в Его сознание, пока оно само не раскроется, приветствуя его. «Се стою у двери и стучу: если кто услышит шаг Мой и отворит дверь, войду к нему...»^[314] Это изречение передает отношение каждого высшего Существа к развивающейся человеческой душе: не из недостатка сочувствия происходит это ожидание, пока не откроется дверь, а из глубокой Мудрости.

Человек должен оставаться свободным. Он не раб, он – Бог в зачатке, и его рост не должен совершаться насильственно, он должен исходить изнутри велением его собственной воли. Лишь когда воля его согласна, – учит Джордано Бруно, – Бог начинает влиять на человека, хотя «Он всюду присутствует, готовый прийти на помощь каждому, кто обращается к Нему с разумением и кто беззаветно отдается ему с преданностью воли».^[315] «Божественная сила, проникающая все и вся, не предлагает и не отвергает иначе как через усвоение или отвержение самим человеком».^[316] «Она проникает быстро и решительно, подобно солнечному свету и являет себя каждому, кто поворачивается к Ней и раскрывается для Нее... Окна открываются и солнце проникает мгновенно, то же самое происходит и в этом случае».^[317]

Из всего этого следует, что чувство «прощения грехов» есть переживание, наполняющее сердце радостью тогда, когда воля человека настроена в созвучии с божественной Волей, когда в раскрытые окна души вливается солнечный свет любви, света и блаженства, когда часть чувствует себя единой с Целым и Единая жизнь проникает все существо человека. Вот та благородная истина, которая придает жизненное значение даже самому грубому представлению об «отпущении грехов» и которая, несмотря на неполноту этого представления, делает его

нередко вдохновителем для чистой и духовной жизни. Это и есть та истина, которая дается в малых мистериях.

Глава XII. Св. таинства

Во всех религиях существуют определенные церемонии или ритуалы, которым верующие придают большое значение, считают, что они оказывают благое влияние на принимающих в них участие. Церемонии эти обозначались словами *таинства*, или иным однозначным термином и все они носили один и тот же характер. Истинная суть и значение этих церемоний объяснялась народу лишь поверхностно; их истинное значение составляло в древние времена предмет изучения в малых мистериях.

Особый характер таинства заключается в его двух основных чертах. Первая – его внешняя церемония, которая есть ни что иное, как картинная аллегория, представление с помощью действия и известных материальных предметов, употребляемых особым способом, что отличает церемонию от словесной аллегории, от изложения данной истины посредством слов. Цель такую представления – изобразить как в живой картине известную истину, которую желательно внедрить в сознание присутствующих. В этом – первая и очевидная особенность таинства, отличающая его от других видов богослужения и медитации. Его назначение – воздействовать на людей, которые без подобного изображения не смогли бы уловить заключающуюся в таинстве истину, показать им в живой изобразительной форме ее внутренний смысл.

Правильное изучение таинства должно бы начинаться с понимания, что мы имеем дело с картинной аллегорией; следовательно, мы должны изучить: материальные предметы, входящие в состав аллегории, способ их употребления и значение совершаемого таинства.

Вторая особенность таинства состоит в том, что оно принадлежит к области невидимых миров, которые изучаются оккультной наукой. Лицо, совершающее обряд таинства, должно бы владеть этим знанием, так как большая часть действенной силы таинства зависит от знания отправляющего церковную службу. Таинство соединяет материальный мир с невидимыми областями, оно служит звеном между видимым и невидимым. И не только звеном, но и определенным методом, посредством которого энергии невидимого мира превращаются в явление физического мира; истинный метод видоизменения энергии одного вида в энергию другого вида совершенно такой же, какой происходит в гальваническом элементе, когда химическая энергия превращается в электрическую.

Суть всех энергий одна и та же, как в мире видимом, так и в невидимых мирах; но проявление энергии различается в соответствии с материей, через которую она проходит. Таинство служит как бы тиглем, в котором совершается духовная алхимия и заключенная в нем энергия, подвергаясь известным воздействиям, принимает новый, видоизмененный вид. Таким образом силы, принадлежащие высшим мирам вселенной, могут быть приведены в непосредственное соприкосновение с людьми, живущими в физическом мире и могут воздействовать на них как здесь, на земле, так и в своей собственной области. Таинства представляют собою тот конечный мост между видимым и невидимым, который дает возможность силам невидимых миров воздействовать на всех, принимающих участие в таинстве, если их внутреннее состояние удовлетворяет необходимым требованиям.

Таинства христианской церкви утратили много своего значения и понимания их оккультной силы в сознании людей, отделившихся от римско-католической церкви во время «Реформации». Предшествующее разделение на Восточную греко-православную и Западную Римскую церковь не имело влияния на веру христиан в силу таинств. Таинства оставались в обеих церковных общинах признанным звеном между видимым и невидимым и освящали жизнь верующего от колыбели до могилы, начиная с приветия в св. крещении и до напутствия в миропомазании.

Таинства были установлены оккультистами, которые знали невидимые миры и сознательно соединяли употребляемые материалы, произносимые слова и производимые жесты с такой целью, чтобы они достигали известных результатов.

Во времена Реформации отделившиеся церкви, сбросившие с себя иго Рима, были руководимы не оккультистами, а обыкновенными мирянами и все они, и хорошие, и плохие, были одинаково глубоко невежественны в явлениях невидимых миров и признавали одну только внешнюю оболочку христианства, букву ее догматов и внешнее богослужение. Последствия этого невежества сказались в том, что таинства утратили свое верховное значение в христианском богослужении и в большинстве протестантских общин свелись к двум: крещению и евхаристии. Хотя в наиболее значительных из отделившихся церквей священное значение остальных и не отрицалось явно, но эти два таинства были выделены особо из остальных как обязательные для каждого члена церкви, как необходимые для того, чтобы быть ее признанным полноправным членом.

Общее определение таинства дается правильно, если исключить излишние слова – «установленные Самим Христом» – в Катехизисе англиканской церкви; хотя и эти слова могли бы быть сохранены, если слову «Христос» придать мистическое значение. Там таинство определяется так: «Внешний и видимый знак внутренней духовной благодати, даруемой нам, установленный Самим Христом, как средство, благодаря которому мы воспринимаем благодать и залог, обеспечивающий нам таковую».

В этом определении мы находим обе отличительные черты таинства, изложенные выше. «Внешний и видимый знак» – картинная аллегория, а выражения: «средство, благодаря которому мы воспринимаем благодать» и «знак внутренней, духовной благодати» выясняют второе свойство таинства. Эти последние слова должны бы быть внимательно продуманы теми членами протестантских церквей, которые относятся к таинствам не более как к внешним церемониям. Ибо эти слова ясно говорят, что таинство есть действительно средство, благодаря которому благодать достигает до нас, из чего следует, что без этого посредничества она не могла бы перейти подобным же образом из мира духовного в физический мир. В этих словах – ясное признание второго аспекта таинства как средства, благодаря которому духовные силы приводятся в действие на земле.

Чтобы понять значение таинства, мы должны признать существование оккультной или скрытой стороны Природы, которая составляет ее жизненную, ее сознательную сторону, вернее, разум в Природе. В основе всех священнодействий кроется уверенность, что невидимый мир производит могущественное влияние на мир видимый, и для того, чтобы понимать таинства, мы должны иметь хотя бы некоторое понятие о тех невидимых разумных Силах, которые управляют Природой. Мы уже видели, изучая доктрину Св. Троицы, что Дух проявляется как троичное Я (*Self*), а так как Поле Его проявления есть Материя, т. е. внешняя сторона Природы, то ее и рассматривают не без основания как саму Природу. Необходимо изучить оба ее аспекта, как жизни, так и формы, чтобы правильно понять таинство.

Между высшей точкой нашей Вселенной, Св. Троицей, и человечеством существует целая цепь из различных степеней и Иерархий невидимых Существ; высочайшие из них – это семь Духов Господних, семь Огней или Пламеней, стоящих перед Престолом Божиим. [\[318\]](#) Каждый из них – во главе обширных сонмов Разумных Существ, которые все разделяют Его природу и действуют под Его управлением; они разделяются по степеням и носят в христианстве названия *престолов, господств, начал, сил, властей, архангелов, ангелов*; указания на них находятся в писаниях тех Отцов Церкви, которые были посвящены в великие мистерии. Таким образом, существует семь великих сонмов этих невидимых Существ и их Разум является божественным Разумом в Природе. С точки зрения оккультиста не существует мертвой силы и мертвой

материи. ^[319] И сила, и материя одинаково живы и деятельны; и та или иная энергия или группа энергий представляют собою покров Разума или Сознания, который пользуется этой энергией как своим внешним выражением, а материя, через которую проходит эта энергия, являет собой ту внешнюю форму, которую упомянутый Разум направляет и одушевляет. И пока человек не начнет рассматривать Природу с такой точки зрения, всякое эзотерическое учение останется для него книгой о семи печатях.

Без этих невидимых нами Жизней, без этих бесчисленных Разумов, которые одушевляют силу и материю составляя – вместе взятые – Природу, сама Природа не только осталась бы непонятной, но она потеряла бы всякое отношение как к божественной Жизни, которая движется внутри и вокруг нее, так и к человеческим жизням, которые развиваются в ее среде. Эти бесчисленные ангелы служат связью между мирами и они сами развиваются и растут, помогая эволюции существ низших ступеней; и когда мы узнаем, что и люди представляют собою ступени среди этих Иерархий разумных существ, новый свет занимается перед нами, освещая смысл эволюции. Эти ангелы, «Сыны Божии», более раннего происхождения по сравнению с нами, и это они «воскликали от радости, когда было заложено основание нашей земли при общем ликовании Утренних Звезд». ^[320]

Другие существа – животные, растения, минералы и элементарные жизни – ниже нас по эволюции подобно тому, как ангелы – выше нас. И когда мы изучаем все эти ступени, в нас возникает представление о великом Колесе Жизни, о бесчисленных существованиях, взаимно связанных и необходимых одно для другого. Колесо, в котором человек, как отдельный разум, как самосознающее существо, занимает свое особое место. Колесо не переставая вращается благодаря божественной Воле, а разумные существа, которые его составляют, учатся содействовать этой Воле; когда же в действиях этих разумных существ возникает остановка или несоответствие благодаря небрежности или противодействию божественной Воле, тогда движение Колеса замедляется и колесница мировой эволюции подвигается лишь с трудом по своему пути.

Эти бесчисленные Жизни, как превышающие человека, так и стоящие ниже его, приходят в соприкосновение с его сознанием различными путями; между прочим, путем звуков и красок. Каждый звук имеет свою форму в невидимом мире, а комбинации звуков создают сложные фигуры. ^[321] В тонкой материи этих миров все звуки сопровождаются соответствующим цветом, благодаря чему возникают многоцветные формы, нередко чрезвычайно красивые. Вибрации, возникающие в видимом мире, когда звучит та или другая нота, вызывают вибрации в мирах невидимых, и все они имеют свои особые свойства, способные производить известный результат. В сношениях с невидимыми низшими существами, имеющими отношение и к невидимому, и к физическому миру, для того, чтобы контролировать и направлять их действия, требуются известные звуки, способные производить на них желаемое воздействие. Точно также и в сообщениях с высшими Сущностями известные звуки содействуют созданию гармонической атмосферы, благоприятной для их деятельности, а также и для того, чтобы сделать наши собственные проводники восприимчивыми для их влияния.

Это воздействие на наши невидимые проводники или тела играет большую роль в области оккультного расположения звуков. Наши невидимые тела, подобно физическому, находятся в постоянном вибрирующем движении, причем вибрации меняются с каждой мыслью и с каждым желанием. Эти меняющиеся беспорядочные вибрации представляют собою препятствие для всех новых, приходящих извне вибраций; для того же, чтобы сделать наши проводники восприимчивыми для высших влияний, употребляются звуки, которые приводят их хаотические вибрации к устойчивому ритму, сходному по своему свойству с ритмом той высшей Сущности, которую мы призываем. Значение много раз повторяемых сентенций подобно настройванию

музыкальных инструментов, когда одна и та же нота повторяется на всех инструментах до тех пор, пока все они не приводятся в полное созвучие. Наши тонкие тела должны быть настроены на ту основную ноту, которой отличаются вибрации призываемого Существа для того, чтобы дать возможность его влиянию свободно проникать в проводники молящихся, и это достигалось в древние времена при помощи звуков. Вот почему музыка составляла всегда необходимую часть богослужения и известные определенные музыкальные созвучия тщательно сохраняясь, передавались из поколения в поколение.

В каждой религии имеются определенные звуки, называемые «Словами Могущества», которые состоят из изречений, выраженных особым наречием и которые поются особым образом; каждая религия имеет запас таких изречений, в которых звуки чередуются особым способом. На Востоке такие изречения называются «мантрами» и они являются результатом глубокого знания в этой области. Нет необходимости, чтобы мантра – чередование звуков, построенное особым образом, чтобы вызывать определенный результат – была выражена на каком-либо одном особом языке. Каждый язык может служить для этой цели, хотя некоторые наречия более подходящи, чем другие; главное в том, чтобы лицо, которое составляет мантру, обладало нужным для того оккультным знанием. На санскритском языке существуют сотни мантр, составленные в древности оккультистами, которым хорошо были известны законы невидимых миров. Мантры эти передавались от поколения в поколение и представляли собой ряд слов, чередующихся в определенном порядке и поющихся определенным образом. Цель такого пения – создать вибрации, а из них образовать формы как в физическом, так и в сверхфизическом мирах; результат же будет зависеть от знания и нравственной чистоты поющего: чем эти свойства совершеннее, тем выше окажутся миры, до которых достигнут его вибрации. Если его знание обширно и глубоко, если воля его сильна и сердце чисто, почти нет пределов тем силам, которые он может проявлять при посредстве этих древних мантр.

Повторяем, нет необходимости, чтобы мантры были составлены на санскритском языке; любой язык пригоден, если составлявший мантру обладал необходимым знанием.

В этом кроется причина, почему в римско-католической церкви употребляется латинский язык во всех важных актах богослужения. Происходит это не потому, что он – мертвый язык, «непонятный для народа», а потому, что в него вложена живая сила невидимых миров; и не для того, чтобы скрывать знание от народа, а для того, чтобы вызвать известные вибрации в невидимых мирах, которые не могут быть вызваны пением на современных европейских языках, *если* изречения составлены не оккультистом, способным ввести в него необходимую последовательность звуков. Перевести мантру на обыкновенный язык – это значит заменить «Слово Могущества» обыкновенным изречением; измененные звуки создадут иные вибрации и иные звуковые формы.

Некоторые расположения слов в латинском языке в соединении с сопровождающей их музыкой производят во время христианского богослужения заметные результаты в сверхфизических мирах, и каждый человек, сколько-нибудь чувствительный к высшим влияниям, испытывает это, когда поются некоторые из наиболее священных изречений, особенно во время обедни. Возникающие при этом в высших мирах вибрации действуют на тонкие проводники молящихся и в то же время передают Разумным Существам, населяющим эти миры, смысл мантры так же определенно, как слова, обращенные здесь на земле одним лицом к другому; звуки производят сверкающие формы и, уносясь в невидимые миры, действуют на их сознание и побуждают их оказать определенную услугу, просимую участниками в церковной службе.

Такие мантры составляют существенную часть каждого таинства.

Следующая существенная часть во внешней и видимой форме таинства – это известные жесты. Они носят названия Знаков или Печатей – оба слова означают в таинстве одно и то же.

Каждый знак имеет свое особое значение и указывает направление, даваемое невидимым силам, с которыми священнодействующий имеет дело, будут ли эти силы его собственные или проходящие через него. В обоих случаях эти знаки нужны для того, чтобы произвести желаемое действие, и они составляют существенную часть священного ритуала. Такой знак называется «Знаком Могущества», тогда как мантра носит название «Слова Могущества».

Интересно встречать в оккультных произведениях древних указания на те же факты, одинаково верные как тогда, так и теперь. В Египетской «Книге Мертвых» описывается посмертное странствование Души и мы там читаем, как на различных ступенях этого странствования ее останавливают, бросая ей вызов. Этот вызов исходит от Охранителей Входа в каждый последующий Мир, и Душа не может переступить его границы, если она не знает двух вещей: она должна произнести «Слово Могущества» и подать «Знак Могущества». Когда это Слово произнесено и когда этот Знак подан, засов у Входа падает и Охранители отступают, чтобы дать Душе пройти внутрь. Подобный же рассказ приводится и в мистическом христианском евангелии «Пистис София», о котором мы уже упоминали.^[322] Но здесь прохождение через различные миры совершает не Душа, освобожденная в смертный час от своего тела, а человек, добровольно покидающий его во время Посвящения. Существуют могучие Силы Природы, которые заграждают ему путь, и пока Посвящаемый не даст Слова и Знака, они не позволят ему пройти через врата их царства. Следовательно, это двойное знание было необходимо – уметь произнести Слово Могущества и подать Знак Могущества. Без этого движение вперед останавливалось, и таинство без этого не есть таинство.

Кроме того, во всех таинствах употребляется тот или другой физический материал, или должен бы употребляться.^[323] Это – символ того, что может быть достигнуто путем таинства и указание на свойство «внутренней и духовной благодати», получаемой через таинство. Это также материальный проводник благодати, не символический, а действительный, в котором происходит невидимая, но существенная перемена, делающая физический состав приспособленным для этой высокой цели.

Мы знаем, что физический предмет состоит из плотных, жидких и газообразных частиц, и далее – из эфира, который проникает все перечисленные составы. Через этот эфир проходят магнетические силы; он же соединен с частицами более тонкой материи, через которые проходят силы более высокого порядка, чем магнетические, хотя подобные им, но более могущественные.

Когда такой физический предмет подвергается магнетизации, происходит изменение в его эфирном составе, вибрации меняются, систематизируются и становятся соответствующими эфирным вибрациям магнетизера. Таким образом предмет становится как бы отражением природы магнетизера и более плотные частицы предмета под воздействием измененных эфирных вибраций начинают медленно менять размер своих вибрационных волн. Действуя таким образом на эфир данного предмета, магнетизер имеет возможность настраивать его эфирные вибрации в соответствии с своими.

В этом – тайна магнетического целения: неправильные вибрации больного приводятся в согласие с вибрациями здорового магнетизера так же определенно, как неправильно качающийся предмет приводится к правильному раскачиванию путем повторных размеренных ударов. Знающий целитель, подвергая магнетизации воду, излечивает ею своих больных; или, магнетизируя ту или иную ткань и прикладывая ее на больное место, уничтожает в нем болезнь; точно так же, приводя в действие сильный магнит или гальванический ток, он восстанавливает энергию ослабшей нервной системы. Во всех этих случаях приводится в движение эфир, благодаря чему и происходит воздействие на плотные физические частицы больного.

Подобный же результат происходит и тогда, когда на материалы, употребляемые при св.

таинствах, воздействовало Слово Могущества и Знак Могущества совершающего таинство. В эфире физической субстанции происходят магнетические изменения, а в ее сверхэфирных частицах совершаются процессы, по силе соответствующие знанию, чистоте и благоговению священнодействующего, который магнетизирует или, употребляя церковный термин, освящает Св. Дары. При этом Слово и Знак Могущества призывает к месту богослужения ангелов, имеющих особое отношение к употребляемым материалам и к совершаемому священнодействию; они оказывают свою могущественную помощь, внося свою собственную магнетическую силу в астральные и даже в эфирные частицы Св. Даров, усиливая таким образом магнетизм священника. Никто, знакомый с силами магнетизма, не усомнится в возможности произвести такие изменения в частицах физической субстанции. И если представитель науки, не верящий в невидимый мир, в состоянии насыщать воду своей жизненной силой в такой степени, что она может излечивать физические недуги, почему же отрицать *подобную же*, хотя и высшего качества силу у людей праведной жизни, благородного характера и знающих явления невидимого мира? Все, способные почувствовать высшие формы магнетизма, знают очень хорошо, что сила освященных предметов меняется в зависимости от знания, чистоты и духовности священника, освящающего их. Те люди, которые совсем не признают жизненного магнетизма и относятся одинаково отрицательно и к святой воде в церквях, и к магнетизированной воде целителя, доказывают свою последовательность, но в то же время и свое невежество; те же, которые признают полезность магнетизма в одном случае и издеваются над тем же явлением в другом, проявляют не мудрость, а предубеждение, не знание, а неведение; их религиозное безверие влияет на их рассудок и заставляет его вопреки логике отрицать в области религии то, что они признают в области науки. [\[324\]](#)

Из всего сказанного можно убедиться, что внешняя сторона св. таинства имеет большое значение. Происходят реальные изменения в употребляемых материалах. Они становятся проводниками сил, превышающих те силы, которые нормально принадлежат им; люди, приближающиеся к ним, трогающие их, подвергаются в своих эфирных и высших, невидимых для нас проводниках, воздействию их сильного магнетизма и становятся более доступными для высших духовных влияний, так как их проводники приведены в созвучие с высшими Существами, привлеченными Словом и Знаком, которые употребляются при посвящении. Существа эти, принадлежащие невидимым мирам, присутствуют при совершении таинства, изливая на участников свое благодатное влияние; и благодаря этому все достойные участники священного ритуала, если они способны настроиться на высшие вибрации, почувствуют, что эмоции их очистились, духовное восприятие усилилось и сердца их, соприкоснувшись с невидимыми Реальностями, наполнились миром и тихой радостью.

Глава XIII. Св. таинства (продолжение)

Теперь нам предстоит приложить эти общие основы к конкретным примерам и посмотреть, как они объясняют и оправдывают священные ритуалы различных религий.

Достаточно будет взять как пример три из семи таинств католической церкви. Два из них признаны всеми христианами как обязательные, хотя крайние протестанты не признают за ними священных свойств и смотрят на них лишь как на акт воспоминания; но даже и среди них сердце горячо верующего испытывает благо от того священного дара, который отрицается его умом.

Третье из семи совсем не признается за таинство протестантскими церквями, хотя оно и обладает всеми существенными признаками таинства, как они определяются англиканской церковью. [\[325\]](#)

Первое таинство – крещение; второе – св. причастие; третье – таинство брака. Исключение брака из числа таинств значительно понизило его высокий идеал и привело к той непрочности брачного союза, которая оплакивается людьми зрелого мышления.

Таинство крещения принадлежит всем религиям, и совершается не только при появлении младенца на свет, но и как ритуал очищения. Религиозная церемония при принятии новорожденного или взрослого в лоно религии всегда соединяется с орошением водой, и эта часть ритуала была так же универсальна в древности, как и в наши дни. Доктор богословия Джилвс замечает: «Идея употребления воды как эмблемы духовного очищения слишком очевидна, чтобы удивляться глубоким древности этого ритуала». Д-р Хайд в своем трактате «Религия древних персов» (гл. XXXIV, стр. 406) говорит, что крещение водой было всеобщим у этого народа. У них не было в употреблении обрезание новорожденных, но лишь крещение или омовение для очищения души. Они приносили младенца в храм и священник помещал его лицом к солнцу и к огню и после этой церемонии ребенок считался освященным. Лорд упоминает, что они приносили воду для крещения в коре дерева «Хольм»; это дерево и есть то Хаум Магов, о котором мы упоминали по другому поводу. Но иногда крещение производилось иначе, путем погружения младенца в большой сосуд с водой, как о том свидетельствует Тавернье. После такого крещения священник произносил имя новорожденного, избранное родителями.^[326] Спустя несколько недель после рождения индусского младенца происходила церемония, в которую входило его окропление водой; подобное окропление составляет вообще часть каждого богослужения в Индии. Уильямсон, ссылаясь на авторитетных писателей, утверждает, что таинство крещения существовало среди народов Египта, Персии, Тибета, Монголии, Мексики, Перу, Греции, Рима, Скандинавии, а также у друидов.^[327] Некоторые из приводимых молитв, которые произносились по этому случаю, отличаются большой красотой: «Молюсь, чтобы эта небесная вода, голубая и светло-голубая, проникла в твое тело и жила бы в нем. Молюсь, чтобы она уничтожила в тебе и отстранила от тебя все злое и враждебное, что было дано тебе до начала мира». «О дитя! прими воду Владыки мира, который есть наша жизнь, чтобы омыть и очистить тебя; да снимут эти капли грех, который был дан тебе прежде создания мира, ибо все мы во власти его».

Тертуллиан упоминает об общем обычае крещения среди нехристианских народов в отрывке, приведенном в главе «Мифический Христос».^[328] И другие Отцы Церкви упоминают об этом обычае.

В большинстве религиозных общин краткая форма крещения совершается при всех религиозных церемониях, причем вода употребляется как символ очищения, а внутренний смысл ритуала состоит в том, что ни один человек не должен бы участвовать в богослужении, пока он не очистил своего сердца и совести; внешнее омовение символизировало внутреннее очищение. В Греческой и Римской церквях небольшой сосуд со священной водой находится у входной двери и каждый входящий погружает в нее пальцы правой руки, налагая на себя знак креста перед тем, как войти внутрь церкви. Поэтому поводу Р. Тэйлор замечает: «Крестильная купель в наших протестантских церквях и особенно маленькие цистерны при входе в католические капеллы – не подражания, но нерушимое, никогда не прерывавшееся продолжение той же *aqua minaria* или *amula*, которую по свидетельству Монфокона в его труде «*Antiquities*» язычники ставили при входе в свои храмы, чтобы входящие могли окроплять себя освященной водой».^[329]

В обоих случаях: и в крещении, при вступлении новорожденного или взрослого в лоно христианской церкви, и в этих меньших окроплениях вода представляет собой великий омывающий флюид природы, а следовательно и наилучший символ для очищения. Над освящаемой водой произносится мантра, в англиканском ритуале в виде молитвы,

начинающейся словами: «Освещаю эту воду для мистического омовения греха», и кончающейся священной формулой: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь». Это и есть Слово Могущества, сопровождаемое Знаком Могущества, Знаком Креста, над поверхностью воды.

Это Слово и этот Знак придают воде, как выше было объяснено, новое свойство, которого она до этого не имела и поэтому название «святая вода» оправдывается вполне. Темные силы не приблизятся к ней; окропленному ею дается чувство мира и новый приток духовной жизни. Когда происходит крещение младенца, духовная энергия, проникающая в волю помощью Слова и Знака, усиливает в нем духовную силу, а затем произносится Слово Могущества уже над самим младенцем и Знак Могущества налагается на его лбу, производя в его невидимых проводниках вибрации, которые отзываются в невидимом мире как призыв охранять его освященную жизнь. Ибо знак Могущества одновременно и очищает, и охраняет: очищает той живой силой, которая проходит через него, и охраняет благодаря вибрациям, которые он вызывает в невидимых телах младенца. Вибрации эти образуют защитную стену в невидимом мире против нападения враждебных влияний, и каждый раз, когда человек прикасается к святой воде, произносит Слово Могущества и налагает на себя знак Креста, одухотворяющие вибрации в нем усиливаются, ибо Могущество Слова и Знака признается в невидимых мирах и вызывает помощь.

В ранний период христианской церкви крещению предшествовало тщательное подготовление и это было необходимо ввиду того, что вступающие в лоно церкви принадлежали перед тем к другим вероисповеданиям. Обращенный проходил через три определенные ступени наставления, оставаясь на каждой из них до тех пор, пока не овладевал вполне данным ему обучением; и только после усвоения всех трех ступеней получал крещение, открывавшее ему доступ в церковь. Затем ему сообщался Символ Веры, который не разрешалось ни записывать, ни даже произносить перед неверующими; он служил признаком, по которому узнавалось положение обращенного; знание произносимого символа означало, что обращенный прошел через акт крещения и принят полноправным членом церкви. Насколько глубока была в те времена вера в благодать, даруемую при крещении, можно судить по тому, что возник обычай креститься перед смертью. Уверенные в реальной силе крещения люди, принадлежавшие к светскому обществу и не желавшие отказаться от мирских удовольствий, откладывали таинство крещения до своего смертного часа, чтобы воспользоваться даруемой им духовной благодатью и пройти через врата смерти очищенными и исполненными духовной силой. Против этого злоупотребления некоторые Отцы Церкви боролись, и борьба их была успешна. Существует рассказ, если не ошибаюсь, св. Афанасия, который обладал большим остроумием и когда хотел показать своим слушателям всю неосмысленность или недоброкачественность их поведения, призывал на помощь юмор. Он рассказал своей пастве, что имел видение: он шел к дверям Неба, у которых стоял Св. Петр на страже; но встретил он подходившего не с радостной улыбкой, а нахмуренный и с недовольным видом. «Афанасий, – сказал он, – зачем ты не переставая посылаешь мне эти пустые мешки, тщательно запечатанные, в которых нет ничего?» Это одно из самых беспощадных изречений, встречающихся в древнем христианстве, когда эти вещи были реальностью для христиан, а не простыми формами, как для большинства в наши дни.

Обычай крестить младенцев возник постепенно, а то обучение, которое предшествовало в первые времена христианства таинству крещения, превратилось в приготовление к конфирмации, когда пробужденный ум воспринимает и подтверждает смысл крещения. Принятие младенца в лоно церкви имеет свое оправдание, если признать, что человеческая жизнь протекает в трех мирах, и что Дух и Душа, долженствующие обитать в новорожденном теле, не являются неразумными и бессознательными, а наоборот, сознательными и разумными в невидимых для нас мирах. Зная это, приветствие «сокровенному сердцу человеку», ^[330] вступившему на новую ступень своего странствования и призывание наиболее благотворных

влияний на то тело, в котором ему придется жить на земле, – нельзя не признать правильным и справедливым. Если бы глаза людей раскрылись, как это случилось в древности со слугой пророка Елисея, и они увидели бы огненных коней и огненные колесницы вокруг горы, на которой находится Пророк Господний. [\[331\]](#)

Теперь мы подошли ко второму таинству, намеченному для изучения, к таинству евхаристии; это – символ вечной Жертвы, уже разъясненный нами, и в то же время ежедневное жертвоприношение католической церкви везде, где она существует, дабы изобразить эту вечную жертву, благодаря которой возникли миры и сохраняется их бытие. Она должна быть приносима ежедневно, так как ее прообраз существует вечно, и в этом таинстве люди приобщаются к действию Закона Жертвы, они отождествляют себя с ним, признают его связующую природу и добровольно присоединяются к его воздействию на миры. Чтобы подобное отождествление было полным, следует принимать участие и в материальной части таинства, но даже и одно мысленное участие в нем верующих все же приносит им духовное благо и в то же время усиливает его благое влияние на мир.

Этот важный отдел христианского богослужения теряет свою силу и свое значение, если его рассматривают только как воспоминание жертвы, принесенной в прошлом, как картинную аллегория без глубокой одухотворяющей его истины, как одно преломление хлеба и возлияние вина без участия в извечной Жертве. Смотреть на него так – значит лишить его жизни, сделать из него мертвую картину вместо живой реальности. «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение крови Христовой? – спрашивает апостол. – Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение тела Христова?» [\[332\]](#) И далее апостол разъясняет, что все, вкушающие от жертвы, становятся участниками общей жизни и соединяются в одном теле, разделяющем природу того Существа, которое присутствует в жертве. Здесь апостол касается факта невидимого мира и говорит с авторитетом знающего. Невидимые Существа изливают свою жизнь в употребляемые при каждом священном ритуале материалы и благодаря этому все приобщающиеся соединяются с сутью этих Существ и разделяют с Ними общую природу. Это бывает даже и тогда, когда мы принимаем обыкновенную пищу из рук другого: часть его жизненного магнетизма смешивается с нашим магнетизмом; насколько же это действительно, когда дело идет о пище, которая была торжественно и сознательно приведена в контакт с тем высшим магнетизмом, который влияет не только на видимое физическое, но и на невидимые тела человека.

Если мы хотим вполне уразуметь значение и действие Причастия, мы должны понять и то, что совершается в невидимых мирах, и смотреть на таинство причащения и как на связующее звено между земным и небесным, и как на акт всеобщего сотрудничества с Законом Жертвы; иначе оно теряет большую часть своего значения.

Употребление хлеба и вина, как материалов при совершении св. евхаристии, также как и пользование водой в таинстве крещения, идет из глубокой древности и было применяемо во всем мире. Персы жертвовали хлеб и вино Митре, и такие же приношения делались в Тибете и среди татар. Пр. Иеремия упоминает о хлебах и напитке, приносимых Царице Небесной евреями в Египте, когда они принимали участие в Египетском богослужении. [\[333\]](#) В Библии мы читаем, как Мелхиседек, Царь– Посвященный, употреблял хлеб и вино, когда благословлял Авраама. [\[334\]](#) И в различных греческих мистериях употреблялись хлеб и вино, а Уильямсон упоминает о том же обычае среди мексиканцев, перуанцев и друидов. [\[335\]](#)

Хлеб представляет собой общий символ той пищи, из которой строится тело, а вино – символ крови, рассматриваемый как жизненный флюид, «ибо душа тела в крови». [\[336\]](#) Отсюда убеждение, что члены семьи имеют одну и ту же кровь, и иметь одну кровь означало быть из

одной породы. Отсюда же древняя церемония «кровного договора»; когда чужого принимали в свою семью или в свое племя, кровь одного из его членов вводили в жилы принимаемого, или заставляли его выпить – обыкновенно разведенную в воде кровь – и с этой минуты он считался как бы рожденным в этой семье или в этом племени, одной крови с его членами.

Подобно тому и в св. евхаристии верующие разделяют хлеб, символизирующий тело или природу Христа, и вино, символизирующее кровь или жизнь Христа, и таким образом становятся в родстве с Ним.

Слово Могущества при совершении таинства: «Се есть Тело Мое» и «Се есть Кровь Моя». Его сила и производит изменения в субстанции хлеба и превращает его в проводник духовной энергии. Знак Могущества – это рука, простертая над хлебом и вином, и знак Креста, который не всегда выполняется протестантскими священниками. В этом состоит внешняя суть таинства евхаристии.

Важно понять те изменения, которые происходят при этом в таинстве, так как это не только магнетизация, о которой речь была выше, но и нечто большее. Здесь мы имеем частный пример общего закона.

Оккультизм признает видимую форму последним физическим выражением невидимой истины. Все, что существует на земле, есть физическое выражение мысли. Предмет – не более как идея, выявленная и уплотненная. Все предметы в мире форм суть божественные Идеи, выраженные в физической материи. Раз это так, реальность предмета заключается не в его внешней форме, а в его внутренней жизни, в той идее, которая формовала материю в свое видимое выражение. Материя высших миров, чрезвычайно тонкая и пластичная, поддается очень легко силе мысли и также легко меняет свою форму с изменением мысли. По мере того, как материя становится плотнее и тяжелее, она труднее меняет свою форму, пока, дойдя до предела своей плотности в физическом мире, не становится прочной и трудно изменяемой. Но если ей предоставить достаточно времени, даже и эта тяжелая материя меняется под влиянием одушевляющей идеи, что можно ясно проверить на человеческом лице, которое меняется под влиянием различных мыслей и эмоций.

Эта истина лежит в основе доктрины *пресущствления*, которая так плохо понимается заурядным протестантом. Но такова была всегда судьба оккультных истин, когда их сообщали невежественным людям. Измененная «субстанция», это – идея, которая превращает предмет в форму, соответствующую ей. «Хлеб» перестает быть мукой и водой; идея, которая управляет смешением муки и воды и приготовлением теста, это и есть «субстанция», делающая его «хлебом», а мука и вода – это то распределение частиц материи, которое дает идее форму. Изменяется идея или субстанция, и мука и вода принимают другую форму, как это бывает и тогда, когда мука и вода ассимилируются телом.

Химики открыли, что тот же род и то же число химических атомов может быть расположено различным образом, и благодаря этому стать совершенно другими, получить иные свойства, хотя материалы остаются те же самые; такие «изометрические соединения» принадлежат к числу наиболее интересных химических открытий нашего времени; они доказывают, что распределение одинаковых атомов под воздействием различных идей дает различные тела.

Каково же это изменение субстанции в материалах, употребляемых в св. евхаристии? Идея, давшая начало данному предмету, изменилась; в своем нормальном виде хлеб и вино представляют собой предметы питания, выражающие собой идею питательных веществ, пригодных для построения тела. Новая идея представляет собой идею природы и жизни Христа, пригодной для построения духовной природы и духовной жизни человека. Перемена произошла в субстанции, самый предмет и его физический материал не изменился, изменилась его тонкая

невидимая материя под воздействием измененной идеи и эта перемена придала предмету новые свойства. Эти свойства действуют на тонкие тела причастников и настраивают их на природу и жизнь Христа. И от «достоинства» причастника зависит размер воздействия, оказанного на него.

На недостойного участника то же самое воздействие окажет разрушающее влияние, так как его природа, сопротивляясь действующим на нее силам, разбивается о них, подобно тому, как может разбиться вдребезги физический предмет благодаря сильному напору вибраций, которые он не в состоянии воспроизвести.

Таким образом, достойный причастник вступает в единение с природой Жертвы, с Христом, и благодаря этому соединяется также и с божественной Жизнью, или с Отцом Христа. Так как акт жертвы со стороны формы означает отдачу своей отдельной жизни, чтобы стать частью общей жизни, то благодаря этой отдаче жертвователю вступает в единство с Богом. Это – самоотречение низшей природы в пользу высшей, отдача тела, как орудия *отдельной* воли, чтобы стать орудием *божественной* Воли; чтобы предоставить свои «тела в жертву живую, святую, благоугодную Богу». ^[337] Из этого следует, что учение церкви было истинно: праведный участник в таинстве евхаристии действительно разделяет жизнь Христа, излитую для людей.

Превращение низшего в высшее – вот цель этого таинства, как и всех остальных таинств. Изменение низшей силы благодаря ее соединению с высшей силой – вот к чему должны стремиться участники таинств; и все, кому известна эта внутренняя истина и кто сознает действительность высшей жизни, могут – благодаря таинствам, к какой бы религии они ни принадлежали, – войти в более совершенное, более полное соприкосновение с божественной Жизнью, которая поддерживает все миры; но для этого необходимо приступать к таинству с восприимчивой душой, с верой и с открытым сердцем, тогда обнаружится вся его реальная сила.

Таинство брака обладает всеми признаками таинства столь же ясно и определенно, как и крещение и евхаристия. В нем также соединяются и внешний знак и внутренняя благодать. Физический материал представляет собой обручальное кольцо – замкнутый круг, символ вечного; Слово Могущества – древнюю формулу: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа»; Знак Могущества – соединение рук брачующихся, символизирующее соединение их жизней, что вместе взятое представляет собой внешнюю сущность таинства.

Внутренняя благодать состоит в соединении души с душой, сердца с сердцем, которое делает возможным осуществление духовного единения, без чего брак перестает быть браком и превращается в временное телесное соединение. Обмен кольцами, произнесение формулы, соединение рук – все это представляет живописную аллегория; если брачующиеся не восприняли внутреннюю благодать и не зажглись горячим желанием соединиться друг с другом полнотой всего своего существа, в таком случае таинство теряет для них все свои благие свойства и становится одной лишь формой.

Но брак имеет еще более глубокое значение; все религии признали его символом союза между земным и небесным, союза между Богом и человеком. Но и этим не исчерпывается его значение, ибо таинство брака есть символ отношения между Духом и Материей, между Св. Троицей и Вселенной. Вот какое глубокое значение имеет соединение мужчины и женщины в истинном браке.

В этом таинстве муж – представитель Духа, Троицы жизни, а женщина – представительница Материи, Троицы творческого материала. Один дает жизнь, другая воспринимает и питает ее. Они дополняют друг друга, две нерасторжимые половины одного целого, не способные существовать одна без другой. Как для Духа необходима Материя, а для Материи – Дух, так же необходим муж для жены, и жена для мужа. Подобно тому, как Существование перестает быть абстракцией только, когда проявляется как двойственность Духа

и Материи, независимых один от другой, но способных проявиться лишь в союзе друг с другом, так и человечество, проявленное в двух аспектах – мужа и жены, не в состоянии существовать отдельно, один без другого. Они не есть два, но одно, двуликое единство. Бог и Вселенная олицетворяются в таинстве брака, в такой степени тесна связь между мужем и женой.

Мы сказали выше, что таинство брака есть также образ союза между Богом и человеком, между вселенским и индивидуальным Духом. Эта символика употребляется во всех Св. Писаниях – индусском, еврейском, христианском. И тот же символический смысл был расширен, когда говорилось об индивидуализированном Духе, как о нации или церкви, собрании Духов, соединенных воедино. Так, пророк Исаия объявляет Израилю: «Как юноша сочетается с девой, так сочетаются с тобой сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой».^[338] Так же и Св. Павел писал в своем Послании, что таинство брака изображает собою Христа и Его церковь.^[339]

Если мы мыслим Дух и Материю в их скрытом, непроявленном виде, мы не видим никакого явления жизни; проявленные совместно, они производят эволюцию. И также – пока две половины человечества не проявляются, как муж и жена, не возникнет новой жизни. Более того, они должны быть соединены и для того, чтобы быстрее расти внутренне благодаря взаимному обмену свойств, благодаря обогащению одного из них недостающими ему качествами другого. Обе половины должны раствориться друг в друге, являя в своем единстве духовные возможности человека; они должны стать образом совершенного человека, в котором оба элемента, и Дух, и Материя развиты в совершенстве и пришли в полную гармонию – образом того Богочеловека, который соединяет в себе мужа и жену, мужественные и женственные элементы природы, как «Бог и человек едины во Христе».^[340]

Кто таким образом понимает таинство брака, тот знает, почему религии признавали всегда брак нерасторжимым и считали, что человечество потеряет меньше, если некоторые, мало соответствующие друг другу пары пострадают, чем если высокий идеал брака будет принижен навсегда и для всех. Пусть народ избирает, что для него важнее как национальный идеал: духовная или физическая связь в браке, искание в нем духовного единства, или одной физической связи. Первое есть религиозная идея брака, как таинства; второе – материалистическое понимание брака, как обыкновенного срочного договора. Но изучающий малые мистерии должен смотреть на него не иначе, как на священный ритуал.

Глава XIV. Откровение

Все религии, известные нам, являются охранителями Священных Писаний и при разрешении спорных вопросов ссылаются на них. Священные книги содержат учения, данные Основателем религии, или позднейшими Учителями, за которыми признано сверхчеловеческое знание. И даже когда в недрах самой религии возникают враждующие секты, тем не менее каждая из них опирается на Священный Канон и в его словах ищет подтверждения, оправдывающего ее собственные сектантские доктрины. Как ни велика разница между верованием крайней римско-католической и крайней протестантской церкви, обе ссылаются на одну и ту же «Библию». И как ни далеки друг от друга философ, последователь веданты, и темный безграмотный валлабхачарья, они оба смотрят на «Веды» как на верховное знание. И как резко ни расходятся в своих понятиях шииты и сунниты, они одинаково признают священный «Коран».

Относительно значения текстов возможно возникновение противоречий и ссор, но сама Св. Книга продолжает вызывать к себе неизменно глубокое почитание. И это не может быть иначе, потому что каждая подобная книга содержит в себе частицу Откровения, обнародованную Тем, кому оно было доверено; подобная частица и есть то, что люди называют Св. Писанием и что представляет собою сокровище величайшей ценности. Эта часть Откровения избирается в соответствии с нуждами данного времени, с особенностями народа, кому она предназначается, с типом той расы, которому дается новое учение. Оно облекается обыкновенно в особую форму, которая – дается ли она в виде внешней истории, или повествования, или песни, или псалма – является для невежественного или поверхностного читателя всем содержанием книги; в действительности под этой внешней формой хранится глубокий смысл, скрытый или в числах, или в словах, расположенных по определенному плану (тайный шрифт), или же в символах, понятных для подготовленного, иногда же в виде аллегорий, а также и другими способами.

Эти книги обладают особыми священными свойствами и по внешней форме и по одушевляющей их внутренней жизни; это внешний символ, скрывающий внутреннюю истину. И только те могут объяснить скрытое значение подобной книги, кому оно было передано посвященным в ее истинную суть. Отсюда изречение Св. Петра: «Никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою».^[341]

Многоречивые объяснения библейских текстов, которыми наполнены многотомные труды Св. Отцов, кажутся вымученными и произвольными для прозаического современного ума. Непонятная игра с цифрами и с буквами и с виду фантастические толкования параграфов, которые имеют внешний вид обыкновенного исторического события, раздражают современного читателя, который желает, чтобы факты были представлены ясно и в логической связи, и прежде всего требует, чтобы они опирались на то, что он считает твердой почвой. Он отказывается следовать за мистиком в область, которая представляется ему болотной трясиной, в погоню за перелетами блуждающих огоньков, то появляющихся, то исчезающих безо всякого разумного основания. А между тем, люди, писавшие эти непонятные для него трактаты, были одарены блестящим интеллектом и ясным суждением, были мудрыми строителями церкви. Но для того, кто относится к их писаниям правильно, они и до сих пор полны ценных внушений, намеков и указаний на многочисленные незаметные тропинки, которые ведут к познанию и которые иначе могли бы затеряться.

Мы уже видели, что Ориген, обладавший редким здравым смыслом, учит, что Св. Писания нужно рассматривать в их троичном значении, которое состоит из Тела, Души и Духа.^[342] Он говорит, что Тело Писаний – это внешние слова историй и сказаний, и, не колеблясь, заявляет,

что в них нет буквальной правды, что они являются лишь повествованиями для назидания невежественного читателя. Он даже идет так далеко, что делает замечание, по которому видно, что в этих повествованиях приводятся положения, явно невозможные, и делается это для того, чтобы поражающие противоречия внешнего повествования заставили людей искать истинное значение этих невозможных рассказов. Он утверждает, что, пока люди остаются невежественными, «Тела» достаточно для них: оно дает им учение, предлагает назидания, и они не видят тех противоречий и невозможностей, которые встречаются в буквальном смысле повествования, и потому противоречия эти не смущают их. Но по мере того, как умственные способности растут и развивается интеллект, эти черты в Св. Писании начинают поражать.

Тогда изучающий Библию начинает под внешним покровом искать более глубокий смысл и приходит в соприкосновение с «Душой» Писания; и тогда «Душа» является наградой для прилежного искателя истины, и он освобождается от рабства буквы, которая мертвит. ^[343] «Дух» же Писаний доступен лишь духовно просветленному человеку: только те, в ком уже пробудился Дух, могут понимать их духовный смысл: «Божьего никто не знает, кроме Духа Божия... что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого...»^[344]

Причину такого способа Откровения нетрудно найти: это – единственный прием, благодаря которому даваемое обучение может быть доступно человеческому уму на различных ступенях эволюции – прием, который может воспитывать не только тех, для кого оно непосредственно дается, но и тех, которые в позднейшие времена перерастут своих предков.

Человек прогрессирует; внешний смысл, данный в давние времена неразвитым людям, был по необходимости ограничен, и если бы в Св. Писании не заключался более глубокий смысл, через тысячу лет его значению и ценности наступил бы неминуемый конец. Но благодаря этому методу последовательно раскрывающегося смысла Св. Писание приобретает непреходящую ценность, и умственно развитые люди могут находить в нем скрытые сокровища до того времени, когда, овладев *всем* его содержанием, они уже не будут нуждаться в его частях.

Из этого следует, что мировые Св. Писания действительно части Откровения, и поэтому их правильно обозначают словом «Откровение».

Следующий за тем более глубокий смысл слова «Откровение» означает те учения, которые духовные Учителя Великого Братства сохраняют для помощи человечеству. Учения эти заключены в книгах, писанных символами, в которых выясняются космические законы, те основы, на которых зиждется космос, методы его эволюции, перечисляются все существа, населяющие его, излагается повесть его прошлого, его настоящего и его будущего. Это и есть «Откровение», то бесценное сокровище, которое бережется Охранителями человечества, и из которого Они от времени до времени избирают отделы, известные нам, как мировые Библии.

Третий смысл Откровения, наивысший и наиболее полный и совершенный, это – Самораскрытие Божества в космосе, обнаружение одного за другим Его атрибутов, Его могущества и Его красоты во всех разнообразных формах, которые в своей совокупности составляют вселенную. Бог раскрывает Свое сияние в солнце, Свою бесконечность в усеянном звездами пространстве; Свою силу в горных великанах; Свою чистоту в их снеговых вершинах и в прозрачности обвевающего их воздуха; Свою энергию в вздымающихся волнах океана; Свою красоту в горных водопадах, в зеркально ясных озерах, в прохладной тени лесов и в залитых солнцем долинах; Свое бесстрашие Он раскрывает в герое, Свое терпение в святом, Свою нежность в материнской любви; Свою охраняющую заботу в отце и в мудром правителе, Свою мудрость в философе, Свое знание в ученом, Свою целительную силу в целителе, Свою справедливость в неподкупном судье, Свое богатство в коммерсанте, Свою назидательную силу в священнике, Свое искусство в художнике и ремесленнике.

Его шепот доносится до нас в ласкающем ветерке, Его улыбка светит на нас в лучах солнца, Он исправляет нас в болезнях, Он побуждает нас иногда успехами, иногда неудачами. Всюду и во всем посылает Он нам мимолетные отражения Себя, чтобы заставить нас полюбить Его, и скрывает Себя от нас для того, чтобы мы научились стоять твердо в одиночестве.

Познать Его во всем есть истинная Мудрость; любить Его во всем есть истинное Желание; служить Ему во всем есть истинная Деятельность. Это Самораскрытие Бога есть высочайшее Откровение; все другие – второстепенные и частичные.

Человеком вдохновенным можно назвать того, до кого достигают проблески этого Откровения, кто сознает воздействие единого мирового Духа на ту его отделившуюся частицу, которая воплотилась в человеке; того, который почувствовал просветляющее воздействие мирового Духа на свой Дух. Ни один человек не может познать истину в такой мере, чтобы сомнение стало невозможным для него, пока Откровение не осветит его разума, пока божественное вне его не коснется внутреннего Бога в храме его сердца; и тогда он познает истину сам, без посредников.

Вдохновенным, хотя и в меньшей степени, бывает человек и тогда, когда другой, опередивший его, пробуждает в нем силы, которые в нормальном его состоянии еще не действуют, или когда этот опередивший его человек пользуется его мозгом, как проводником. В такие минуты просветления вдохновенный человек может говорить вещи, превышающие его знание, провозглашать истины, до тех пор неведомые для него. Таким образом раскрываются иногда через человеческий проводник истины, и Существо, превышающее говорящего, посылает через него свою мудрость на помощь миру, и тогда происходит чудо, и ангел Господень налагает на его уста огненную печать^[345]. Так было с истинными Пророками, которые временами говорили с подавляющей силой, с ясным прозрением, с полным пониманием духовной нужды человека. И тогда слово живет бессмертной жизнью, и говорящий становится поистине посланником Бога. Человек, который познал *таким* знанием, никогда уже не забудет познанное и унесет в своем сердце уверенность, которая никогда не покинет его. Свет может погаснуть, небесный луч исчезнуть в нависших облаках; угрозы, сомнения, вызовы могут обрушиться на него; но в глубине его сердца хранится Тайна Мира – он уверен, он помнит, он познал.

Это воспоминание об истинном вдохновении, эта реальность сокровенной жизни прекрасно передана Фр. Майерсом в его поэме «Св. Павел». В этой поэме апостол говорит о своем собственном переживании, старается выразить в словах то, что сохранилось в его душе, и хотя он не в состоянии передать в полноте свой внутренний опыт, он все же *знает*, и его уверенность непоколебима:

И даже я, пылавший вдохновеньем,
Я, говоривший с Ним... забыл, отрекся вновь...
О, сколько дней с рыданьем и моленьем
Взывал к Нему, в дар принося Ему любовь.

И каждый раз, средь муки и стенанья,
Когда душою скорбной я Его ищу,
Как молния ожжет меня сознание
Что Бог во мне, и я – пронзенный – трепещу.

Когда огнем пылающие строки
«Мане, Факел, Фарес» вдруг осветят ваш дом,
Раз не поняв в *тот* миг тех слов уроки,

Сумеет ли душа их разобрать потом?

Когда б громopodobный глас небесный
О тайнах звезд земле задумал петь,
Вы, потрясая тайной той чудесной,
Едва ли звуки те смогли бы разуместь.

И мне чуть внятн Голос откровенья,
Но мощь внутри души – скопляясь – растет,
Едва ль мне ясно слов Его значенье,
Но сила пламени в устах моих живет.

Не может тот, в ком Дух живет Владычный,
Его не признавать, в сомненьи отрицать,
Отвергнет Его мира строй обычный —
Я буду все ж один у Ног Его стоять.

Скорее мир сомнению подвергнет
Дары природы все, дождь плодоносный, гром,
Чем Духа тот в душе своей отвергнет,
В ком загорелся Свет, роднящий с Божеством.

И если б ты лишил его блаженства,
Измучил, в одиночество и скорбь изгнал,
Он на кресте явил бы совершенство
И в бездну ада прошептал бы: «я познал».

Каждый человек, который достиг сознания, что Бог всюду, и в нем и во всем остальном, поймет, благодаря чему данное место или данный предмет может стать «священным», и при том в такой степени, что неспособные в повседневной жизни чувствовать божественное присутствие могут в этом месте, или благодаря этому предмету, почувствовать Его вездесущность. Достигается это человеком, в котором божественный Дух уже пробужден, благодаря чему его внутренние проводники легко отзываются на более тонкие вибрации сознания. Через такого человека беспрепятственно изливаются духовные энергии, соединившись предварительно с его чистым жизненным магнетизмом. Он может передать это изливание любому предмету; колебания эфирной материи последнего придут в соответствие с вибрациями его магнетизма, и, как уже было ранее объяснено, такой предмет приобретает новые свойства. Если подобная магнетизация сделана с большой силой, сам предмет становится магнитным центром, способным в свою очередь магнетизировать всех, приближающихся к нему, так же, как тело, через которое проведен электрический ток, может действовать на тела, находящиеся в его близости.

Предмет, «освященный» таким образом, становится очень полезным добавлением во время молитвы и медитации. Тонкие проводники молящегося приходят в гармонию с его вибрациями, и человек успокаивается, достигает мира и тишины без лишних усилий с своей стороны. Если предмет носит на себе Священное Изображение – Распятие, Богородица с младенцем, ангела или Святого – тогда он действует еще сильнее. Изображенное Существо, если его магнетизм был

введен в изображение соответствующим Словом и Знаком Могущества, может легко усилить этот магнетизм и таким образом легче подействовать на молящегося и даже может проявиться через изображение. В духовном мире, так же как и в физическом, соблюдается экономия сил, избираются способы, благодаря которым возможна наименьшая затрата энергии для достижения поставленной цели.

Применением этого оккультного закона объясняется пользование всеми освященными предметами, каковы мощи, амулеты и т. п. Все это намагнетизированные предметы, более или менее действительные, или совсем бесполезные, смотря по степени знания, чистоты и духовности того лица, которое магнетизировало их.

Определенные места могут также приобрести священные свойства, если в них жили святые, которые своим чистым магнетизмом насытили всю атмосферу умиротворяющими вибрациями. Иногда Святые, или Существа из высших миров освящают то или другое место своим магнетизмом с определенной целью; подобный случай приводится в Евангелии от Иоанна (гл. V, 4), когда ангел появлялся в определенное время года и прикасался к воде, придавая ей целящую силу. В таких местах даже безразличные мирские люди могут почувствовать благодатное влияние и временно смягчиться и испытать тягу к высшим переживаниям.

Божественная жизнь, заключенная в каждом человеке, всегда стремится подчинить себе форму и выразить себя через нее; поэтому нетрудно понять, насколько вибрации формы, приведенные в гармонию с вибрациями более совершенных Существ, должны помогать заключенной в человеке божественной жизни проявить себя с большей силой. Внешним образом эта помощь сказывается чувством успокоения, тишины и мира; ум теряет свою обычную тревожность, сердце – свои обычные заботы. Каждый, умеющий наблюдать за собой, знает, что некоторые места содействуют внутреннему миру, религиозному настроению, преклонению более, чем другие. В помещении, где происходило много светской суеты и легкомысленной болтовни, гораздо труднее успокоить ум и сосредоточить мысль, чем там, куда годами, а тем более столетиями люди приходили ежедневно для молитвы и слияния с Богом. Там ум незаметно затихает и успокаивается, и то, что потребовало бы больших усилий в первом помещении, достигается без труда во втором.

В этом смысл паломничества к святым местам и временного удаления из мира. Человек углубляется, ищет Бога внутри себя, и этому помогает атмосфера, созданная множеством других людей, искавших того же в том же месте; подобное место обладает не только магнетизмом одного святого или того высокого Существа из невидимого мира, которое посетило это место, но и каждый, побывший в нем в душевном настроении преданности и благоговения, усиливает его вибрации силой, исходящей из его собственного сердца. Энергия первоначального магнетизма не сохраняется без такой поддержки, и священный предмет или священное место постепенно теряют свою силу, если первый остается без внимания, а второе не посещается людьми. Насколько благоговейное отношение к такому месту содействует силе его магнетизма, настолько же присутствие издевающегося человека вредит ему, внося противоположные вибрации, ослабляющие эту силу. Подобно тому, как звуковая волна, встречаясь с другой, уничтожающей ее волной, не производит звука, так же и вибрации издевающейся мысли ослабляют или даже уничтожают вибрации мысли благоговейной. Результат соответствует относительной силе той и другой вибрации, но вредная мысль не может быть без результата, потому что законы вибрации одни и те же в невидимых мирах и в физическом мире, и вибрации мысли выражают собой реальные энергии.

В этом кроется смысл освящения церквей, часовен, кладбищ. Акт освящения не есть лишь отделение данного места для определенной цели; это – магнетизация места на пользу тех, которые будут посещать его. Ибо видимый и невидимый миры тесно сплетены между собой, они

непрестанно влияют друг на друга, и тот сможет наилучшим образом служить видимому миру, кто способен наиболее сознательно направлять силы миров невидимых.

Послесловие

Мы достигли конца; малая книга о великом явлении могла лишь слегка приподнять край Завесы, скрывающей Деву Вечной Истины от небрежных взоров людских. Нам удалось увидеть лишь златотканый край Ее Одежды, но даже и то, что мы увидели – волнистое движение каймы Ее Покрова – доносит до нас небесные благоухания из иных, более прекрасных миров. Какова же была бы неизъяснимая Слава, если бы поднялась вся Завеса, и перед нами предстал сияющий красотой Лик божественной Матери и на ее руках Младенец, воплощение самой Истины? Серафимы не выдерживают и покрывают свои Лики перед Ним; кто же из смертных способен вынести Его вид?

И все же – раз в нас пребывает Его Жизнь, кто может запретить человеку проникнуть за Покрывало и увидеть «открытым лицом славу Господа?» Из недр Пещеры до высочайших Небес – таков был путь Слова, ставшего плотью, скорбный Путь Креста. Разделяющие Его человечность приобщаются и Его божественности, и они могут ступить там, где ступал Он. «Что Ты еси, то есмь и я».

notes

Марк 16:15.

Матфей 7:6.

Clement of Alexandria. *Stromata*, кн. 1, гл. XII. Clarke's Ante-Nicene Christian Library. Том IV.

1 Коринф. 3:16.

1 Коринф. 2:14,16.

Иоанн 1:9.

Псал. 62:2.

1 Коринф. 15:28.

Ante-Nicene Library, том XII. Clement of Alexandria. *Stromata*, v. V, гл. XI.

Encyclop. Britannica, IX edition, on «Mysteries».

Psellius, quoted in Jamblichus on the Mysteries. T. Taylor, p. 343.

Jamblichus, as ante, стр. 301.

Там же, стр. 72.

Статья о «Мистицизме» в Encyclopaedia Britannica говорит следующее об учении Плотина (204—206 г. по Р. Х.): «Единый (Верховный Бог, о котором была речь выше) возвышается над nous и над идеями. Он превышает всякое существование и непознаваем путем разума. Оставаясь Сам в покое, Он как бы излучает из своей Собственной полноты образ Самого Себя, называемый Nous, который и образует систему идей разумного мира. Душа, в свою очередь, есть отражение или продукт Nous и посредством своего движения она порождает телесную материю. Таким образом перед душой два пути – по направлению к nous, от которого она произошла и по направлению к материальной жизни, которая есть ее собственный продукт. Нравственное усилие состоит в отречении от чувственного; материальное существование есть само по себе удаление от Бога... Чтобы достигнуть конечной цели, даже сама мысль должна быть оставлена позади; ибо мысль есть вид движения, а желание души направлено к неподвижному покою, который принадлежит Единому. Соединение с Трансцендентным божеством есть не столько знание или видение, сколько экстаз, слияние, «контакт». Таким образом, Неоплатонизм есть «прежде всего вполне рационалистическая система; иными словами предполагается, что разум способен начертать всю систему вещей. Но так как Бог признается превышающим разум, то мистицизм становится в некотором смысле необходимым дополнением якобы всеобъемлющего рационализма... Вся система завершается мистическим актом...»

Jamblichus, as ante, стр. 73.

Там же, стр. 55, 56.

Там же, стр. 118, 119.

Там же.

Jamblichus, as ante, стр. 95, 100.

Там же, стр. 101.

Там же, стр. 330.

G. Mead. Plotinus, стр. 42.

Jamblichus, стр. 364.

G. Mead. Orpheus. стр. 285, 286.

Jamblichus, стр. 285 et seq.

G. Mead. Orpheus, стр. 50.

Там же, стр. 30.

Там же, стр. 263. 271.

G. Mead. Plotinus, стр. 20.

Шветашвара упанишада, VI, 22.

Катха упанишада, I, iii, 14.

1 Коринф. XIII, 1.

Катха упанишада, VI, 17.

Мундака упанишада, II, ii, 9.

Там же, III, I, 3.

1 Самуил 19:20.

2 кн. Царств 2:2,5.

В отделе «School».

Dr. Wynn Westcott. Sepher Ietzirah, стр. 9.

Марк 4:10,11,33,34. См. также Матф. 13:II,34,36 и Лука 8:10.

Матф. 13:36.

Иоанн 16:12.

Деяния 1:3.

«Pistis Sophia», tram. by G. Vtad. I, I, 1.

Матф. 7:6.

Как у Марка 7:27. Учитель обращается к греческой женщине: «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам».

Лука 13:23,24.

Матф. 7:13,14.

Катха упанишада, II, IV, 10, 11.

Брихадараньяка упанишада, IV, iv, 7.

Откров. Иоанна 7:9.

Бхагavadгита, VII, 3.

Следует помнить, что евреи верили, что все несовершенные души возвращаются для новой жизни на земле.

Матф. 19:16,20,21.

Там же, 23, 24, 26.

Иоанн 14:3.

Евр. 9:23.

Иоан 3:3,5.

Матф. 3:11.

Матф. 18:3,4.

Иоан 3:10.

Матф. 5:48.

Заметьте, как это согласуется с Евангелием от Иоанна 16:12—14: «Еще многое имею сказать, но вы теперь не можете вместить, когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину... И будущее возвестит вам... Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам».

Другое упоминавшееся в мистериях имя.

Ефес. 3:3,4,9.

Колосс. 1:23,25—28. Но Св. Климент в своей *Stromata* переводит «каждый человек» как «весь человек» – кн. V, гл. V.

Колосс. 4:3.

Ante-Nicene Library, том XII. Clement of Alexandria, Stromata, кн. V, гл. X. Некоторые дополнительные изречения Апостолов мы будем приводить в цитатах из Климента, показывающих, какое значение имели эти изречения для сознания ближайших преемников апостолов, живших в той же атмосфере мысли.

1 Тимоф. 3:9,16.

1 Тимоф. 1:18.

1 Тимоф. 4:14.

1 Тимоф. 6:12.

1 Тимоф. 6:20.

2 Тимоф. 1:13,14.

2 Тимоф. 2:2.

Филипп. 3:8,10—12,14,15.

Откровение Св. Иоанна 1:18. «Я есмь живый и был мертв, и се жив во веки веков, аминь».

2 Коринф. 5:16.

Галат. 3:27.

Галат. 4:19.

1 Коринф. 4:15.

1 Петра 3:4.

Ефес. 4:13.

Колосс. 1:24.

2 Коринф. 4:10.

Гал. 2:19—20.

2 Тимоф. 4:6-8.

Откр. 3:12.

Галат. 4:22—31.

1 Коринф. 10:1-4.

Ефес. 5:23—32.

Евр. гл. 3—10.

The Martyrdom of Ignatius, том I, гл. III. Перевод на английский язык принадлежит «Доникейской библиотеке Кларка»; чрезвычайно полезное сокращенное изложение христианской древности.

The Martyrdom of Ignatius. The Epistle of Polycarp, гл. XIII.

Там же. The Epistle of Barnabas, гл. I.

Там же. The Epistle of Barnabas, гл. X.

The Martyrdom of Ignatius, гл. I.

The Martyrdom of Ignatius, гл. I; The Epistle of Ignatius to the Ephesians, ch. III.

The Epistle of Ignatius to the Ephesians, гл. XII.

Epistle to the Trallians, гл. V.

Epistle to the Philadelphians, гл. IX.

Том IV. Clement of Alexandria, Stromala, кн. I, гл. I.

Там же. Гл. XXVIII.

Stromata, кн. I, гл. I.

Там же, кн. V, гл. IV.

Там же, гл. V—VIII.

Там же. кн. V, VIII.

Там же, гл. IX.

Колосс., 1:9-11 и 25—27.

Евр., гл. 5 и 6.

Stromata, кн. V, гл. X.

Римл. 15:29.

Stromata, кн. V, гл. X.

Там же, кн. VI, гл. VII.

Там же, кн. VI, гл. XIV.

Там же, кн. VI, гл. XV.

Там же, кн. VI, гл. X.

Там же, кн. VI, гл. VII.

Там же, кн. I, гл. VI.

Там же, кн. I, гл. IX.

Там же, кн. VI, гл. X.

Там же, кн. 1, гл. XIII.

Том XII, Stromata, кн. V, гл. IV.

Stromata, кн. VI, гл. XV.

1-я книга «Против Цельсия» находится в X томе издания «Ante-Nicene library». Остальные книги в томе XXIII.

Том X. Origen against Celsus, кн. I, гл. VII.

Там же.

Исход 25:40, 26:30; сравните с посл. к Евреям 13:5 и 9:23.

Ориген. Против Цельса, кн. IV, гл. XVI.

Там же, кн. III, гл. LIX.

Там же, кн. III, гл. LXI.

Там же, кн. III, гл. LXII.

Том XXIII. Ориген. Против Цельса, кн. V, гл. XXV.

Там же, кн. V, гл. XXVIII.

Там же, гл. XXIX.

Там же, гл. XXXI.

Там же, гл. XXXII.

Там же, гл. XLV.

Там же, XLVI.

Там же, гл. XLVII и LIV.

Там же, гл. LXXIV.

Там же, кн. IV, гл. XXXIX.

Там же, том X, кн. I. гл. XVII.

Там же, том X, кн. I, гл. XLII.

Том X. De Principiis. Preface, стр. 8.

Там же, гл. I.

Иоанн 14:18—20.

Arians of the Fourth Century, card. Newman, гл. I, секц. III, стр. 53.

Там же, гл. I, секц. III, стр. 55, 56.

Ирине́й

Там же, гл. I, секц. III, стр. 54, 55.

Там же, гл. I, секц. III, стр. 62.

«Mysticism». Encyclop. Britannica.

Там же.

Mead, Orpheus, стр. 53, 54.

The Misteries of Magic. Transl. by A. Waite, стр. 58 и 60.

2 Петра 1:3.

Галат. 4:19.

2 Коринф. 4:16.

«Оккультными летописями» называются отраженные в слоях окружающего земную атмосферу эфира, которые сохраняются от всех событий, совершающихся на земле.

По учениям теософии все человеческие расы и их подрасы выполняют ту или иную задачу общечеловеческой эволюции. Когда одна раса заканчивает свою миссию, тогда на смену ей появляется следующая, и это всегда соединяется с переходом человеческой цивилизации на новую ступень. Так, четвертую, кельтскую подрасу арийской коренной расы сменила пятая, тевтонская, а ее в свою очередь сменит шестая, только еще зарождающаяся, и это явление так же будет сопровождаться пришествием Великого Учителя.

Иоанн 1:32.

Матф. 3:17.

Матф. 4:17.

Тим. 3:16.

Иоанн 10:34—36.

Иоанн 14:18,19.

Valentinus. Transl. by G. Mead. Pistis Sophia, кн. I, 1.

Письма Игнатия к Траллянам, гл. V.

Pistis Sophia, стр. 60.

Там же, стр. 218.

Там же, стр. 230.

Там же, стр. 357.

Там же, стр. 377.

таинству причащения

Юстин Мученик. Том II. Первая Апология, кн. LXII и LXVI.

Там же. Вторая Апология, XIII.

Тертуллиан, т. VII. О крещении, гл. V.

Высшее «я» или высший разум человека.

Читатель может не без пользы перечитать описание Платона «Пещеры» и ее обитателей, помня при этом, что Платон был Посвященный. Республика, кн. VII.

Элифас Леви. The Mysteries of Magic, стр. 48.

Bonwick. Egyptian Belief, стр. 167.

Празднование «Natalis Solis Invicti», дня рождения Непобедимого Солнца.

Williamson. The Great Law, стр. 40—42. Желаящие изучить этот вопрос должны бы прочитать эту книгу, написанную глубоко верующим христианином.

Там же, стр. 36—37.

Там же, стр. 116.

Там же, стр. 58.

Там же, стр. 56.

Там же, стр. 120—123.

См. первую главу Евангелия от Иоанна, ст. 1—5. Название Логоса, данное *проявленному* Богу, формирующему материю, платонического происхождения и поэтому идет непосредственно из мистерий; до Платона, в гораздо более древние времена Голос *Vak*, употребляемый в религии индусов, происходит из того же источника.

См. выше, гл. IV.

См. в гл. III.

См. в гл. III.

2 Посл. Коринф. 4:18.

Там же, 5:7.

Там же, 5:14.

Лука 15:16.

Лука 14:26.

Матф. 5:28.

Евр. 11:27.

Матф. 5:45.

Лука 9:49,50.

Матф. 17:20.

2 Посл. Коринф. 6:4-10.

Колосс. 3:1.

Матф. 5:8; Иоанн 17:21; Бытие 1:3.

Иоанн 1:3.

The Christian Creed, C. Leadbeater, стр. 29.

Там же, стр. 43.

Галат. 4:19.

Матф. 18:3.

2 Петра 3:15,16.

A. Besant. Essay on the Atonement.

Там же.

Брихадараньяка упанишада, I, i, 1.

Бхагavadгита, III, 10.

Брихадараньяка упанишада, I, ii, 7.

Мундака упанишада, II, ii, 10.

Haug: Essays on the Parsis, стр. 12—14.

Откров. 13:8.

W. Williamson: The Great Law, стр. 406.

«The Atonement» A. Besant. Review. «Nineteenth Century», June, 1895.

Евр. 1:5.

Евр. 1: 2.

C. W. Leadbeater. The Christian Creed, стр. 54, 56.

Там же, стр. 56, 57.

По-английски At-one-ment, приведение к одному. – *Прим. перев.*

Матф. 25:21,23.

Там же, 31—45.

Исаия 52:11.

Матф. 16:25.

Иоанн 12:25.

Евр. 6:16.

«Свет на Пути», §8.

Евр. 7:25.

1 Тимоф. 3:16.

C. W. Leadbeater. The Cristian Creed, стр. 61, 62.

1 Коринф. 15:44.

1 Фессал. 5:23.

См. главу IX, «Святая Троица».

2 Коринф. 12:2,4.

Матф. 5:48.

Иоанна 17:22,23.

2 Коринф. 5:1.

1 Коринф. 16:28.

Эта ошибка была совершенно естественна, так как перевод был сделан в семнадцатом столетии, когда всякое понятие о предсуществовании души и ее эволюции давно уже испарилось из мировоззрения христианского мира, исключая несколько сект, сохранивших это учение, которые были объявлены еретическими и были преследуемы римско-католической церковью.

Иоанна 3:13.

Евреям 5:9.

Откровение 1:18.

«Голос Безмолвия» Е. П. Блаватской.

Иоанн 17:5.

1 Коринф. 15:20.

Чхандогья упанишада, VI, II, 1.

Второзаконие 6:4.

1 Коринф. 8:6.

Здесь ошибка: Эн или Айн Соф не принадлежит Троице, это – Единое Существование, проявленное в Трех; и Кадмон или Адам Кадмон – также не один из сефир, но вся их Целостность.

«The Great Law». Williamson, стр. 201, 202.

H.M. Milman. «The History of Christianity». 1867. стр. 70—72.

Asiatic Researches, I, стр. 285.

S. Sharpe. «Egyptian Mythology and Egyptian Christology», стр. 14.

Williamson. «The Great Law», стр. 196.

Там же, стр. 208, 209.

Иоанн 1:3.

Иеремия 51:15.

См. выше, гл. VI, «Мистический Христос».

«Символ Веры» Афанасия.

Откровение 4:8.

Лука 1:38.

Там же, 1:35.

Кн. Прем. Сол. 8:1.

Том 17, Ante-Nicene Library. S. Clement of Alexandria. Stromata, кн. V, гл. II.

Иеремия 51:15.

Бытие 1:1.

Иов 38:4.

Бытие 1:2.

Иеремия 51:15.

Там же.

Иоанн 1:3.

Бхагavadгита, IX, 4.

1 Коринф. 15:27,28.

Иоанн 14:6.

Евреям 12:9.

Числа 16:22.

Бытие 1:26.

Матф. 5:48.

Иоанн 17:5.

Иоанн 5:26.

Матф. 1:23.

Евреям 2:18.

Посл. Иакова 1:17.

Бытие 28:12,13.

Евр. 1:14.

Матф. 10:29.

Деяния 17:28.

T.H. Huxley. «Essays on some Controverted Questions, стр. 36.

Лука 22:41,43.

Иоанн 1:11.

Откр. 3:20.

Лука 5:18—26.

Лука 7:47.

G.R.S. Mead. «Pistis Sophia», b. II, §§ 260, 261.

Там же, §§ 299, 300.

Матф. 12:36.

Матф. 9:2.

Бхагavadгита, III, 9. Перевод д-ра А. Каменской.

Там же, VI, 43.

Там же, IX, 30.

См. выше главу «Воскресение и Вознесение».

В этом кроется причина терпения и кротости, которые часто наблюдаются у больных с очень чистой душой. Они усвоили урок страдания и не создают новой дурной кармы, проявляя ропот и нетерпение, когда приходится переносить результаты прошлой дурной кармы, и благодаря этому они погашают ее.

Лука 7:48,50.

Бхагavadгита, IX, 31.

Матф. 7:1.

«Pistis Sophia», b. II, § 305.

Откровение 3:20.

G. Bruno, trans. by L. Williams. «The Heroic Enthusiasts», v. I, стр. 133.

Там же, гл. II, стр. 27, 28.

Там же, стр. 102, 103.

Откр. Св. Иоанна 4:5.

Выражение «сила и материя» употребляется здесь потому, что оно так хорошо известно в научном мире. В действительности «сила» – одно из свойств материи, упомянутое в главе IX «Святая Троица».

Иов 38:7.

См. в любой научной книге о звуке, какие формы образуются той или другой музыкальной нотой, а также иллюстрированную книгу Mrs. Watts-Hughes «Voice Figures».

См. в главе IV «Исторический Христос» и в главе XI «Отпущение грехов».

В таинстве покаяния пепел более не употребляется, исключая особенных случаев, тем не менее он составляет часть ритуала.

В XIV главе читатель найдет еще несколько указаний относительно «священных предметов».

См. главу XII «Св. таинства».

«Christian Records», стр. 129.

«The Great Law», стр. 161—166.

См. гл. V.

R. Taylor. «Diegesis», стр. 219.

1 Петра 3:4.

2 книга Царей 6:17.

1 Kop. 10:16.

Иеремия, гл. 44.

Бытие 14:18,19.

«The Great Law», стр. 177—181, 185.

Левит 17:11.

Римл. 12:1.

Исаия 62:5.

Ефес. 5:23—32.

«Символ Веры» Афанасия.

2 Петра 1:20.

См. выше гл. III «Сокровенная сторона христианства».

2 Коринф. 3:6.

1 Коринф. 2:11,13.

Исаия 6:6,7.